

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1979

Роберт Рождественский

*Избранные
произведения*

в двух томах

Роберт Рождественский

*Избранные
произведения*

Том 2

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОЭМЫ

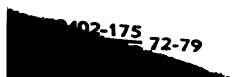
(1965—1977)

ПЕСНИ

P2
P62

Оформление художника
В л. Медведева

Из сборника
"ВРЕМЯ"
1965-1968

10. 11. 1954

11

12

ДНИ РОЖДЕНИЙ

Луна,
сквозь тучи прорастая,
глаза зеленые скосила...

Родился я в селе Косиха.
Дождливым летом.
На Алтае.
А за селом
синело поле
и пахло
ливнем переспелым...

Нет!
Я родился много позже.
Потом.
В июне.
В сорок первом.
И жесткий голос
Левитана
был колыбельною моею.
Меня
война в себя впитала.
Я — сын ее.
Я полон ею...
Кричали о победе
трубы.
Над площадью салют светился...

Мне повезло.
Я встретил
 друга.
И с ним как будто вновь
 родился...

Жил —
 не богатый и не бедный.
Острил.
Под простачка
 рядился.
Наедине с бумагой, —
белой,
как изморозь, —
я вновь родился!..
Дрожал от странного озноба.
Протестовал.
Себя стыдился.
Сказал: «Люблю...» —
 родился снова.
Услышал: «...Нет!» —
и вновь
 родился...

Шел век —
 ожесточенно-труден, —
для сладких песен
не годился.
Я только на секунду
 струсил.
И превозмог.
И вновь
 родился.
О, дни рождений!
 Дни рождений!
Дни грусти
и освобождений.
Дни праздников,
 пора зачать, —
без вас я —
будто дом
 без счастья.

Пока мои глаза открыты,
я дни рождения
встречаю.

И торжествую
в первом крике!
И все идет опять
сначала.

УТРЕННИЕ СТИХИ

Уже проснулся
 дом,
потягиваясь тайно.
В нем, —
как в лесу густом,
движенье,
 бормотанье.
Как тысяча
 рапир,
зазвякала посуда.
К зарядке
 приступил
сосед —
работник ЦУМа.
Звучат его шаги,
как вечное возмездье.
Сейчас пойдут
 прыжки,
потом —
ходьба на месте.
Дверь хлопнула вдали.
Окно —
 в дождинках крупных.
Вовсю гудят шмели
в водопроводных трубах.
Лифт
ссорится с людьми
от перенапряженья...

~~Уже проснулся~~

мир.

Уже пришел в движение.

Под камни

в темноту

переползают крабы.

В задымленном порту

зашевелились

краны.

Будя себя самих,

топорщатся пороги.

Тяжелый грузовик

ревет на повороте.

Метро

вошло в азарт.

Открылись магазины.

Заговорил базар.

Гудки заголосили.

Букашкой со стола

срывается

курносо.

гремящая стрела

с груди

авианосца!..

Ворочаюсь впотьмах

от

радиофальцета.

Ведь слышимость.

в домах

и в мире —

равноценна.

* * *

Встанет море,
 звения.
Океаны —
за ним.
Зашатает
 меня
вместе с шаром земным!
А уснуть захочу,
после долгих погонь
я к тебе
 прилечу —
мотыльком
на огонь.
Пусть идут, как всегда,
посреди мельтешни
очень быстро —
 года.
Очень медленно —
 дни.

ГОЛОД

Кайсыну Кулиеву

Метелью ошарашен город.
Домá —
в сугробах,
 будто в мыле...
Я голодаю.
Это —
 голод
на то, что происходит в мире.
Мир
 кажется большим и ушлым.
А мне его сенсаций
 мало!
И для меня
газета утром —
как героин
 для наркомана.
Я голодаю,
 голодаю,
барахтаюсь в журнальной снеди.
Спешу.
Внимаю клокотанью
событий
на моей планете.
От войн
 до сбора земляники,
от спорта
 до проблем жилищных.

Дурманный запах
новой книги

мне слаще
запаха шашлычных.
Не понимаю.

Понимаю.

Приветствую.

И осуждаю.

Смиряюсь.
Голову ломаю.
И голодаю,

голодаю.

То важным занят,
то — мурую.

Дышу.

Найти себя

пытаюсь.

И голодаю.

И порою

пустыми слухами питаюсь.

Вот возмутился,
поперхнулся...

Но если даже в снах

витаю,

мне снится, будто я проснулся
и голодаю,

голодаю.

* * *

Ярославу Смелякову

Говорите по-советски, —
ах, какой язык!
Вам с рождения известны
языка
азы.
Говорите на просторном,
как движенье
крыл, —
на просторном,
на котором
Ленин
говорил!
И не хвастайтесь усердьем,
жизнь перетерпя.
Вы в язык поверьте сердцем,
как в самих себя!..
Для иного он —
парадный,
не живой,
ничей.
Все равно что иностранный,
лампа
в пять свечей.
Приказали —
задолдонил
(прорастает пень!).
Кое-что для жизни
добыл.

Держится теперь.
И хотя он мечет брызги
с жаром на лице,
откровенно карьеристский
слышу я
акцент!..

Но

из-за такой канальи
и пустых бравад
вы язык не проклинаяте, —
он

не виноват!

Говорите,

потому что

без него

нельзя.

Говорите,

зло и мудро

дураков разя!

На размашистом рассвете

и в дождях

косых

говорите по-советски —

правильный язык!

НЕСОВМЕСТИМОСТЬ

В криках:
 «Осанна!» —
в разливах венчального звона
тоже
 идет пересадка
сердца живого...
Высятся гордо
зазывные глыбы салата.
Возгласы:
 «Горько!..»
А может,
и вправду не сладко.
Смех
 испаряется!
Бездарно
такое соседство,
если в семье
 не появится
общее сердце...
Ветры вибрируют.
Лес накренился упруго...
Жизнь
 оперирует
лучше
 любого хирурга.
Это —
 болезненно.
Буднично.

Неотвратимо.
Тонкое лезвие
власть над людьми захватило!..
Сон

отступает.
Руки твои опустились...

Горечью пахнет.
Разлукою пахнет.

Несовместимость.
Несовместимость.
Взглянув исподлобья
на рану,

суд,
ощетинясь,
разводы дает,
как в награду...

Несовместимости!
Тебя проклинают,
боятся!

Ты превратилась
в судьбу,
в приговор,
в постоянство.
Несовместимость

асфальтовой рани
с тьмой непролазной.

Несовместимость
шалашного рая
с детской коляской.

Несовместимость
пастушьей свирели
с бешеным веком.

Несовместимость
ветки сирени
с атомным ветром...

Мучает,
подстерегает преступно,
грозно,

угарно
несовместимость
гнома-поступка
и слова-гиганта...

...Похолодели.

Прошли стороною.

Взглядом простились.

Несовместимость виною.

Несовместимость,

ПАТРУЛЬ

На боках особняков
дымные подпалины.
Сладко катится листва
вдоль Невы-реки.
Патрулем
идет матрос,
а к рукам припаяны
невозможной тяжести
гири-кулаки...
Ах, какая тьма ветров,
по эпохе веющих!
Ах, какая мешанина
лозунгов и лет!
Патрулем
идет матрос,
осеня верующих
распрекраснейшим крестом
пулеметных
лент.

* * *

А. Аграновскому

Над камином стучат
ходики...

Где упали
друзья —

холмики.

Навсегда заросли
травами.

До сих пор их дома
в трауре...

А другие

пошли в физики.

Мне о них разузнать —
фигушки!

Мне у них про дела
выпытать —

все равно

что секрет

выболтать...

А иные нашли

жилочку,

может,

даже и впрямь —

жирную.

Полюбили столы

крупные.

Полюбили слова
круглые...
Им

грешно до меня снизиться...
И застыл телефон
в книжице.
Как рыбешка
в углу невода.
Номер есть,
а звонить —
некуда...

Похудела моя
книжечка.
Там,
где раньше канат, —
ниточка.
Там, где раньше
моря, —
озеро.
А вместо весны —
осени.

На могиле.
В страдании.
И в злобе...

Мы —
 как фундамент в слове.
Приходим, будоража...
Кричите,
 если страшно.
Кричите,
 если больно...

Мы —
в лихости футбольной.
Когда — удар!
 И — мимо.
Когда орут:
«На мы-ы-ы-ыло-о!»

Мы рвемся
 из гортани.
И вы нас не глотайте.
Мы не хотим — обратно...

Мы — гласные.
Мы —
правда.

2

А мы — согласные.
 А мы
из века энного.
Не так круглы,
 не так прямы, —
но что из этого?!
В застолье
 говорит ханжа
слова прекрасные.
На землю кровь течет
 с ножа,

а мы —
согласные.
В тупые уши
клевета
ползет,
заглазная.
А нам-то что?
А ни черта!
Ведь мы —
согласные...

Не суйся переубеждать,
на дружбу сваливая.
Нам просто
надо оправдать
свое название.
Живем, покорны, как ковер.
Витые.
Разные...
Что?
Нам подписан приговор?!
Пусть.
Мы —
согласные...

3

Дайте слово
звонким!
Пузырь, елей!
Звонким,
будто сводки
с ледяных полей!
Звонким
по призыву.
Звонким,
словно медь.
Звонким,
если свадьба.
Звонким,
если смерть.

Звонким,
 будто струны.
Звонким,
 как мулла...

Дело звонких —
трубы.
И колокола!

4

Говорите громче.
 Мы —
 глухие.
Вы на инвалидов глаз не пяльте.
Глухи мы,
 как старые графини.
Глухи мы,
 как новые распятия.
Вы спокойно
 нас произносите.
В сущности,
мы не совсем плохие...
Помощи и денег
 не просите.
Мы вас не услышим.
Мы —
 глухие.

5

Шипящие.
Шипящие.
Сопящие.
Знобящие...

То —
 в шоке,
то — в шаманстве.
В ожоге.
И жеманстве.

В жаре.
И мешанине.
В желе.
И мещанине.
В земном
 округлом
 шаре.

В слепом
 змеином
 жале.

То — в шепоте.
То — в шелесте.
То — в желуде.
То — в жесте.
То — в жалости
 отчасти...

И
(почему-то) —
в счастье.

6

По причинам,
без причин,
для прекрасного,
для злого
мы —
 и мысленно —
 звучим!

И тогда
приходит слово!
Погибаем,
 изменясь,
в гулкой звуковой пучине...

Люди!
Изучите нас.
Так,
как мы вас изучили.

ДАВНЕЕ

А. Киреевой

Я, как блиндаж партизанский,
 травую пророс.
Но, оглянувшись,
очень отчетливо вижу:
падают мальчики,
 запнувшись за мину,
 как за порог,
наткнувшись на очередь,
 будто на ленточку финиша.
Падают мальчики,
 руки раскинув просторно,
на чернозем,
от безделья и крови
 жирный.
Падают мальчики,
 на мягких ладонях которых —
такие прекрасные,
такие длинные
линии
жизни.

Зря
браслетами не бряца́й.
Я их слышал.
Я не взгляну...
Знаешь,
как языческий царь
объявлял другому
войну?
Говорил он:
— Иду
на Вы!
Лик мой страшен,
а гнев —
глубок.
Одному из нас —
видит бог! —
не сносить в бою головы...

Я не царь.
А на Вы
иду!
Неприкаян и обречен,
на озноб иду.
На беду.
Не раздумывая
ни о чем.
Будет филин ухать в бору.
Будет изморозь по утрам.

РАЗНИЦА ВО ВРЕМЕНИ

[illegible]

Я обыкновенно жил.
Я с любовью не играл.
Я писал тебе стихи,
 ничего взамен не требуя.
И сейчас пошлю домой
 восемнадцать телеграмм.
Ты получишь их не сразу.
Это —
 разница во времени.
Я на улицу бегу.
Я вздыхаю тяжело.
Но, и самого себя
 переполнив завереньями,
как мне закричать
 «люблю»?
Вдруг твое «люблю»
 прошло?

ЦИРК

Александр Аронову

1

Давно перейдя рубеж
ньютоновского:

«Нашел!..»,

колышется

зыбкий перш, —

как здравый смысл

обнажен.

Мелькает в прожекторах

девчоночка —

слабый пол.

Улыбка скрывает

страх.

А блески скрывают

пот.

Работа на высоте.

Искусство без дураков.

В торжественной суете.

В неровной дрожи хлопков...

Ворона шьет по канве.

А люди едят огонь.

И ходят на голове.

И пишут

левой ногой.

А лошадь танцует вальс.

Садится слон на диван.

А клоун
глупее вас.
И это приятно
вам.
Лисицу пасет петух.
И —
перекрывая гул, —
как бубен,
звенит батуд.
Как мячик,
летит прыгун...

Усталые мудрецы,
простите
наивный век.

Почаще
ходите в цирк.
Покруче
глядите вверх.

2

Счастья хотите?
Желаете помолодеть?
Блюдо манежа начищено —
больно глядеть.
Будто сегодня ревизию ждали с утра...
Что приготовили?
Чем удивят повара?..
Чувствуя важность момента, —
суров и сварлив, —
лорд-дирижер
замахнулся на братьев своих.
И в вышине
над крутым поворотом голов
затрепетал,
засверкал,
раскатился галоп.
Мимо пронесся,
веселым дождем окропил.
Сядьте удобнее:
так
начинается пир!..

Пусть остается в душе,
вспоминается пусть
пряничный привкус восторга,
счастливая грусть.

Лампы погасли.
Надел гардеробщик пальто.
Мягкими крыльями
тихо взмахнул шапито.

И улетает.
И просит его не забыть...

Цирк не любить —
все равно что детей не любить.

* * *

Плюньте на изящный ореол,
даденный певцу во время оно.
Жалко мне поэта,
если он
занят
подновленьем ореола...
Пусть он лучше в доме
сор метет.
Спорит о классических газеллах.
В булочную ходит.
Снега ждет.
Застывает
у витрин газетных.
Пусть он режет хлеб.
Кричит во сне.
Морщится
от строчки неудачной.
Мчится по делам.
Звонит жене.
С дочерью
колдует над задачкой.
Покупает
яблоки ранет.
Разминает в пальцах сигарету...
Ничего таинственного
нет
в жизни
настоящего поэта...

Вот он на огонь глядит в упор.
Вот он разговаривает с кем-то.
Вот с друзьями едет на футбол...
И не носит
 нимба.
Носит кепку.

В ДЕНЬ ПОЭЗИИ

«Нишкни,
эстрада!
Будь проклята, эстрада!
Изыди!
Провались в тартарары!..»
Тебя поносят
широко и страстно,
тебя опять выводят из игры.
Но им назло,
почти не удивляясь,
плывет по залам
«стихотворный чад».
«Дешевая»
клокочет
популярность,
«дешевые» овации звучат.
Витийствует —
просите не просите —
«эстрадно-поэтическая моль»...
— Но кто же в залах?
— Там?!
Наверно, психи...
— Какая туча психов!
Бог ты мой!..

...Товарищ «псих»!
Огромное спасибо
за эту вдумчивую тишину.

В поэзию кидается
Россия.
Как ливень — в лето!
Как апрель —
в весну!
И наплевать
на чей-то визг нелепый
и нудное дрожанье шепотка:
«Вы пишете
все время на потребу...
а надо поскромней...
и —
на века...»
Века
веками.
Поживем —
обсудим...
Но продолжайся,
ежедневный бунт!
Партийная,
по самой высшей сути,
поэзия,
не покидай
трибун!
Не покидай!
Твой океан безбрежен.
Есть где гудеть
разбуженным басам!
Пусть в сотый раз
арбузом перезревшим
раскалывается
потрясенный
зал!
По праву сердца
будь за все в ответе,
о самом главном на земле крича.
Чтоб ветер Революции
и ветви
ее знамен
касались
плеча.

УБИЛИ ПАРНЯ

Убили парня
 за здорово живешь.
За просто так.
Спокойно.
Как в игре...
И было это
 не за тыщу верст
от города.
А рядом.
Во дворе.
Еще пылали окна...

Между тем
он так кричал,
прижав ладонь к груди,
как будто накричаться захотел
за долгое молчанье впереди...
Крик
жил отдельно!
Вырастал стеной.
Карабкался,
обрушивался с крыш.
Растерзанный,
отчаянный,
больной,
нечеловечески огромный
крик!

Он тек по трубам,
полз по этажам,
подвалы заполнял и чердаки.
Он ошалело тыкался в звонки!
Ломился в двери
и в замках визжал!..
И воздух был почти воспламенен.
И сигаретки
прыгали у рта:
«Вот если бы не вечером,
а днем...»
«Вот если бы на фронте, —
я б тогда...»
И все.
И только молний пересверк.
И все.
И не остановился
век...

Какое это чудо —
человек!
Какая
это
мерзость —
человек!

ИМЕНИНЫ

Было весело.
Было пьяно.
Было душно, как в парнике...
Шестьдесят свечей
 засияло
на торжественном пироге.
Длилось время.
Сменялись тосты,
и приканчивалась
 икра...

Багровея,
бухгалтер толстый
постоянно кричал:
«Ура!..»
Постаревшая примадонна,
плотно севшая на кровать,
повторяла хозяйке дома:
«Дура!
Годы надо
скрывать...»

**Лысый дядя хвалил жаркое
и, задрав подбородок вверх,
лепетал**

чего-то такое

**про коротенький
бабий век...**

А хозяйка,
вникая в речи,
не сердилась,
не горевала.
Наклонившись,
тушила свечи,
будто каждую
целовала.

НА РОДИНЕ МАЯКОВСКОГО

Нас было семеро,
 считая жен и переводчицу.
С селом Багдади, —
все до единого, —
знакомы косвенно,
мы не доверялись
 уговариванью паровозному.
Мы просто взяли две машины и —
 к Маяковскому!..

У ног в кувшинах вино плескалось. Мы хлеб делили.
А нам навстречу летели горы — и мощь,
и немощь...

В конце дороги
в невероятно земной долине
произрастало село Багдади,
на солнце нежась.

Произрастали дома спокойно и неустанно,
и абрикосы, произрастая,
плоды роняли.

Взрослели стены.
И даже речка произрастала,
в песок зернистый,
как будто в вечность,
уйдя корнями.

Мы вырастали за нею следом
из дрязг и туфель,
из пиджаков и вчерашних ритмов,
вчерашних споров.

Все рифмовалось,
звучало,
пелось,

и был доступен
хозяин дома, —
как сон
спокойный,
сухой, как порох.
Был дом наполнен

его шагами,
баском недавним.

Бас повторялся,
немые вещи тонули в отзвуках.
И улыбался легко-легко

австралиец Даттон.

И Евтушенко

пыхтел, наморщась,
над книгой отзывов...

...Потом обратно зашелестела,

крутятся,
дорога.

И солнце

то убегало в горы,
то вновь показывалось.

А мы молчали.

А мы смотрели, как осторожно
шагает туча,

на хилых ножках дождя
покачиваясь.

* * *

Притворись
 большим и щедрым,
поlyingающим в ночи.
Будто ливень по ущельям,
по журналам грохочи.
Притворись родным,
 родимым,
долгожданным, как капель.
Притворись необходимым!
Притворился?..

А теперь
открывай окно пошире.
Отряхнись от шелухи.
Надо
 собственной жизнью
доказать
свои стихи.

ПОЕЗД

Этот поезд,
 огромный и странный, —
закатал меня.
Закатал.
Он проходит
 по землям и странам,
по минутам,
часам
и годам.
Он идет сквозь жару и прохладу.
В нем —
 пижоны,
 пижамы,
 халаты,
молоко
и бутылки вина. . .
Ночь за окнами,
 будто стена...
А в купейном —
 от хохота тесно!
Молодётся
строительный туз.
И смеется вовсю
 поэтесса —
инженю
человеческих душ.

Так смеется она,
 будто платит
за вино,
за веселье свое.
Будто сразу за смехом
 заплачет,
и никто не утешит ее.

...Проводник
на Габена походит.
Пассажиры на станциях сходят.
Попросив для отчета
билет, —
сходят так,
будто сходят
на нет.

/

ПИСЬМО МОСКОВСКОМУ СНЕГУ

От тебя я неблизко.

За далями.

За морями.

Влажно вышит залив.

Чайки

душное лето пророчат...

Ты пришли мне сюда

белый лист подмосковной поляны

и на нем напиши

птичьей вязью

хоть несколько строчек...

Ты сейчас в двух шагах,

в двух вершках,

в сантиметре от дома.

Напиши о метелях,

о ветре,

буранах и бурях.

И спокойно лежи.

Так спокойно —

как будто надолго.

Будто бы навсегда.

И весны в этом веке

не будет...

Снег,

дружище,

товарищ.

Надежда моя

и обуза.

Ты не хочешь мне зла.

Ты меня предавать
не захочешь...

Спелый снег!

Ты хрустишь на зубах,

будто мякоть арбуза!

И уходишь сквозь пальцы.

Уходишь.

Уходишь.

Уходишь...

Как смешно и бездарно,

что людям тобою грозили!

Я тяну к тебе руки,

но это пока бесполезно...

Снег,

снежище,

снежatina.

Белое чудо

России.

Не забудь обо мне.

Не забудь.

Похрусти до приезда.

КОРРИДА В ЛИМЕ

А бык играл с людьми
в расцвеченном овале.
Один из тех
 восьми,
которых убивали...
О, как прекрасна кровь,
когда она —
чужая!..
Занятною игрой
орущих
 потешая,
бык
злиться не хотел.
А публика дурела!
И бедрами вертел
проворненький тореро.
На пальчики вставал.
Силен.
Самоуверен.
Бык
 недоумевал.
Но притворялся зверем...
Не сладко
 попадать
в такую передрягу.
Зачем
 ему бодать
замызганную тряпку?!

Чуть-чуть левой бы:
— Ha!!

Ha!! —

если хочешь крови...

Но у того —

жена.

А может, даже

кроме —

мальчишка.

Карапуз.

Рыданьями

разбудят...

И бык решился:

пусты!

Все будет так,

как будет.

Сопящая гора.

Накатится —

раздавит.

Он знал:

идет игра.

Подразнят —

и отстанут!

Поэтому —

щадил.

Играл с людьми

в охотку...

Не сразу ощутил

клинок,

вошедший в холку...

И на песок осел.

В малиновую тьму.

И прогудел

совсем

по-деревенски:

«Му-у-у...»

Он умирал,

пока

хлестала кровь из раны

на впалые бока...

Убили...

Рады?

МОЛИТВЫ ИНКА

1. ВСТРЕЧАЮЩАЯ СОЛНЦЕ

Пыль звездную
 рассвет клюет по зернышку...
Не прячь лицо!
Его земле
 яви!
Взойди на пышный трон
 и здравствуй,
 солнышко!
Своих детей
на жизнь благослови.
Расплавься,
 растворись
 в медовом воздухе.
Заставь сверкать
разболтанный ручей.
И всюду разбросай
 густые ворохи
соломенных,
пронзительных лучей...
Молюсь и верю
 ласковому пламени.
Стою над мокрой
 жертвенной плитой.

Хочу,
чтоб мы в тебе,
 как рыбы,
плавали,
чтоб стала вдруг прозрачною
 ладонь.

Хочу,
чтоб ты вошло в сады напевные,
чтоб ты смолой застыло на коре,
чтоб ты толкалось —
 доброе и спелое —

в оранжевой
шершавой коже...

Сияй,
 светило!

На колени падаю,
кладу на камень серебро монист.

Пусть осенью
 над сизой Урубамбою,
затвердевая,
шелестит маис.

Пусть
 псы сторожевые перетягиваются
и нюхают густую синеву.
Пускай мурлычет пума
 и потягивается.

У рвет когтями
 мятную траву...

Пусть я найду
все,
 что в ночи потеряно,
внимая тихим голосам судьбы...

Пускай в лесных чащобах,
в пряной темени
стоят крутые
 светлые столбы.

Пускай они сияют,
 снизошедшие.

Пускай их стороной обходит зверь.
Пускай к ним прикоснутся
наши женщины
и нам к весне
 подарят сыновей...

Грянь,
солнце,
грянь!
К тебе вершины ластятся.
Сейчас туманы обратятся в прах...
Смотри:
уже крестьяне
в пояс кланяются
на хлопковых
и рисовых полях...
Взойди на трон,
зерно благоуханное!..
В слезах мои ладони
и в крови...
Я — инка.
Я — твой раб.
Твое дыхание.
Клянусь тебе.
Молюсь тебе.
Живи!

2. ПРОВОЖАЮЩАЯ СОЛНЦЕ

Я понимаю прекрасно,
что день
тебя утомил...
Как мало у ночи красок!
Видишь:
чернеет мир!
Подули
черные ветры.
Зреет в траве роса.
Сухие
черные ветки
целятся мне в глаза.
Спеют
черные бунты
в самом забитом рабе.
Черное тело
пумы
скользит по черной тропе...

Пожалуйста, возвращайся!..

Звезды

мигают

нервно,

и каждая —

как укор.

На фоне

черного неба —

черные гребни гор.

Черные птицы

откаркались.

Земля —

черна и пуста.

В бездонной реке,

накапливаясь,

ворочается

чернота.

Вода,

как чума,

бессовестна.

Она накрыла меня...

Ночь,

наверное,

создана

для ожидания дня...

Пожалуйста, возвращайся!..

Молчанье живет для криков.

Для бури создан покой.

Змея рождена для крыльев.

Для холодов —

огонь...

Тяжесть

ночного ига

люди по сну

волокут.

По черным морщинам

инка

бесцветные слезы

текут.

Не зря умирают
ночью,
мучаясь и хрипя...
Я полон
завтрашней новью!
Я очень верю в тебя!..
Пожалуйста, возвращайся!

СУВЕНИРЫ

Сувениры
 вырезают
из обычных чурбачков.
И фигурки
вылезают,
отряхаясь от оков.
Их по мокрой гальке
 тащат,
топят в море, как котят.
Трут бумагою наждачной,
продолжительно копят.
Держат над горящим дегтем.
Краску из кувшина льют.
Появившимся подтекам
вид наивный
придают.
Перетряхивают,
 вертят.
Ад кромешный.
Чад сплошной...
Вот уж от фигурок
 веет
неподдельной
старинной.
Вот они застыли
 важно.
Переполнили лотки.

Вот на мир
 подслеповато
смотрят ветхие божки...
Покупатель —
 в полном трансе.

Денег
нечего жалеть!..

Ах, когда-то я старался
поскорее
 повзрослеть!
Без пальто ходил весною
на вечернее кино.
С малолетнею шпаною
пил серьезное вино...

...Не копти меня,
 столетье.

Снег,
не липни
 к волосам.

Час придет.
Я постарею.
Сам.

ВЕЩИ

М. Тарасову

[illegible]

Огромны,
 непокорны,
страшны, как никогда, —
они подходят к горлу,
как полая вода!
Как будто под парами
в усилье

 непростом
топорщится углами
обыкновенный стол.
Растет и задевает,
молчание храня,
как будто
выживает
из комнаты

 меня!
Пройти к столу мешает
гигантская кровать!..

Я снова
уезжаю
по дому
 тосковать.

ПОЭМА О РАЗНЫХ ТОЧКАХ ЗРЕНИЯ

1. СОН

Я по улице иду —
удручен.
В магазинах
нет вопроса:
«Почем?»
На вокзалах нет вопроса:
«Куда
по планете разбредись поезда?..»
Этот сон
приснился в пятницу мне
(может, он —
к деньгам,
а может —
к войне).
Я попал на заседание вдруг
Академии
Серьезных
Наук...
Академики —
дотошный народ
(сорок лысин,
восемнадцать бород) —
при параде,
при больших орденах
обсуждают
вопросительный знак.

Рассуждают о загадках его...
Говорят, что он немножко
того...

Не умеет
эпохально звенеть...
Заставляет временами
краснеть...

Не зовет,
не помогает в борьбе...
«Задается» —
значит, мнит о себе...

Если даже и ведет
иногда,

то заводит
неизвестно куда...
Решено:
недопустим компромисс!
Решено; что этот знак —
пессимист.

И записано,
что он отменен,
так как
«нет уже потребности
в нем»...

«Восклицательным знакам —
почет!!»

(Вопросительные —
взять на учет.

Разрешить для них
журчание
вслух

при наличии
особых
заслуг...)

Телефон «09»
вправе молчать.
(Если нет вопросов —
что отвечать?)

Нет вопросов,
и не слышно гудка...

«Мосгорсправка»
растерялась слегка.

Но потом она опомнилась

заклеймила
заблужденья свои...
Только сложности возникли опять:
«Как
с вопросами детей
поступать?..»
Просит ректор МГУ разъяснить:
«Что с экзаменами?
Чем заменить?..»

Все супруги
 соблюдают престиж.
Ведь не спросишь:
«Почему ты грустишь?..»
И не скажешь:
 «Ты сегодня бледна...
Что с тобою?
Может, помощь нужна?..»

Нет возможности
задачник добыть...
Не вздыхает Гамлет:
 «Быть
 иль не быть?..»

Нет задумавшихся.
Быт
 упрощен.
В магазинах нет вопроса:
 «Почем?»

На вокзалах нет вопроса:
«Куда
непонятные
 ушли поезда?..»
Нет кроссвордов.
КВН не бурлит.
И не спрашивает врач:
 «Что болит?..»

Лишь в кошмарных
 появляется снах
отмененный
вопросительный знак.

...А природе
 не впервой отставать.
А природе на запреты
плеваты!
Впросительно
 глядит сова.
Впросительно
 шуршит трава.
Впросительна пчела в цветах.
Впросительны краны в портах.
Впросительно закручен
 ус.
Впросительно свернулся
 уж...
Если даже у змеи
вопрос,
что же делать тем, кто —
 в полный
 рост?!!

2. НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ АВТОРА

Ну, ладно, —
мы
 рождаемся.
Переживаем.
Старимся.
Увидимся —
 расстанемся...
Зачем?

Грядущие
и прошлые.
Громадины.
Горошины.
Плохие
и хорошие.
Зачем?
Для дела
и для понта.

Запой и работа.
Крестины и аборты.
Зачем?

В дакронах и сатинах.
В рабах и господинах.
В театрах и сортирах.
Зачем?

Приказы и баллады.
Дебилы и таланты.
Пигмеи и Атланты.
Зачем?

Подонки и матроны:
На ринге
и на троне.
На вахте
и на стреме.
Зачем?

Над щами.
Над миногами.
С авоськами.
С моноклями.
Счастливые.
Минорные.
Зачем?

Трибунные гориллы,
базары
и корриды,
горланите?
Горите?
Зачем?

Случайно
иль нарочно?
Для дяди?
Для народа?
Для продолженья
рода?
Зачем?

3. ЭКСКУРС

Скорбел летописец:

«Славяне,
запутавшись намертво
в ссорах и дразгах,
пришли до варягов...

Сказали:

— Земля наша

сильно лесами обширна,
ручьями обильна,

и только обидно,
что нет в ней порядка,
и люди устали бессмысленно мучиться,

жить
не по правде.

Придите
и правьте!..»

Я тихо краснею

за это решение собственных предков —
суровых и бранных.

Не знаю,

чего они этим добились

и что потеряли,

но я повторяю:

— Земля наша

сильно лесами обширна,

лугами удачна,
ручьями обильна.

И только обидно,
что нет на земле
(как бы это сказать,

чтоб звучало толково?), —

чего-то

такого...

То сею не там.

И не то.

И не так, чтобы — к сроку.

Морока!

То вдруг

наводнение стрясется,

набухнет,

нагрянет внезапно,

то — засуха!

Мы вроде и эдак,
и так,
и обратно,
и снова,

да только —
без особого толку.
Как будто мы

чем-то обидели землю,

и жить ей от этого
тошно, —

и точка!..

Эгей,

супермены!

Советчики!

Форды!

Проныры!

Варяги!

Валяйте!!

А ну,

налетай,

джентльмены удачи!

Любители легкой наживы!

Спешите!

Откройте, что сами мы,

в общем,

старались напрасно

(быдло,

низшая раса).

И сделайте, чтоб от жратвы

прогибались прилавки

в сверканье и лаке!..

Чтоб даже в райцентрах любых

ни на миг не потухла

ночная житуха!..

А мы вам за это

подарим

цветастых матрешек,

протяжную песню про Волгу

и водку.

Икрою покормим,

станцуем вприсядочку,

склоним главу.

- Ну?!
- Они сейчас уйдут в песок,
туда, где не видать ни зги...
- Гы!..
- И, ощутив побег реки,
в беспамятстве забьется ерш!..
- Врешь!..
- Да нет, я говорю тебе,
что столько тайн хранит земля,
березы, ивы и ольха...
- Ха!..
- А сколько музыки в степях,
в предутреннем дрожанье рос...
- Брось!
- Да погоди!
Почувствуй ночь,
крадущийся полет совы,
сопенье
медленных лосих...
- Псих!
- Послушай,
разве можно так:
прожить —
и не узнать весны,
прожить —
и не понять снега...
- Ага!..

5. ХОР СО СТОРОНЫ

- А куда нам —
мыслить?
- А чего нам —
мыслить?

Это ж —
самому себе
веревочку мылить!
Мы же — непонятливые.

Мы же — недостойные,

До поры до времени
взираем из тьмы...

Кто у вас

на должности

хозяев истории?

А ведь ее хозяева —
извините! —
мы!

Мы —

и не пытавшиеся.

Мы —

и не пытающиеся.

Млекопитающие
и млеконапитавшиеся.

Рядовые.

Жвачные.

Мягкие.

Овальные.

Лица,

не охваченные

проф-

образованием.

Скромные.

Ленивые.

Не хитрецы,

не боги.

Мы —

обыкновенные,

как время само, —

люди-агрегаты

по переработке

всевозможно-всяческой

пищи

на дерьмо!

Нет войны — мы живы.

Есть война — мы живы.

Пусть вокруг
 оракулы каркают!..
 Вы думаете:
 это
 работают
 машины?!
 А это
 наши челюсти вкалывают!!
 Играйте в ваши выборы,
 правительства
 и партии!

Бунтуйте,
 занимайтесь
 стихами и ворьем.
 Старайтесь,
 идиотики!
 На амбразуры падайте!
 Выдумывайте,
 пробуйте!
 А мы пока
 пожрем...

Орите!
 Надрывайтесь!
 Мы
 посидим в сторонке.
 В тени своих коттеджей,
 избушек
 и юрт...
 Вы думаете:
 это
 грохочут
 новостройки?!

А это
 наши челюсти жуют!!
 Шагайте в диалектику,
 закапывайтесь в мистике,
 пускай кричит философ,
 догадкой озарен...
 Леди и товарищи,
 граждане и мистеры,
 стройте
 ваше
 будущее!

Мы и его сожрем...
Подползем,
навалимся неотвратимым весом
и запросто докажем,
как был задуман
мир...

Выставкам и выдумкам,
опусам и эпосам,
физикам и лирикам, —
привет!
Аминь.

Глыбы коллектива,
в завтрашнем раю
вам
не подфартило, —
общее «адью!»
На планете вместо
светочей ума,
встанут
Эвересты
нашего дерьма!
Брызнут фейерверком
желтые

дымы...
Разжиревшим веком
будем
править
мы!

Мы! —
и не пытавшиеся.

Мы —
и не пытающиеся.

Мы —
млекопитающие.

И млеконапитавшиеся.

6. СНОВА НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ АВТОРА

По стебелечку
ползет
травяная вошь...
вверх и вверх

Все выметено.
 Все мертво.
От сквозняков
 храпя,
пустые станции метро
ждут
 одного тебя.
И этот мир не обратим,
никем не обратим.
Поешь —
 один.
Идешь —
 один.
И видишь сны —
 один.
Ты сам —
на шесть материков, —
в дожди,
в жару,
в снега, —
на все моря без берегов,
на пароходы без гудков,
на телефоны без звонков.
(И даже нет
врага.)
Ты сам —
на двадцать первый
 век...
«Не надо!!
Чур-чур!!»
Зачем кричишь,
 человек?
Ведь ты молчал
вчера.

7. ПРИМЕР ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ

Мы тоже
 для кого-то
 были будущими.
Грядущими.
Идущими на смену.

Решительной эпохою
разбуженные
для славы и любви.
Для слез и смеха...

Мы тоже
будем прошлыми.
Давнишними.
Несбыточными,
как ушедший поезд.
Подернутыми дымкой.
В меру —
книжными.
И с этим,
к сожаленью, —
не поспоришь...

Хочу понять
без позы и без паники,
случайности
не называя глупыми, —
как после смерти
рядовые бабники
становятся
«большими жизнелюбами»!
Послушайте!
С ума сошли вы,
что ли?!

«Биограф»
усмехается нелепо
и говорит,
задергивая шторы:
— А это проще
всем известной репы.
Кричать и волноваться нет резона...
Политикою
высшею
ужалены,
мы,
если хочешь,
из твоей персоны
сообразим
«пример для подражания»...

Итак, начнем:

ты был

хорошим сыном.

Зачитывался книжками о войнах.

Завидовал решительным и сильным.

Любил кино,

повидло

и животных...

— Но это все вранье!!

— Поди доказывай...

— Я жил!

Я сомневался!..

— Это — лишнее...

Во имя воссоздания

нужной

личности,

тебе сомненья

противопоказаны!

Чтоб от событий в жизни было тесно,

нужны иные

меры и масштабы.

Ты даже не почувствуешь,

как станут

заклятые враги —

друзьями детства...

Твой фотоснимок

мы подретушируем.

В усталые глаза

добавим бодрости.

Чуть-чуть подтянем губы

(так — решительней).

Исправим лоб

(он был

не в той пропорции)...

Итак,

ты жил.

Ты презирал богатство.

Читал газеты,

плача и ликуя...

Твоя жена
(приходится вторгаться) —
немножечко не та...
Найдем другую...

— Зачем другая
мертвому?!

— Все правильно...

**— Я протестую!
Слышите?!**

— Помалкивай!
И, кстати, знай:

для живости характера

ты увлекался
теннисом и марками...

— При чем тут теннис?!

— Объясняем вкратце:
считай его

побочным сверхзада́нием.

Сейчас проходят игры.

Кубок Наций.

А мы пока что

в теннисе

не тянем...

Теперь ты чист
идейно
и морально.

Переосмыслен.

Виден издалека...

Был худосочным?

Стал

почти Гераклом.

Злопамятным?

А стал

милей теленка...

Теперь ты

на трибунах и эстрадах!

Теперь ты —

как Аллах
 для правоверных.
Теперь твои портреты
на тетрадях,
на клюкве в сахаре
и на конвертах!
Ты —
 идол.
Ты —
 безумие повальное!..
Твой бюст переходящий
заслужила
во всепланетном
 гранд-соревновании
седьмая
пионерская
дружина!..
Твои черты становятся разбухшими.
Возрадуйся,
 что ходишь в призовых!..
...А знаете,
мы тоже
 были будущими.
Не надо нас придумывать.
Живых.

8. ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Я — как город.
Огромный город.
Может,
 ближний.
А может,
 дальний...
Города
 на приезжий гомон
поворачиваются площадями.
Поворочиваются,
 охмуряют
главной улицей,
главной набережной.

Речкой —
 будто хвостом —
 виляют,

Рассыпаются
в речи набожной.
В них тепло,
 торжественно,
 солнечно!

Есть
Центральный проспект,
а поблизости:
Площадь Юмора,
Площадь Совесть.
Дом Спокойствия,
Дом Справедливости...

А дома —
 просторны,
дома —
 легки.
Все продумано.
Целенаправленно...

Я — как город.
Но есть в городах
тупики.
Прокопченные
 есть
 окраины.

Там на всех углах
темнота хрипит.
Там плакатами
 дыры
 заделаны,

Равнодушный тупик.
Усталый тупик.
Дом Бездельничанья.
Дом Безденежья...
Никого

 нет на этих улочках.
Страшновато с ними знакомиться:
тупики не тупые —
 умничают.

Надо верить
 в судьбы и традиции.
Только пусть
во сне и наяву
жжет меня,
 казнит меня
единственно
правильный вопрос:
 «Зачем
 живу?»

Пусть он возвышается,
 как стража
на порогах будущей строки.
Пусть глядит безжалостно.
 Бесстрашно.

Пусть кричит!
Хватает за грудки!
Пусть он никогда
 во тьму
 не канет.

Пусть он не отходит
 ни на шаг.

Пусть он, как проклятье,
возникает
в стыдно пламенеющих
ушах!
Пусть он разбухает,
воспаляясь,
в путанице
 неотложных дел.

Пусть я от него
нигде не спрячусь,
даже если б
 очень захотел!
Пусть я камнем стану.
 Онемею.

Зашатаюсь.
Боль превозмогу.
Захочу предать —
 и не сумею.

Захочу солгать —
 и не смогу.

Буду слышать
в бормотанье ветра,
в скрипе половиц,
в молчанье звезд,
в шелесте газет,
в дыханье века
правильный вопрос:
«Зачем
живешь?»

10. АХ, ДЕТИ...

Всегда был этот жребий обманчив...
Гоняет кошек
будущий лирик.
Час пробил!

И решается мальчик
поэзию
собой
осчастливить.
Решает вдохновенно и срочно
засесть

за стихотворную повесть...
Пока не написал он
ни строчки,

я говорю:
— Хороший,
опомнись!..
Литература —

штука такая:

ее
который век
поднимают.
В литературе
все понимают, —
хоть сто прудов
пруди
знатоками!..
Живем,

с редакторами торгуясь,
читательским речам
не перечая.

Как говорил
 философ Маргулис:
«Причесанным —
немножко полегче...»
А мальчики
 не знают про это!
И главное —
узнают не скоро...
Ах, дети,
 не ходите
 в поэты.

Ходите лучше
в гости
и в школу...
Как в очереди:
 первый...
 последний...
Как в хоре:
 басовитый,
 писклявый...

Шагаем,
спотыкаясь о сплетни,
в свои дома,
где стены —
стеклянные...

Зеленым
 пробавляемся
 зельем.
Скандалы называем
везеньем.
Уже умеем пить —
 как Есенин.
Еще б теперь писать —
как Есенин...

А мальчики
 не знают про это!
А мальчики
придумали скверно...
Ах, дети,
 не ходите
 в поэты,

Ходите лучше
в парки
и скверы...

Я б эту землю милую
проклял!

Повесился бы,
честное слово!..
Но светится,
дрожа над порогом,
улыбка
Михаила Светлова.
В любом из нас
ее
повторенье.

В любом из нас
бормочет и стонет
наивное
высокое время.

Где стоит
жить.

И рыпаться
стоит!..
Был мальчик
либо ябедой,
либо
родителей
не слушался мальчик...

Ах, дети,
не играйте в верлибры.
Играйте лучше
в куклы
и мячик.

И ОПЯТЬ НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ АВТОРА

Но, с грядущими дыша заодно,
я зверею
от сусальных картин.
Будет так, как будет.
Так,
как должно.

Так,
 как сделаем.
И как захотим.
Мне занято думать,
 что когда-нибудь,
поразмыслив
 над бумагой немой,
наш невиданный,
неслыханный путь
обозначат
 восходящей
 прямой!

12. ПОСТСКРИПТУМ

Будут тигры —
 в клеточку,
а слоны —
 в полосу.
И любому
ленточку
подберут по росту...
Сом заплодирует
снегозадержанью.
Осам
 опротивеет
незнакомых жалить!..
И — совсем не рады
бою
барабанному —
станут
 генералы
в цирках подрабатывать...
Захмелев от счастья,
позабыв
 тоску,
будет плавать
частик
в собственном
соку...

В переливах вальса, —
в ГУМе
и в высотном, —

будет продаваться
развесное солнце.
Жаркое,
 весеннее!
Много!
Честь по чести...

Так что краска
 серая
навсегда исчезнет.
(Даже мыши
 серые
синими
покажутся.
И начнут рассеянно
с кошками
прохаживаться...)
Будет каждый
 занят

делом
ненарочным.
Плюшевые зайцы
будут есть
мороженое.
Дождь, —
 не затихая
час,
а может, два, —
будет лить

 духами
«Красная Москва».
И над магазинами
все прочтут легко:
«Пейте
стрекозиное
мо-
ло-
ко!..»

Будет море —
 берегом.
Будет берег —
 морем.

Будет холод —
бережным...
А дурак —
неможным!
Будет час —
как сутки.

В областях Союза
от безделья
судьи
и врачи
сопьются!
Будут звезды —

Будут страхи —
И воскреснут умные.
И проснутся добрые.
И планеты
ахнут
озадаченно!..

**А боятся сказочников
только
неудачники.**

1965

ДО ТВОЕГО ПРИХОДА

(Поэма)

Алене

Теперь я знаю:

ты

идешь по лестнице.

Вошла в подъезд.

Все остальное —

ложь.

Идешь,

как по рассыпанной поленнице,
как по горячим угольям

идешь.

Земля,

замедли плавное вращение!

Лесные птицы,

кончите галдеж...

Зачем идешь?

Прощать?

Просить прощения?

Сама еще не знаешь.

Но —

идешь!

1. КОГДА УЕЗЖАЛ...

Позабылись дожди,

отдыхают ветра...

Пора...

И вокзал обернется, —
руки в бока, —
пока!
На перроне озябшем
нет ни души...
Пиши...
Мы с тобою одни на планете пустой.
Постой...
Я тебя дожидался,
звал,
повторял,
терял!
И висела над нами,
будто звезда,
беда.
Так уходят года,
так дрожат у виска
века...
По тебе и по мне грохочет состав...
Оставь!
Это — губы твои,
движение ресниц, —
не снись!
На рассвете косом,
в оголтелой ночи
молчи.
Разомкни свои руки,
перекрести...
Прости!
И спокойно, —
впервые за долгие дни, —
усни.
...А ты идешь наверх.
Костром.
Порывом.
Вот
задохнулась.
Вздрагнули зрачки.
Передвигаешь руку по перилам,
как будто тянешь сети
из реки.

Твоя река сейчас навверх стремится.
А что в сетях?..

Нет времени...

Потом...

Стучит
эмалированная миска
в соседкиной авоське

о бидон...

Соседка что-то говорит печально.

Все жалуется...

Деньги...

Сыновья...

И ты ей даже что-то отвечаешь,
хотя тебя

еще не слышу я...

2. КОГДА ПРИСЛУШИВАЛСЯ...

Слухи,
 слухи,
 слухи,
 слухи, —
то начальники,
то слуги...

Слухи-горы,
 слухи-льдины
налезают на меня.
Нету дыма,
 нету дыма,
нету дыма
без огня.

Для веселья,
 для разлуки,
на глазах и на устах —
снова слухи,
 слухи,
 слухи

просто
и не просто
так.

Прокляты,
необходимы —
среди ночи,
 среди дня.
Нету дыма,
 нету дыма,
нету дыма
без огня.

Слухи-отдых,
 слухи-опыт
без особенных затей:
существует
 тихий омут.

Как
всадить в него
чертей?..
Кто поверить надоумил,
слухи-карты разложив?
Я —
по слухам —
дважды умер.
Дудки!
Оба раза
 жив...
То внушительно,
 то наспех,
то наградой,
 то бедой, —
будто капли,
будто айсберг:
половина —
 под водой,
Слухи сбоку,
 слухи с тыла,
завлекая и маня.
Нету дыма,
 нету дыма,
нету дыма
без огня.

...Слышали:
на школьнице
 женился академик!..

Слышали:
в Госбанке
для зарплаты нету денег!..
Слышали:
поэт сваял
такого дурака!
Слышали:
она ему
наставила
рога...

3. КОГДА СМЕЯЛСЯ...

Рога так рога.
Я приглажу патлы.
В подушку поплачу.
В тетрадку поною.
И буду сдавать
драгоценные панты
каждой весною.
Каждой весною.
Платите валютой!
Зеленым хрустом.
Фигура у кассы
глаза намозолит.
По средам
с лицом
независимо-грустным
я буду, вздыхая,
купюры мусолить.
«Калинка, калинка, калинка моя!
В саду ягода малинка, малинка моя!..
...А если на миг
отодвинуть веселье,
пятнадцатый век
мою голову сдавит.
Я —
только гонец.
Я скачу с донесеньем.
Король растревожен.
Король заседает...

Врываюсь в покой
 тугодумов лобастых
и, рухнув плашмя
на подстилку из меха,
я,
булькая кровью
(стрела меж лопаток),
хриплю,
будто школьник по буквам:
«Из...
ме...
на...»

**«Калинка, калинка,
калинка моя!
В саду ягода малинка,
малинка моя!
Ах, люли-люли!..»**

Эх, люди-люди...

...А ты идешь
по лестнице,
идешь по лестнице.
Шагаешь,
как по лезвию,
через нелепицы.
И мечешься,
и маешься,
мечтая,
каясь...
Нет!

Ты не подымаешься, —
я сам
спускаюсь!
Романы обездарены,
отпели трубы...
О, сколько нас —
«подаренных» —
идет
друг к другу!..

Мы,
 окрыляясь тостами,
царим
над столиками.
Читаем книжки — толстые,
а пишем —
тоненькие.
Твердим
 о чистой совести,
вздыхаем
мудро...
А сами
 неосознанно
идем
к кому-то...

4. КОГДА ЛЮБИЛ...

Люб-
(Воздуха!
 Воздуха!
 Самую малость бы!
 Самую-самую...)

лю!
(Хочешь, —
 уедем куда-нибудь
 заново,
 замертво,
 за море?..)

Люб-
(Богово — богу,
 а женское — женщине
 сказано,
 воздано.)

лю!
(Ты покоренная.
 Ты непокорная...
 Воздуха!
 Воздуха!)

Люб-
(Руки разбросаны.
 Губы закусены.
 Волосы скомканы.)

лю!
(Стены расходятся.
Звезды, качаясь,
врываються в комнаты).

Люб-
(В загнанном мире
кто-то рождается,
что-то предвидится...)

лю!
(Где-то
законы,
запреты,
заставы,
заносы,
правительства...)

Люб-
(Врут очевидцы,
сонно глядят океаны остывшие.)

лю!
(Охай, бесстрашная!
Падай, наивная!
Смейся, бесстыжая!)

Люб-
(Пусть эти сумерки
станут проклятием
или ошибкою...)

лю!
(Бейся в руках моих
каждым изгибом
и каждою жилкою!)

Люб-
(Радостно всхлипывай,
плачь и выскальзывай,
вздрагивай,
жалуйся!..)

лю!
(Хочешь — уедем?
Сегодня? —
пожалуйста.

Завтра? —
пожалуйста!)

Люб-
(Царствуй, рабыня!
Бесчинствуй, учитель!
Неистовствуй, женщина!)

лю!
(Вот и глаза твои.

Жалкие,
долгие
и сумасшедшие!..)

Люб-
(Чертовы горы уставились в небо
темными бивнями.)

лю!
(Только люби меня!
Слышишь,
люби меня!
знаешь,
люби меня!)

Люб-
(Чтоб навсегда!
Чтоб отсюда — до гибели...
Вот оно...
Вот оно...)

лю!
(Мы никогда,
никогда не расстанемся...
Воздуха...
Воздуха!..)

...А лестница
выше.
А двери —
похожей.
Я знаю,
я вижу,
я чувствую кожей, —
шагаешь
по далям,
шагаешь
по датам.
Недавним и давним.
Святым
и бездарным.

5. КОГДА ОТЧАЯЛСЯ...

Кукушка:
«Ку-ку!
Живи на земле...»

И пуля
в конце.
...А ты все время — вверх,
все ближе,
ближе.
Из-под закрытых век
тебя я вижу.
Идешь,
как инвалид,
ступаешь ватно.
И кто заговорит, —
уже
не важно.
Не важно,
кто начнет,
а кто продолжит.
Себя
перешагнет.
Жизнь
подытожит.
Взойдет на перевал.
Вернет,
отчаясь,
затасканным
словам
первоначальность.

6. КОГДА ВЫЖИЛ

Что я?!
Что это я?!
Да что я?!
В воспаленном:
«То...
иль не то?...»
Выбрал
самое распростое.
Проще пива.
Глупей лото...
Расплываюсь
в слезливом трансе.
Вопли кончены.

Не берет...
Вы
орите!
А я
наорался
на десяток годов
вперед.
По озерной метельной глади
прет
весенних недель
орда.
Все будильники мира,
гряньте!
И замолкните
навсегда.
Лишним криком
эпоха скомкана,
смята
грохотом календаря...
Да отсохнет
язык
у колокола,
если он трезвонит
зазря!..
Реки движутся
в каменных шорах,
дни уходят в небытие...
Крик
устал.
Да здравствует
шепот
двух людей:
его
и ее.

...Застыла у дверей.
Теперь
помедли.
Невыносимой тишине поверь.
Вчера меж нами
были
километры.

Из сборника
"ПОСВЯЩЕНИЕ.."
1967-1970

* * *

На Земле
 безжалостно маленькой
жил да был человек маленький.
У него была служба
 маленькая.
И маленький очень портфель.
Получал он зарплату
 маленькую...
И однажды —
прекрасным утром —
постучалась к нему в окошко
небольшая,
казалось,
война...
Автомат ему выдали
 маленький.
Сапоги ему выдали
 маленькие.
Каску выдали
маленькую —
и маленькую —
по размерам —
шинель...
...А когда он упал —
 некрасиво,
 неправильно,
в атакующем крике
вывернув рот,

то на всей земле

не хватило

мрамора,

чтобы вырубить парня

в полный рост!

СЕРДЦЕ

Я засыпал усердно
в преддверии зари...
Вдруг
постучало сердце.
Негромко.
Изнутри.
И с самого начала
притронулось к плечу:
«Я тридцать лет молчало.
Поговорить
 хочу...
Пересыхает лето.
Дожди приходят редко...
Твоя
 грудная клетка
тонка,
а все же — клетка!
Она
 кромешней ночи,
меня теснит она!
Я
 вечно
 в одиночке.
А в чем моя вина?
Ворочаюсь,
 живое,
подсчитываю дни.
Пусти меня
 на волю!

Клетку распахни!
Себе я крылья
 выращу
и все сумею
вынести...»

Стучится сердце:
«Выпусти!!»
А как его я
 выпущу?

САРЬЯН

Сарьян рисует, бормоча.
Ворча, Сарьян рисует.
Худой,
прозрачный, как свеча.
Рисует,
будто судит...

Он говорит:

«Сиди ровней...

Зачем плывешь, как масло?..

Ты —

в маске...

Очень сладко в ней...

Сейчас исчезнет

маска!..

Скрипишь зубами?

Не беда!

Ты зол,

но травояден...

Что?

Уползаешь?..

Никуда

не денешься,

приятель...»

До судорог,

до тошноты,

под канонаду пульса!

И —

«Вот он,

вот он,

вот он — ты!..

Закончено.

Любуйся...»

Он дышит, как бегущий лось.

К спине

рубаха липнет...

Крича

рисует Мартирос.

В конце работы —

хрипнет.

Сейчас он

как уснувший взрыв

на перевале горном...

Сидит,

глаза полужакрыв,

нахохлившийся кондор.

И кажется бескрылым,

но

от этого порога

ушли в полет

давным-давно

крылатые

полотна!..

Окно раскрыто,

а за ним

просторно и морозно...

И Арарат

как будто нимб

над гривой

Мартироса.

* * *

Ежедневное чудо —
 не чудо.
Ежедневное горе —
 не горе.
Настоящее горе
 другое.
И о нем говорить не хочу я.
Ежедневные блески —
 как ветошь.
Ежедневная ноша
 не давит.
В ежедневные слезы
 не веришь.
Не тревожит.
Надоедает.
Лжет язык
 в ежедневном застолье.
Бесконечные вопли
 писклявы.
Постоянные вздохи —
 не вздохи.
Ежедневные клятвы —
 не клятвы.
Ежедневная ссора —
 не ссора...
Но,
над спелой росой нависая,
вдруг встает
ежедневное солнце.

Ошарашивая.

Потрясая.

Ежедневной земли

не убудет...

И шепчу я,

охрипнув от песен:

пусть любовь

ежедневною будет.

Ежедневной, как хлеб.

Если есть он.

БАЛЛАДА О БЕССМЕРТИИ

Хотя гудят:
 «Пора!» —
изящные валторны,
забудьтесь,
 тенора!
Остыньте,
 баритоны!..
Я расскажу теперь, —
жаль,
если не сумею, —
как наш товарищ
 пел
в двадцатом.
Перед смертью.
Он умер
 для того,
чтоб мы не умирали...
Каратели
его,
израненного,
 брали.
Заржавленным прутом
испытывали силу.
Умаялись.
Потом
велели
 рыть могилу...

Надутый,
будто еж,
увешанный оружием, —
«А может,
ты споешь?..» —

смеясь,
спросил хорунжий...
Луна ползла,
как тиф.
Безжизненно.
Сурово...

И вздыбился
мотив!
И прозвучало
слово!
Пел
песню
комиссар.

Пел,
выбрав гимн из гимнов.
Пел,
будто воскресал.
Пел,
голову закинув.
Пел,
будто пил вино.

Пел,
хвастаясь здоровьем.
«Мы наш, —
он пел, —
мы но-
вый мир, —
хрипел, —
построим!!»

Был темным,
как земля.
И мокрым,
как из бани.
Пел,
еле шевеля
разбитыми губами.

РЕЧКА

А эта речка так течет!
Стоишь и смотришь:
— Ах ты, черт!
Куда же ты,
 судьба моя?

Она в ответ:
— Иду в моря...

— Ты ж
перестанешь быть рекой!..

— Я знаю.
Мой удел
 такой.
Умру,
пересчитаю мосты...
Но я нужна.
 Нужна!..

А ты?

ЧАСТУШКА

Б. Шмидту

Вдали
попыхивал закат
и продолжался в платьях...

Селом
шатался музыкант,
аккордеон облапив.
Шагала музыка к реке,
отсвечивая тускло.
За нею,

как на поводке,
тянулася
частушка.

Велась
знакомая игра
и голоса и чуба.

В частушке
две строки —

мура!
Две остальные —
чудо!

Бренчит частушка,
как медаль,
и голову дурманит.
Чего б ты от нее

ни ждал —

она тебя
обманет!..

Река

под музыку бежит,
закапало из тучки...

Ах, людям надо бы

пожить

по принципу частушки!

Ах, это было бы

чудно:

когда снега растают,

вдруг сделать что-нибудь,

чего

никто

не ожидает!

* * *

Ожидаю ночи, как расстрела.
Я приговорен.

Глаза
пусты.

Надеваю
тихо и смиренно
душную повязку темноты.
И еще не верю в эти строки.
И уже других не признаю.
Я на полпути,
на полдороге
к сонному
тому
небытию.

Близится,
подходит,
наступает,
стрелкою секундною звеня.
Включена моя вторая память.
Вот он я.
И вроде
нет меня.

А вокруг —
молчание немое,
смесь
из воскресений и суббот.
И плывут
по медленному морю
жалкие соломинки забот.

Я за них хватаюсь обалдело.
Я тону в горячечном бреду...

Ожидаю ночи,
как расстрела.

Утра,
как помилованья,
жду.

ПРИЗНАНИЕ КИНОДУБЛЕРА

Я — кинодублер.
Не слышал
 о профессии этой?
Пока не воспетой.
И правильно,
 что не воспетой!
Понять не могу,
почему мне еще не обрыдла
профессия драться,
 профессия прыгать
 с обрыва,
во имя искусства
идти на волков и на тигров...
Плывать мне,
что имя мое не указано в титрах!
Хоть там, где я падаю,
редко лежат
 поролоны.
И ноют
к дождливой погоде
мои переломы...
Я кинодублер.
Я летаю,
 бегу
 и ныряю.
Не верю в страховку.
Себе одному
 доверяю...

Допустим,
идея сценария всех полонила.
Картина —
в работе.

Отснята
почти половина.
Герой закапризничал.
Начал
канючить и плакать.

В такую погоду
герою не хочется плавать.
Натура «горит».
Режиссер
шевелюру лохматит.

Меня
вызывают.
И я говорю им:
«Снимайте!»

И вот я плыву.
Я скачу на коне.
Я фехтую.
Пью чай в перерывах.
На руки озябшие дую.

Разбито колено.
Плечо под кровавой корою.
А рядом снимаются
крупные планы
героя.

Я — мышцы его.
Я — бесстрашие его.
Я — решимость.
Я — кинодублер.
А дублерам
нужна одержимость!

И снова я лезу куда-то
по чертовой стенке.

А хилый герой
репетирует сцену
в постельке.

Я в нем растворяюсь,
как река растворяется в море...

Наверное, после он будет и в славе и в моде.
Наверно, потом
он расскажет, как падал,
как дрался.

И как ему было приятно.
И чуточку страшно...

Я — кинодублер.
Я, наверное, злюсь,
без причины...

Пусть девочки верят,
что он —
настоящий мужчина!

А этот мужчина
с гримершей ругается
долго.

А в нем от мужчины,
пожалуй что, брюки.
И только...

Я — кинодублер.
А сегодня я пью и тоскую.

Давай за дублеров,
которые жизнью рискуют!
Ты —

тоже дублер.
Ты порою вопишь иступленно.
Другие —
молчат.

Им легко
за спиною дублера.

ПОЛНОЧЬ

Будь распят
на кресте распахнувшихся рук!

Забывай.

Забывайся.

Терзайся и падай.

Сердце

вырвалось.

Бьется в тебе и вокруг.

Жди оценки.

Дрожи, будто школьник за партой...

В сотый раз опрокинется мир молодой.

Вновь покажутся молнией

черные ветки.

Снова полночь

знакомо положит ладонь

на горячие,

на просветленные веки...

Будет тихо.

Потом —

ни с того ни с сего —

ночь вздохнет

тополиной

дурманящей ширью...

Кто —

до нас?

Никого!

После нас?

Никого!

Мир возник на секунду,

чтоб мы в нем жили.

* * *

Если разозлишься на меня
так,
что скажешь:

«Кончено!» —

сполохи полярного огня
вспыхнут озабоченно.
Подползут, чтоб вымолить

«прости!» —

дальние,
незванные, —
железнодорожные пути
и пути трамвайные.

Если разозлишься на меня —
полдень переломится.
Горькими

иголками
звения,

лес
тебе поклонится.
Степь

не даст зазеленеть росткам,
сделается вязкою.

Горы упадут
к твоим ногам,
ледниками зваякая.

* * *

- Отдать тебе любовь?
- Отдай...
- Она в грязи...
- Отдай в грязи.
- Я погадать хочу...
- Гадай.
- Еще хочу спросить...
- Спроси.
- Допустим, постучусь...
- Впущу.
- Допустим, позову...
- Пойду.
- А если там беда?
- В беду.
- А если обману?
- Прощу.
- «Спой!» — прикажу тебе...
- Спою.
- Запри для друга дверь...
- Запру.
- Скажу тебе: убей!
- Убью.
- Скажу тебе: умри!
- Умру.
- А если захлебнусь?
- Спасу.
- А если будет боль?
- Стерплю.

- А если вдруг стена?
- Снесу.
- А если узел?
- Разрублю!
- А если сто узлов?
- И сто.
- Любовь тебе отдать?
- Любовь.
- Не будет этого!
- За что?!
- За то, что не люблю рабов.

* * *

Кому принадлежу?
Принадлежу
тому, что преходяще
и бесценно.
И цифрам вычислительного центра,
и весело орущему стрижу.
Принадлежу
закату и заре.
Березе,
ниспадающей в Онегу.
Принадлежу
медлительному снегу,
рожденному
в полночном фонаре.
Дорожным разговорам по душам.
Гостиницам величественно душным.
Богам
поверженным.
Богам
грядущим.
Редакторским цветным карандашам.
То званый,
то не нужный, как нагар,
принадлежу
удачам и уронам.
Аэродромам.
И пустым перронам.
Друзьям.

И в меру вежливым
врагам.

Живу.
Умею.
Знаю.
И могу.

Терплю.
Вникаю.
Верю и не верю.

И все-таки
принадлежу мгновенью,
когда мне дочка говорит:
«Агу...»

Принадлежу
предчувствию вины.
Ветрам
над непокрытой головою.
Окопам,
захлебнувшимся травой.
И обелискам
завтрашней войны.
Еще принадлежу
воде в горсти.

Дню,
рыжему от солнечных проталин,
который так талантлив,
так бездарен
и так высок,
что мне
не дорасти...

В квадратик телевизора гляжу.
Принадлежу и твистам и присядкам.
Принадлежу
законам и присягам.

А значит, и себе
принадлежу.

МУЗЫКА

Загремели свадьбы,
застонали проводы.
Перепутались и праздники и плачи...
Строки нотные стоят
колючей проволокой.
Я бы музыку записывал
иначе.
Я бы музыку писал,
на клевер падая.
Мне бы нравилась
поющая работа.
Я бы музыку писал
на строчках пахоты.
На ладошке
годовалого ребенка.
Засыпал и просыпался.
Ел не досыта.
Растворился б
в неожиданных мотивах.
Я бы музыку писал
на струйках дождика.
Или лучше —
на летящих паутинках.
Я бы музыку ловил
в озерах ласковых.
Я бы пил ее,
как пьют хмельное зелье.
Я бы музыку писал
на крыльях ласточек.

Я бы музыку писал
на шкуре зебры.
Я бы музыку творил,
кричал и мучился!
Я б искал ее
возвышенно и жадно...

Но уже сочинена
такая музыка.
Если ты ее не слышишь —
очень жалко,

СТАРЬЕВЩИК

Я помню,
 как по Омску,
годами убелен,
толкал старик повозку:
«Э-эй,
 старье берем!!»

И становилось шумно
и тесно от узлов.
В пыли
 валялись
 шубы
и куклы без голов.
Линялые рубахи,
гнилые сапоги,
заржавленные банки,
без ручек утюги...
Старик шутил умеючи,
он был
 навеселе.
Позванивая мелочью,
копался в барахле.
Хватал
 руками цепкими,
всесильный,
как закон,
осматривал,
 оценивал
и цокал языком.

Там старые правители,
сошедшие с ума.
И, от приказа ежась,
за месяц до войны
во двор
 пришел старьевщик
шпионом
той страны.

НИКТО НИКОМУ НЕ ГРУБИТ

В музее тепло и пустынно.
Директор шагает со мной.
«Вот эта большая картина
написана
 перед войной.
И что нам особенно важно —
показан
 типичнейший быт...»
Название ее
странновато:
«Никто
 никому
 не грубит...»

На лавке,
как будто на троне,
который всему
 научил,
сидят, неподкупные,
трое
спокойных и сильных мужчин.
Надежда рыбацкой элиты,
защита от всяких обид...»
Ставрида,
вино
и маслины.
Никто
 никому
 не грубит.

БАЛЛАДА О СПАСЕННОМ ЗНАМЕНИ

Утром
ярким, как лубок.
Страшным.
Долгим.
Ратным.
Был разбит
стрелковый полк.
Наш.
В бою неравном.
Сколько полегло парней
в том бою —
не знаю.
Засыхало —
без корней —
полковое знамя.
Облака
печально шли
над затихшей битвой.
И тогда
с родной земли
встал
солдат убитый.
Помолчал.
Погоревал.
И —
назло ожогам —
грудь свою

забинтовал
он
багровым шелком.
И подался на восток,
отчим домом
бредя.

По земле
большой,
как вздох.

Медленной,
как время.

Полз
пустым березняком.
Шел
лесным овражком.
Он себя
считал полком
в окруженье вражьем!
Из него он
выходил
грозно и устало.
Сам себе
и командир,
и начальник штаба.
Ждал он
часа своего,
мстил
врагу
кроваво.

Спал он в поле,
и его
знамя
согревало...

Шли дожди.
Кружилась мгла.
Задыхалась буря.
Парня
пуля
не брала —
сплющивалась
пуля!

ПОДКУПЛЕННЫЙ

Все советские писатели подкуплены...

(Так о нас пишут на Западе)

Я действительно подкуплен.

Я подкуплен.

Без остатка.

И во сне.

И наяву.

Уверяют советологи:

«Погублен...»

Улыбаются товарищи:

«Живу!...»

Я подкуплен

ноздреватым льдом кронштадтским.

И акцентом

коменданта-латыша.

Я подкуплен

военкомами гражданской

и свинцовой водою

Сиваша...

Я еще подкуплен снегом

белым-белым,

Иртышом

и предвоенной тишиной.

Я подкуплен кровью

павших в сорок первом.

Каждой каплей.

До единой.

До одной...

А еще подкуплен я костром.

И не все еще костры отпыхали.

И судьба еще угадана не вся...

Я подкуплен.

Я подкуплен

с потрохами.

И поэтому купить меня

нельзя.

* * *

Над головой
 созвездия мигают.
И руки сами тянутся
к огню...

Как страшно мне,
 что люди привыкают,
открыв глаза,
не удивляться дню.
Существовать.
Не убегать за сказкой.
И уходить,
 как в монастырь,
 в стихи.

Ловить Жар-птицу
для жаркого
 с кашей.
А Золотую рыбку —
для ухи.

ПЕРВЫЕ

Аппараты
 летательные.
Исходы летальные...

Что звалось
 «само-летом»,
не летало само.
Было странным,
 далеким,
как чужое письмо...
Были
 воздухоплаватели, —
шик и почет, —
как шкатулки из платины —
наперечет.
Гордецы,
 командоры
застольных шумих.
Суеверны, как вдовы.
Красивы, как миф.
Острословы.
Гусары.
Знатоки мишуры.
Непременно
 усаты.
Абсолютно
 храбры.

Кожей курток похрустывая,
шли навстречу громам.
Будто в ложе прокрустово,
влезали

в «фарман».

И взлетали, касатики!

И кричали, паря!

Были

выше Исаакия.

Выше царя!..

Уговоров не слушались.

И, познав круговерть,

обрывались

и рушились

на российскую твердь!

Уходили до срока —

без войны,

без чумы —

в землю

чаще намного,

чем

в большие чины.

ПЕГАС

Заполнены дворы собачьим лаем.
На лестнице гудит нетрезвый бас...
В век синхрофазотронов
мы седлаем

лошадку
под названием
Пегас.
Вокруг нее —
цветочки и зловонье.

И дождь идет,
как будто напоказ...
Мотает непокрытой головою
лошадка
под названием
Пегас.
Она бежит,
она слюну роняет.

И все-таки —
уже в который раз —
тихонечко
ракеты
обгоняет

лошадка
под названием
Пегас...

Пустынный пляж
тепла у солнца просит.

Закатный лучик вздрогнул и погас...
А мы себе живем.
А нас вывозит
лошадка
под названием
Пегас.

* * *

Написал:
«живу себе...»

Как это:
 живу
 себе?!

В суете,
в делах,
в гульбе.
Затерявшийся в толпе.
Жду себе.
Себе острою.
Одному себе
 ворчу.

То не вовремя
 молчу.

То не к месту
 говорю...

Ну, а если наяву,
разобраться по судьбе,
я сперва
 тебе живу.

Вам живу.
Потом —
себе.

* * *

Савве Бродскому

Я богат.
Повезло мне и родом
и племенем.
У меня есть
Арбат.
И немножко свободного времени...

Я
подамся
от бумажных
запутанных ворохов
в государство
переулков,
проспектов
и дворигов.
Все, что я растерял,
отыщу в мельтешении радужном.
Где витой канделябр
и бетонные глыбины —
рядышком.
Где гитары
щекочут невест,
где тепло от варений малиновых.
Где колясок
на каждый подъезд
десять —
детских

и две —
инвалидных.

Там, где будничны
тополя

перед спящими школами.

Там, где булькают,
как вскипевшие чайники,
голуби.

Выхожу не хвалить,
не командовать

уличной вьюгою.

Просто так
улыбаться

и плыть

по Арбату
седеющим юнгою.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спят девочки
Галина и Елена.

Два светлячка.

Две льдинки.

Две невесты.

Тень занавески

выгнулась нелепо.

И кажется, что дышит занавеска.

Девчонки спят...

А мы с тобою

взглянем

На то,

к чему приглядываться

СТОИТ!

Вот небоскреб,

как градусник, стеклянен.

И лифт внутри его —

как ртутный столбик.

Он лезет вверх.

Потом

летит обратно.

Он мечется.

Он сам с собою спорит.

(Наверно, у больного —

лихорадка.

Наверное, больной себя не помнит!)

И улицы
дымятся, как порезы!
Бетон дорог
дождинками исколот.
Совсем не зря
холодные компрессы
неслышных облаков
легли на город...

Земля уснула,
сжавшись, как ребенок.
Пронизаны ладошки
бледным светом.
И звезды,
будто стая перепелок,
по небу разбрелись.
А в небе этом
луна повисла
сочно и нахально.
Девчонки спят,
смешно развесив губы...

Как я хочу,
чтобы от их дыханья
вдруг запотели
все стереотрубы!
Вдруг запотели
стекла перископов
и оптика
биноклей генеральских!..

Девчонки спят.
Трава растет в окопах.
Тоскует лес
о предрассветных красках.
И тишина похожа на подарок.
И призрачно
березы холодеют...
Пусть окна
стратегических радаров
от детского дыханья
запотеют!..

Пророчит ранний мох
грибное лето.

Спят девочки
Елена и Галина.

Забывшись на мгновенье,
спит планета.

И руки
сложены,
как для молитвы.

НОСТАЛЬГИЯ

Ностальгия бывает
по дому.

По Уралу,
по Братску,
по Дону.
По пустыням и скалам белесым,
невозможно прозрачным березам.
По степям, где метели тугие...

У меня
по тебе
ностальгия.
Ностальгия
по каждому вздоху.

Ностальгия
по тихому стону.
По твоим просыпаниям тяжелым.
По глазам и плечам обнаженным.
По мгновеньям, когда ты со мною.
По ночному бессонному зною.
По слезам
и словам невесомым.
По улыбке
и даже по ссорам!
По губам,
суховатым с морозца...

Я,
решив с ностальгией бороться,
уезжаю!

Штурмую платформы...
Но зачем-то
ору в телефоны!
Выхожу из себя от восторга,
дозвонившись из Владивостока!
Ошалев от колесного писка,
сочиняю длиннющие письма.
Умоляю тебя:

«Помоги мне!

Задыхаюсь
от ностальгии!..»
Ты молчишь.
Ты спасать меня

медлишь...

Если вылечусь —
тут же
заметишь.

КОЕ-ЧТО О ВСЕОБЩЕЙ ЗАБАСТОВКЕ

Бастует Лувр,
 стальные двери стиснув.
Бастует мир карманников
и сыщиков.
Бастуют звезды
 дорогих стриптизов
и продавцы
дешевых магазинчиков.
Бастуют кони.
 Ипподром пустует.
Бастует банк
и центрифуги прачечных.
Рад гимназист:
 учителя бастуют!
Угрюм пижон:
 пропал бензин в заправочных...
В крутых цехах
 темно бастуют тигли.
Над министерством
флаг повис
 расслабленно.
Бастуют почтальоны,
и притихли
в подвалах почт
 любовные послания.
Метро бастует,
 сжавшись недоверчиво,
На тротуарах мусора —
навалом!

Бастует солнце.

Дождь

заладил с вечера —

перемывает косточки бульварам.

Лежат листовок слипшиеся патлы...

...Работает

особая полиция.

Работают кафе,

кинотеатры,

бармены,

проститутки

и политики.

Париж

ШВЕЙЦАРСКИЕ КОРОВЫ

Не зная о добре,
не понимая
 зла,
вышагивают
 сыто и твердо.
На шеях у коров
 висят колокола —

огромные
звонящие
ведра...
Ступают на траву,
 себя не потеряв,
как генералы в лентах и звездах,
И дышат широко,
и буйствует в ноздрях
валютный,
знаменитейший
 воздух...

Мы слышим странный звон с утра и дотемна,
Колокола гудят беспрестанно.

Ты думаешь: набат?

Восстание?

Война?

Нет.

Это возвращается стадо.
Молочные моря.

Грядущие сыры.
Над ними Альпы —
 будто корона...

...К заутрене звонят.
А может быть,
 с горы
идет
большая корова,

ХИППИ

Мы —

хиппи.

Не путайте с «хеппи».

Не путайте с нищими.

Денег не суйте...

Не спят

полицейские кепи

в заботах

о нашем рассудке.

Ничьи мы.

Не ваши,

не наши.

Ничьи мы.

Как мокрые ветры.

Прически —

по виду монашьи.

Но мы не монахи!

Хотите —

проверьте.

Ничьи мы.

Как пыль на дороге.

Как шорох прибоя,

картавы.

Нас греют

девчонки-дотроги,

покорные,

будто гитары.

Потейте!

Бумагу марайте.
За теплое горло берите знакомо.
Плевать нам
на ваши морали!
Продажные
 ваши законы!
Плевать нам
 на то, что встречаете бранно!
На то, что шагаете мимо.
И если вы — мир,
то тогда мы —
 приправа
для этого пресного
мира!..
Мы, как в драгоценностях, —
 в росах.
Мы молимся водкам
 и травам.
Босые —
среди ваших «роллс-ройсов».
Назло вам.
 На смех вам.
 На страх вам.
Сдавила бетонная бездна.
Асфальт отутюженный высох...
Мы —
 вызов.
А может быть, —
 бегство.
А может быть, сразу —
И бегство.
И вызов.

Монреаль

ЧЕ

Мотор перегретый натужно гудел.
Хозяйка, встречая, кивала...
И в каждой квартире
с портрета глядел
спокойный Эрнесто Гевара...

Желанья,
 исполнитесь!
Время,
 вернись!
Увидеться нам не мешало б...
Вы очень похожи,
товарищ министр,
на наших
 больших комиссаров.
Им совесть велела.
Их горе зажгло.
Они голодали и стыли.
Но шли с Революцией
 так же светло,
как реки
идут на пустыню.
Была Революция личной,
 живой,
кровавой
и все же —
 целебной.
Они называли ее
мировой!

Что значило —
великолепной...

Товарищ Гевара,
песчаник намок
под грузным
расстрелянным телом...

— Я сделал,
что мог.
Если б каждый,
что мог,
однажды решился
и сделал...

— Но жизнь
не меняется!
Снова заря
восходит, как будто впервые.
А что, если вправду
погибли вы
зря?

— Пускай разберутся
живые...

— Но вам
понесут славословий
венки,
посмертно
пристроятся рядом.
И подвигом
клясться начнут
леваки!..

— Вы верьте делам,
а не клятвам...

— А что передать
огорченным бойцам,
суровым и честным, как Анды?

— Скажите:
по улицам
и по сердцам
проходят сейчас баррикады...

— А что, если вдруг
автомат на плече
станет
монетой разменной?..

Нахмурился Че.
Улыбнулся Че.
Наивный
Че.
Бессмертный.

ДЖОКОНДА

Как много эта женщина
знает про меня!..

Я чувствую:

скрежещуще
закрылась западня!..

У ветра

вкус ирисочный.

Река черна, как морс.

Садится иней

призрачный

на мой бесстыдный мозг.

Где —

неживые заросли

непроходимых трав.

Где глухо и безжалостно

ворочается страх.

Где за полночь

радения

щемящи,

как вокзал.

Где вдруг хлестнут

видения,

как бритвой по глазам!..

Все это ей прошепчено.

Расхвастано звеня...

Как много эта женщина

знает про меня!..

Сады от вьюг воспрянули,
беснуются коты...

И мы опять

расправили

павлинии

хвосты.

То свадьбой,

то поминками

врезаются года...

А мы о ней —

с подмигками.

Красавица,

айда!

Айда! —

в тугую патоку.

Айда! —

на сквозняки.

Скорей! —

уже распахнуты

ночные кабаки!

Все это наша вотчина,

пока не сгинул

век!..

Она неразговорчива.

Она глядит

поверх.

Беспомощна.

Торжественна.

Трава судьбы горчит...

Как много

эта женщина

знает.

И молчит.

СЛУШАЯ РАДИО

Земля

с пустынной жаждой городов,
с каплей, колотящейся о камни,
с раздумьем океанов и прудов,
с ползущими на небо ледниками.

Земля

с пунцовым откровеньем зорь,
земля
в переплетенье снежных линий,
усыпанная зябкою росой,
обнявшая тропические ливни.

Земля

со всевозможною

водой:

речушками,

криницами,

морями,

с величественным паром над плитой,

Земля

с теплом Пицунды

и Майами,

с глотком вина в гортани пастуха,

с ангарским бегом,

с медленностью Вислы —

так страшно,

так немыслимо

суха,

что может вспыхнуть

от случайной искры!

ПОСВЯЩЕНИЕ

(Поэма)

1. «ПОЕХАЛИ!..»

Мне нравится,
как он сказал:
«Поехали!..»

(Лихой ямщик.
Солома в бороде.)
Пошло по свету отзвуками,
эхами,
рассказами,
кругами по воде...
...И Главного конструктора знобило.
И космодром был
напряженно пуст.

«Поехали!» —
такое слово
было.

Но перед этим прозвучало:
«Пуск!»
...И сердце билось не внутри,
а возле.

И было незнакомо и смешно.
А он ремень поправил,
будто вожжи,
и про себя губами чмокнул:
«Но-о-о!..»

И широко,
размашисто,
стотонно,

надежд не оставляя на потом,
с оттяжкой

по умытому бетону
вдруг стегануло
огненным кнутом!
И грохнул рев!
И забурила ярость!
Закрыла небо

дымная стена...
Земля вогнулась чуть

и,
распрямяясь,
ракету подтолкнула.
А она
во власти

неожиданного бунта,
божественному куполу под стать,
так отрывалась от земли,
как будто

раздумывала:
стоит ли
взлетать?..

И все-таки она решила:
«Надо!..»

Запарена,
по-бабьи — тяжела,
сейчас

она
рожала
космонавта!

Единственного.
Первого...

Пошла!
Пошла, родная!..

...Дальше было просто.
Работа.
И не более того.
Он медлил,
отвечая на вопросы,
не думая,

что все слова его
войдут в века,
 подхватятся поэтами,
забронзовев,
надоедят глазам...

Мне нравится,
как он сказал:
«Поехали!..»

**А главное:
он сделал,
как сказал!**

2. МЫ ВЫРАСТАЕМ

Скрипит под ветром печальный ставень.
В углу за печкой таится шорох...

Мы вырастаем,
мы вырастаем
из колыбелей
и распашонок...

Огромно детство.
Просторно детство.
А мы
романы Дюма листаем.
И понимаем,
что в доме —

Мы вырастаем.
Мы вырастаем...
Укоры взрослых
несутся следом.

Мы убегаем,
как от пожара.

Нам двор —
держава!...
Но как-то летом
мы замечаем:
мала держава...

Нас кто-то кличет и что-то гонит

к серьезным спорам,
к недетским тайнам.

Нас принимает
гигантский город!

Мы
вырастаем!

Мы
вырастаем!..

А город пухнет.
Ползет, как тесто.
А нам в нем тесно!

И мы,
пьянея,
садимся в поезд,
где тоже —
тесно.

А в чистом поле —
еще теснее...

Мы негодуем,
недосыпаем,
глядим вослед
журавлиным стаям.
На мотоциклах,
пригнувшись, шпарим.

Мы
вырастаем!
Мы вырастаем!..
Мы трудно дышим
от слез и песен.
Порт океанский

зовем
калиткой.

Нам Атлантический
слишком тесен!
Нам тесен

Тихий, или Великий!..
Текут на север густые реки.
Вонзились в тучу верхушки елей.
Мы вырастаем!..

Нам тесно
в клетке
меридианов и параллелей!

3. А ОН...

Над суматошными кухнями,
над
лекцией
«Выход к другим мирам».
Вашей начитанностью,
лейтенант.
Вашей решительностью,
генерал.
Над телеграммами, тюрьмами,
над
бардом,
вымучивающим строку.
Над вековыми костяшками нарда
В парке
обветренного Баку.
Над похоронной процессией,
над
сборочным цехом
искусственных солнц,
барсом,
шагнувшим на розовый наст,
криком:
«Уйди!..»
сигналами:
«sos!..»
Над запоздалыми клятвами,
над
диктором,
превозносящим «Кент»,
скрипом песка,
всхлипом сонат,
боеголовками дальних ракет,
над преферансом,
над арфами,
над...

4. ТРАЕКТОРИЯ

Ушла
ракета!..
Мы вздохнули
и огляделись воспаленно...

Сидим в тиши,
 лелеем блаты
подзавядшие.
Работу любим,
 где зарплата —
под завязочку...
Мы презираем
 в хронике
торжественные омуты...

Все космонавты —
кролики!
На них
 проводят
 опыты!

В быту,
слегка подкрашенном
научными
 названиями,
везет
отдельным гражданам...
Чего ж
 про них
 названивать?!

Они ж
 бормочут тестики
под видом испытания.
Они ж
 в науке-технике —
ни уха,
 ни... так далее...
Их интеллект сомнителен.
В их мужество не верится...
Живые заменители
машин
 над миром вертятся!!

Не пыльное занятие:
лежишь,
 как в мягком поезде.
Слетал разок и —
 на тебе!
И ордена!

Над седоком твоим,
Росинант.
Над сединой твоею,
Олимп.
Над нищетой,
над масонами,
над...

7. О НЕВЕСОМОСТИ

Мы
те же испытания
проходим...
Тяжелыми дверями грохочем.
Вступая в духоту барокамер,
с врачихой молодой
балаганим...

**Мы
в тех же испытаниях
стареем.**

Мы верим людям,
птицам,
деревьям...
Бросаемся,
дрожа от капли,
то — в штопоры,
то — в мертвые петли.

Высокое давление
коварно...
Живая кожа —
вместо скафандра.

И нету под рукой,
как нарочно,
надежного глотка
кислорода...

**Нас кружат
 центрифуги веселья,
мы глохнем
в полосах невезенья.
И ломимся в угар перегрузок.**

И делимся на храбрых и трусов,
пройдя сквозь похвалы и дреколья...
Другое непонятно.
Другое...
Как это?
Слово,
яснее полдня,
слово,
свежей, чем запах озона,
и тяжелее ночного боя, —
вдруг
невесомо?
Как это?
Слово,
застывшее важно,
слово,
расцвеченное особо,
слово,
обрушивающееся, как кувалда, —
вдруг
невесомо?
Как это?
Слово,
скребущее горло
и повторяющееся бессонно,
слово,
которое тверже закона, —
вдруг
невесомо?
...Вновь тебя будет
по каждому слогу
четвертовать
разъяренная совесть...
Пусть не придет
к настоящему
слову
даже мгновенная
невесомость!..
...Как мне дожить
до такого дня,
ценою
каких седин,

чтобы у жизни
и у меня
голос был
один?

8. ЧУЖОЙ БИЛЕТ

Земля —
в ознобе
телетайпных лент.
Не ведаю,
куда глядит начальство...
Мне кажется:
я взял
чужой билет.
Совсем другому
он
предназначался...
Со мною
колобродить до утра
готовы,
про чужой билет не зная,
актеры,
космонавты,
доктора
с высокими, как горы,
именами...
Растерзана гудками тишина,
сиреневый дымок летит по следу...
И только мама верит
да жена,
что еду я
по своему билету.
А я
святым неверьем взят в кольцо.
С большой афиши,
белой, будто полюс,
испуганно глядит
мое
лицо,
топорщится
подделанная подпись.

Над озорными базарами,
над
сейфом,
который распотрошен.
Над городами
Торжок и Нант,
над именами
Иван и Джон.
Над ресторанной певичкою,
над...

10. ОДИНОЧЕСТВО

Я славлю
одинокства моста,
шальное одиночество
печурки.

Я славлю
одинокство
гнезда
вернувшейся из-за морей
пичуги...

(А сам —
в игре с огнем,
тревожным,
переменчивым, —
живу
случайным днем,
живу мелькнувшим месяцем...
Работает
в боку
привычная
механика...

А я
бегу,
бегу.
Бледнею.
Кровью харкаю.
Смолкаю,
застонав.

Над баскетбольными матчами,
над
танкером,
облюбовавшим порт.
Над шелестеньем оленьих нарт,
мягкими криками:
«Поть!..
Поть!..»
Над арабеском Бессмертной,
над
фразой,
дымящейся на устах.
Монументальностью колоннад
и недоверьем
погранзастав.

Над устаревшими твистами,
над
верностью
за гробовой доской.
Нервами,
будто манильский канат.
Темным вином.
Светлой тоской.
Над муравьями,
над лазером,
над...

12. МЕРТВЫЕ СМОТРЯТ В НЕБО

У развилок
холодных,
с каждой смертью
старая, —
мертвых
так и хоронят,
чтобы в небо
смотрели.
Посредине планеты
в громе
туч грозowych
смотрят мертвые
в небо,

веря в мудрость
живых...

Бродят реки в потемках.
И оттуда,
со дна,
смотрят парни
в буденовках
крутого сукна.
Те,

которые приняли
пулеметный горох.
Над зеленою Припятью
оборвали
галопа.

Задохнулись от гнева,
покачнулись в седле...
Смотрят мертвые
в небо.
Как их много
в земле!..

Тех,
кто пал бездыханно
на июньской заре.
Тех,
кто умер в Дахау.
Тех,
кто канул в Днепре...
Бредя ролью трубастой,
будто лука
изгиб,

смотрит
Женька Урбанский,
удивясь,
что погиб...

Ливень
пристани моет,
жирно хлюпает грязь...
В небо
мертвые
смотрят.

Не мигая.
Не злясь...

Ах, как травы душисты!
Как бессовестна
смерть!..

Знаю:
жить
после жизни
надо тоже
уметь.
Равнодушно и немо
прорастает былье...

Смотрят мертвые
в небо,
как в бессмертье
свое.

13. ЧТО НАС ДЕРЖИТ

Колдуя
и клянясь,
среди обычных сутолок
земля
вцепилась в нас,
крича от страшных
судорог.
Века
висят над ней,
кипят самосожжения...
И все-таки
сильней
земного
притяжения
то, что в дыму костра,
треща,
темнеет окорок,
то, что плывет
жара,
похожая на обморок.
То, что струится
дождь,
то, что лопочут
голуби,

то, что смеется
 дочь,
увидя лошадь
в городе.
Что шмель
 к цветку приник,
что паутина —
сказочна.
И что течет
 родник
стеклянно
и загадочно.
То, что художник —
 слеп,
а карусели
вертятся.
И то, что свежий хлеб
на полотенце
светится.
Что на гончарный круг
ложатся пальцы чуткие.
И что приходит
 друг,
необходимость
 чувствуя.
Что веренице
 дней
не будет завершения...

Во много раз
 сильней
земного притяжения
то, что
 с тоской в глазах
задумчиво и жертвенно,
ни слова не сказав,
тебя целует
 женщина.
То, что молчит струна,
звучит
бумага нотная.
И то, что есть
 она —

Земля —
все время
 новая!
С проклятьями и страхами.
С едою и питьем...
И то, что мы
 уйдем
в нее —
такую странную.

14. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Значит,
 все-таки есть она —
 глупая смерть.

Та,
которая вдруг.
Без глубинных корней.
За которой оркестрам
 стонать и греметь.

Глупо.
Глупая смерть...

А какая умней?
А в постели умней?
А от пыток умней?
А в больнице?
 В убожестве
 краденых дней?

А в объятьях мороза
 под скрипы саней?

Где
умней?
Да и как это можно:
 умней?!
В полыханье пожара?

В разгуле воды?
В пьяной драке,
 где пастбище делит межа?

От угара?
От молнии?
От клеветы?

От раскрашенной лжи?
От слепого ножа?..

Смерть
 ничем не задобришь,
 привыкла
 к дарам...

Вот Гастелло
 летит с перекошенным ртом.

Он
при жизни
пошел на последний
 таран!

Все при жизни!!!
А смерть наступила
 потом...

Горизонт покосившийся.
Кровь на песке.
И Матросов
 на дзот навалился плечом.

Он
при жизни
подумал об этом
 броске!

Все при жизни!!!
И смерть
 тут совсем ни при чем...

Голос радио.
Падает блюдце из рук.
Прибавляется жителей
 в царстве теней...

Значит,
 глупая смерть —
 та,
 которая
 вдруг?

Ну, а если не вдруг?
Постепенно?
Умней?!
Все равно, ты ее подневольник
 и смерд!
Все равно, не поможет твое:
 «Отвяжись!..»

Впрочем,
если и есть она — глупая смерть, —
это все-таки лучше,
чем глупая
жизнь.

15. ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Свет
Вечного огня,
жар
вещего костра,
тебе рассвет —
родня.
Тебе заря —
сестра.
Гудящий
над строкой,
не сказанной
ником,
мятущийся огонь,
ты для меня —
рентген!
Рентген —
пока дано
держать в руках
перо,
когда
черным-черно,
когда
белым-бело...

Восстав
из-под земли
в пороховом
дыму,
погибшие
пришли
к подножью твоему.
Сквозь дальние огни,
сквозь ржавые бинты

в упор
глядят
они,
как полыхаешь

ты...

Снега идут сквозь них.
Года идут сквозь них.

Ты правильно возник!
Ты вовремя возник!
Их прошлый

непокой,
несбывшийся

простор
сейчас в тебе,
огонь.
Сейчас в тебе,
костер...

Не станет пусть
в веках

ни уголка,
ни дня,
куда б

не проникал

свет
Вечного огня!..
Я знаю, что хочу.
Я,

голову склоня,
гляжу
в глаза
огня
и медленно шепчу:
всем

сбившимся
с пути,

всем
рухнувшим
с коня

дорогу освети,
свет
Вечного огня.

Замерзших отогрей.

Оружье закали.
К наивным
 будь
 добрей.

Зарвавшихся
спали...
Не верю я
 пока
в переселенье душ...
Но ты —
 наверняка! —
в огне
 ракетных
 дюз!

На кончике пера.
На утреннем
 лугу...

Свет
Вечного костра,
мы у тебя
 в долгу.
В долгу за каждый вдох
и прежде,
и теперь...
И если я тебе
не выплачу свой долг,
тогда убей меня
и прокляни меня,
жар
вещего костра.
Свет
Вечного огня.

16. А ОН...

Над устаревшими твистами,
 над
верностью
за гробовой доской.
Нервами,
 будто манильский канат,

Темным вином.
Светлой тоской.

Над зацветающей яблоней,
над
самоубийцей
с вечным
пером,
над повтореньем робинзонад,
взором коров,
блефом корон.

Над восковыми фигурами,
над
парусом,
вечно просящим бурь,
взрывами
чавкающих гранат,
плеском стрижей,
посвистом пуль.
Над маяками,
над школами,
над...

17. О НЕЗАМЕНИМЫХ

Кто-то заплакал.
Кто-то заохал.
Бодрые песни
лезут из окон.
И поговорка
вновь торжествует:
«Незаменимых
не существует...»
Труссы,
герои,
прачки,
министры —
все заменимо.
Все заменимы...
Все
заменимо!

Действуя четко,
сменим давайте
бога
на черта.

Шило
на мыло.
Пешку
на пешку.
(Это привычно.
И неизбежно.)
Сменим давайте
горы

на поле.
Зава
на зама.
Зама
на пома.

А панихиду —
на именины.
Все заменимо.
Все
заменимы...

Значит, напрасно
крестили нас в загсах.

Зря мы считали
годы без засух.

Зря утопали
в пахоте вязкой.

Бредили вязью
старославянской.

Зря мы пудовым кланялись щукам.

Зря композитор
тему нащупал.

Зря архитектор
кальку изводит.

Зря над могилами
матери
воют.

Зря нас дорога однажды сманила.
Все
заменимы.

Я вам клянусь
пошатнувшимся небом:
лжет
поговорка!
Врет
поговорка!
Незаменимо

Незаменимы
ветры над взморьем.

Незаменим
академик Ландау.

Даже артисты цирков бродячих,
даже стекольщик,
даже жестянщик,
кок,
над которым не светятся нимбы,—
незаменимы.

Каюсь,
но я признаю неохотно:
жизнь
не окончится
с нашим уходом.

Внуков,
чей путь еще даже не начат,
незаменимые бабушки
нянчат.

Знаю:
родятся под Омском
и Тулой,
в горной глуши,
за сиреновой тундрой,—
знаю:
взойдут на асфальтовых
нивах

новые тысячи
незаменимых!
Незаменимых
в деле и силе.

Незаменимых,
будто Россия.
Пусть —

знаменитых,
незнаменитых —

незаменимых.
Незаменимых!

1969

Из сборника
"ВОЗВРАЩЕНИЕ..
1970-1972

* * *

Клубок дала волшебница.
— Иди за ним! —
промолвила...

Тайга о чем-то шепчется.
На большаках —
промоины.
Река грозит порогами.
Пугает небо ямами.
Бежит клубочек
тропками,
где змеи
бредят ядами.
Спешит клубочек-искорка
то льдинами,
то сопками.
И вдруг посмотрит искоса:
иду ли я?
Способен ли?
По краешку,
над пропастью,
над суетой,
над робостью,
над поздней охотой,
над сытою зевотою.
То по асфальту
бодрому,
по отблеску,
по отзвуку.

То в гору —
 будто под гору,
то по морю —
 как посуху.

По тундрам подмороженным,
по осыпям,
по насыпям,
по городам взъерошенным,
по островам неназванным
клубок веселый
 катится...

А может,
это кажется?

КИЖИ

Да,
 сначала было
 слово!..
Зоревая позолота
облетела с небосклона.
И звучало слово
 так:
«Мы — отсюда.
Мы — карелы.
Мы тонули.
 Мы горели.
Мы
до старости
старели.
Нас
 не купишь за пятак.
Камни пашем.
Камни сеем.
Сердце тешим
 горьким зельем,
рыбою
да хлебом серым,—
так
 от века суждено.
Ну, а если в землю канем,
нас укроют
 тем же камнем,
тем же самым
 серым камнем.

Нас укроют.
Как зерно...»

Час настал.
Зерно упало.
Запахом земли пропахло.
Не сопрело.

Не пропало.

И, вздыхая тяжело,
продиралось сквозь камень,
говорило:

«Я сумею!..»,

повторяло:

«Я сумею!..»

И сумело.
И вошло.

Не березкой кособокой,
не цветочком беззаботным,
а вошло оно

собором

возле медленной воды.

Он стоял легко и крупно.

К облакам вздымаясь круто,
купола

светились кругло,

будто спелые плоды.

Был легендой он и благом.

Так стоял,

как будто плавал.

Так звенел,

как будто плакал

(словно плакала душа).

Он стоял,

сравнясь с зарею,

над холодной землею

деревянной чешуею,

будто листьями,

шурша.

Он покачивался плавно,
многостенно,
многоглаво,—

ширь —
налево и направо!
Щуки плещутся в тиши...
Он стоял,
слезу роняя,
мир
собою заполняя,
в землю уходя
корнями...

Так и выросли
Кизи.

ТИШИНА

В траве — тишина,
в камыше — тишина,
в лесу — тишина.

Так тихо,
что стыдно глаза распахнуть
и на землю ступить.

Так тихо, что страшно.

Так тихо, что ноет спина.

Так тихо,
что слово любое сказать, —
все равно что убить...

Визжащий,
орущий,
разболтанный мир
заболел тишиной!

Лежит он —
спеленут крест-накрест
ее покрывалом тугим...

Так тихо,
как будто все птицы
покинули землю.
Одна за одной.

Как будто все люди оставили землю.
Один за другим.

Как будто земля превратилась
в беззвучный
музей тишины.

Так тихо,
что музыку надо, как чье-то лицо,
вспоминать.

Так тихо,
что даже тишайшие мысли
далёко
слышны...

Так тихо,
что хочется заново
жизнь
начинать.

Так тихо.

НА ЮСОВОЙ ГОРЕ

Могила И. А. Федосовой до
пор не найдена. Знают тол
что знаменитая народная ск
тельница похоронена в Заоне
на кладбище села Кузаранда.

Возле озера

сгнила оградка тесова.

На горе —

деревянных крестов разнобой...

Спой,

Ирина Андреевна,

свет-Федосова!

Про крестьян Олонецкой губернии

спой.

Спой про них и за них.

За могутных,

за рыжих,

за умельцев,

уставших от долгих трудов,

за больных бурлаков,

за гундосых ярыжек,

за обиженных свекром и боженькой

вдов.

За прозрачных старух,

за детишек в коросте,

за добытчиков леса

на тропах кривых...

Ты, Аринушка,

выскажи их безголосье.

Пособи сиротинам.
Уваж горемык.
Научи их словам,
дай им собственный голос,
тем, которые,—
ежели полночь страшна,—
медяком похваляясь,
в беде хорохорясь,
по-звериному
воюют над чаркой вина...
Ты спаси их.
Спаси от извечной напасти.
Ты их выпрями,
выправь,
людьми назови.
Ведь не зря по России —
всё Спасы да Спасы.
На Терпении Спас.
На Слезах.
На Крови...
Ты начни причитанье тихонько.
Особо.
Неторопко.
Нежданно, как дождь в январе.
Спой,
Ирина Андреевна,
свет-Федосова!
Спой, как в детстве,
на Юсовой скорбной горе...
Впереди у тебя —
одинокая старость
и могила,
ушедшая в небытие...
Лишь бы песня
осталась.
Лишь бы правда
осталась.
Лишь бы дело
осталось.
Твое и мое.

РОССТАНИ

Северное название
для перекрестков
росстани.

Росстани —
расставания,
сизых туманов роздыми.
Сонных озер свечение,
жажды моей утоление.
Росстани —
разлучения.

Росстани —
отдаление...

Росстани!
Полночь морозная
охнула
и пропала!
Вымахнувшие розвальни,
лошади
в клубах пара!
Черные,
как супостаты,—
вдаль
по белому полю...
(Где это было, кстати?
Жалко,
что я не помню...)

Десять шагов
до расстани.
Столько же —
до расставания...

Звезд
голубые россыпи
вздрагивали, позванивая.
Слушая ветры добрые,
глядя березы нежно,
я проходил
сквозь долгие
расстани
Заонежья.
Зная, что в ливнях
росных,—
то электронно,
то ветхо,—
все мы живем
на расстанях,
на сквозняковых расстанях,
на бесконечных расстанях
невозмутимого
века.

БАННЫЙ ДЕНЬ

Прямо над Онегою —
десять
бань...

Таз эмалированный —
будто барабан!
Десять потрясений,
десять заварух,
десять раз:
«Ох, ты-ы!..»
десять раз:
«У-у-ух!..»
Десять раз — холодно,
десять — горячо,
десять раз
веником —
через плечо!
Простуда не в простуду,
беда не в беду!

Десять поминаний
черта в аду!..

Десять долгих выдохов:
«Кончено...
Предел...»
Десять обновленных,
распаренных тел...

А через дорогу —
десять
домов.

Над печными трубами —
десять дымов.

Десять хозяйшек
угодить хотят,
булки-налетушки
в масле бухтят...

Десять аккуратных
стиранных рубах.

Десять папиросок
мерцают в зубах.

Десять откровений:

«Жар неплохой...»

Десять ложек
тянутся
за ухой.

Десять перепутанных
прядей волос.

Десять капель белого:

«Чтоб спалось!..»

А уха навариста,
уха — янтарь.

От нее не запах —
сплошной нектар!..

Десять лбов наморщенных.

Десять умов.

Сто стаканов чая
на десять домов!..

Ночь.

Отдохновение.

Тишина.

Десять ультиматумов:
«Спать, жена!..»

...И такое озеро

за окном —

десять океанов
поместится
в нем!

И такой дурманище

от земли,—

даже в бане
веники
расцвели.

* * *

Мы стоим перед Кижским собором
одни.

Мы стоим,
пересчитывая купола.

И не верим еще,
что прекрасны они
тою силой,
что их воедино свела.

Богатырское племя.

Дружина.

Семья.

Им —
земля тесновата.

И небо —
мало...

Мне везло
на дороги.

Но больше
везло
на друзей настоящих.

И ежели я
проиграю
с какой-нибудь пулею
спор,

упаду
на ладонь потемневшей травы,
встанут
 друзи мои.
Будто Кижский собор.
Над могилой склонив
 двадцать две головы.

* * *

Дождь не шел
 (разве так идут?!), —
так наваливаются,
крича,
всей наукою —
 на недуг,
всею правдою —
 на палача,
ледокольной мощью —
 на льды,
головой хмельной —
 на столы...
И слепые столбы воды
были каменны и круглы.
Мир
 уменьшился,
опустел.
И казалось:
в мире пустом
ждет хозяйка
 прихода гостей
и до полночи моет дом...
Пот —
 вода,
и слезы —
 вода.

Сквозь песок —
вода,
сквозь сердца...

Так когда же, земля,
когда
ты отмоешься до конца?

АЙ БО!

Нас встречали, будто свадьбу,
ту,

что ждали целый век.

Нам кричали:

«Ай бо!..»

«Ай бо!..»

«Ай бо!..»

«Белый человек!..»

«Ай бо!..» —

крик до одуренья.

«Ай бо!..» —

всколыхнулся день.

И глядела вся деревня

на диких людей.

«Ай бо!..» —

вздохи-пересуды...

А мальчишки на мосту

так шикарно белозубы,

словно —

лампочки во рту.

«Ай бо!..» —

пискнуть не забыли...

Сквозь тропическую слизь

ай бо,

серые от пыли,

По Нигерии тряслись.

Было душно.

Было банно.
И, предчувствуя предел,
мы сидели
 в недрах бара
посреди сплошных Стелл.
«Ай бо!..» —
 слышалось вдогонку...

Рынок
 жару поддавал!
Пышнотелая торговка
воспевала свой товар.
Нам он был не нужен вовсе.
Но смешила без конца, —
как в Одессе,
 на Привозе, —
яростная хрипотца.
И наваливалось лето.
И лежал базар,
 сочась.
Было очень много света.
Много солнца...

А сейчас
есть официант стерильный.
И на столике — цветок.
Есть размеренный,
 старинный,
европейский холодок.
Есть приземистое небо.
И глядящий круто вверх —
белый
 от большого снега
ай бо —
белый человек.

Лагос

ГОЛОС АФРИКАНСКОГО ПОЭТА

Испуг читаю
 в ваших синих взорах.
Слова читаю:
 «Боже, пронеси!..»
У нас,
как у испытанных боксеров,
почти у всех —
 приплюснуты носы.
И взгляд упрям.
И губы — в изобилье.
На внешность
 я не жалуюсь творцу.
Ведь если б вас
так терпеливо били!
Так тщательно
 хлестали по лицу!
Так показательно
гноили в трюмах!..

Но в гуле
 изменившейся судьбы
для вас —
велеречивых и угрюмых,
мы до сих пор —
 как беглые рабы!..
Мы не забыли вашего урока,
цветистых притч
 о зле и о добре.

Мы — черные.
Как пашня.
Как дорога.
Мы — черные.
Как чернь
на серебре...

И над планетой —
вечною и бедной —
я возношу
свой обожженный торс.
И свято верю в то,
что дьявол —
белый.

И в то, что черный —
бог Иисус Христос.

Запомните,
глаза привычно пяля
в торжественность
соборной полутьмы:
чернеют не от времени
распяты!
Они
хотят быть черными.
Как мы!..

До гроба буду
белою вороной
я — черный —
в ваших пестрых городах.
И все-таки, —
грозою пророкотав, —
взойдет мой голос
над землей огромной!

Как живу?
Да между делом
даже камень
превозмог.

Жить
на солнце оголтелом
я могу!
А ты бы
смог?..

Как живу?
Других не хуже.
До сих пор еще не смолк...
Жить,
потрескавшись от стужи,
я могу!
А ты бы
смог?..

Чтоб в тебя
вонзался ветер,
чтоб взрывался и терзал!..»

«Люди могут...» —
я ответил.
«Люди могут...» —
я сказал...

Он взглянул в глаза мне зыбко
(аж по сердцу —
холодок).
На прощанье,
как слезинку,
взял
и выдавил цветок.
Расстегнувшись безопасно,
соком,
булькая,
набух...

Камни были —
будто пашня.
А колючки —
будто пух.

СТИХИ О СОБАКАХ

Дворовых собак
по-особому холят
за то, что они,
на луну подвывая,
от будки до дома
все ходят и ходят
под гулкою проволокой.
Как трамвай...
Я их не тревожу.
Я с ними не знаюсь.

За это
они меня вправе облаивать...

Но жарко читать мне
спокойную надпись:
«Собак без ошейников
будут вылавливать...»
За что их?
За внешность?
За клочья репейника?

За пыльную шерсть?
За неясность породы?
За то, что щенками
доплыли до берега?

Доплыли
и стали ошибкой природы?..
Собаки-изгои.
Собаки-отшельники.

Надрывней поминок.
Ребенка добрее.
Они бы надели
любые ошейники,
надели бы!
Если б ошейники грели.
За что их?
У них же —
душа нараспашку.
Они ж
в Человечество верят
отчаянно!..
И детское:
«Мама, купи мне собачку...» —
в собачьих глазах
застывает печалинкой...

И вот, —
разуверившись в добрых
волшебниках,
последнюю кость
закопав под кустами, —
собаки,
которые без ошейников,
уходят в леса.
Собираются в стаи...
Ты знаешь,
у них уже —
волчьи заботы!
Ты слышишь:
грохочут
ружейные полымя!..

Сегодня мне снова
приснятся заборы.
И лязги цепные
за теми заборами.

* * *

Смеркается.
Пахнет песком перегретым...
Но я не об этом!
Совсем не об этом...

Я знаю, как трудно рождается
слово.

Когда оно истинно.
И безусловно.
Прозрачно.
Пока что ни в чем не повинно...
А ты,
надрываясь, грызешь пуповину
и мечешься:
— Люди!
Вы слово
искали!

Берите!
Пока его не затащали.
Скорее!
Пусть кто-нибудь станет
пророком...

Нависла жара над высоким порогом.
Кукушка старается:
чет или нечет.
У самого уха стрекочет кузнечик.
Шуршит муравейник.
Ворона фальшивит.

И стебель цветка под пчелою
пружинит.
Готовятся к полднику жители ясель.
Зеленою тучею кажется ясень.
Он что-то бормочет надменно
и глухо.

Он так величав,
что становится глупо
рядиться в пророка,
считаться поэтом...

Но я не об этом.
Совсем
не об этом.

ГАГРА

Г. Багатурия

Живу на белом свете.
Впрочем,
какой он белый?

Он — цветной!

Распотрошен и разворочен.
Подкрашен дымчатой волной.
Он пальмовый.
Он импозантный.
Наивный.
Верящий стихам.
Лихой!

Автобусный!

Базарный!

Смеющийся по пустякам!..
Устав от разноцветной ноши,
повесив в небе
лунный нож,
желает всем

спокойной ночи,

а верит
в бешеную ночь!
Озарена коротким мигом
вся жизнь!
И отступленья нет!..

Вверху —

над морем и над миром —
и белый снег.

И белый свет...
А я живу на свете пестром!
Я с ним накоротке знаком.
Он пахнет
 свежею лепешкой,
сациви,
пляжем,
чесноком.
Захвачан
 липкими руками...

Но даже тем одним
велик,
что очередь за шашлыками
сама похожа на шашлык.

ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА

Снег блестел,
будто ртутью
сыпанули с крыш.
Снег хрустел,
будто кто-то
кочерыжку грыз.
Оглушал
этот смачный и протяжный
хруст.
Снег лежал
на платформах,
будто главный груз.
И машин
не стеснялся он,
не избегал.
Был
большим.
Наряжать деревья
помогал.
Обступал,
как несмазанная дверь,
скрипел.
Прилипал
к шубам и ушанкам,
как репей.
Снег нырял
в хитрые прически
юных
дам.

Проверял
наше отношение
к холодам.

Мы
его
на своих плечах
в дома́ несли.

Мы
его
в коридорах,
веселясь,
трясли.

В доме —
смех:
очищенье валенок
идет.

Сеем снег...

Я еще не знаю,
что взойдет.

МИНИ

Мы на шарике,
 на шаре,
как на плавающей мине,
наплодили,
 нарожали
моду-мини,
моду-мини.
Появились мини-юбки
(все пошло, конечно, с них).
Закружились мини-вьюги,
мини-спор
завял и сник.
Мини-юбки не опасны,
несмотря на мини-гам.
(Это —
 чтоб не нагибаться
любопытным старичкам.)
В новом
 мини-измерение
успевай передохнуть.
Мини-клятвы
 в мини-время
(да и правда,
что тянуть?!).
Это может позабавить.
Это —
 новый мини-спорт.

Мини-совесть.

Мини-память.

Мини-служба.

Мини-пот.

Мини-литры.

Мини-мили.

Мини-холод

у виска...

И берет от этих

«мини»

максимальная тоска.

БЕГ

Бежала,
 как по воздуху.
С лицом,
как май, заплаканным.
И пляшущие волосы
казались рыжим пламенем!
И только дыма не было,
но шла волна горячая...

Она бежала —
нежная,
открытая,
парящая!
Звенела, будто денежка,
сама себя нашедшая...
Не сознавая,
 девочка
бежала в званье женщины!
Так убегают узники.
Летят к метро болельщики...

И был бюстгальтер узенький,
как финишная ленточка.

Виноваты витамины?
Или сполохи магнитные?..

Объясняя,
утомили
эрудиты именитые...
А планета ждет подсказки,
с головой уходит в митинги.
У планеты рост —
гигантский.
На планете гул —
космический.
Хлеб идет
грядущей выпечки.
Стал далеким
 близкий локоть...
Каждый раз
 встаешь на цыпочки —
сына
по плечу похлопать.

СКОРОСТЬ

Все дело в скорости!
Есть высший
 прок
в тугой покорности
пустых дорог.
Зари окалина
легла в траву.
Недомогания,
ау!
Ау!..

Опять взрывается
в волне
весло.
Опять сливаются
добро и зло!
Да,
 так уж водится:
разверзлась даль.
И только возгласы:
«Наддай!
Наддай!..»
Сомкнулся в линию
поток
 секунд.
И слезы длинные
к вискам текут.

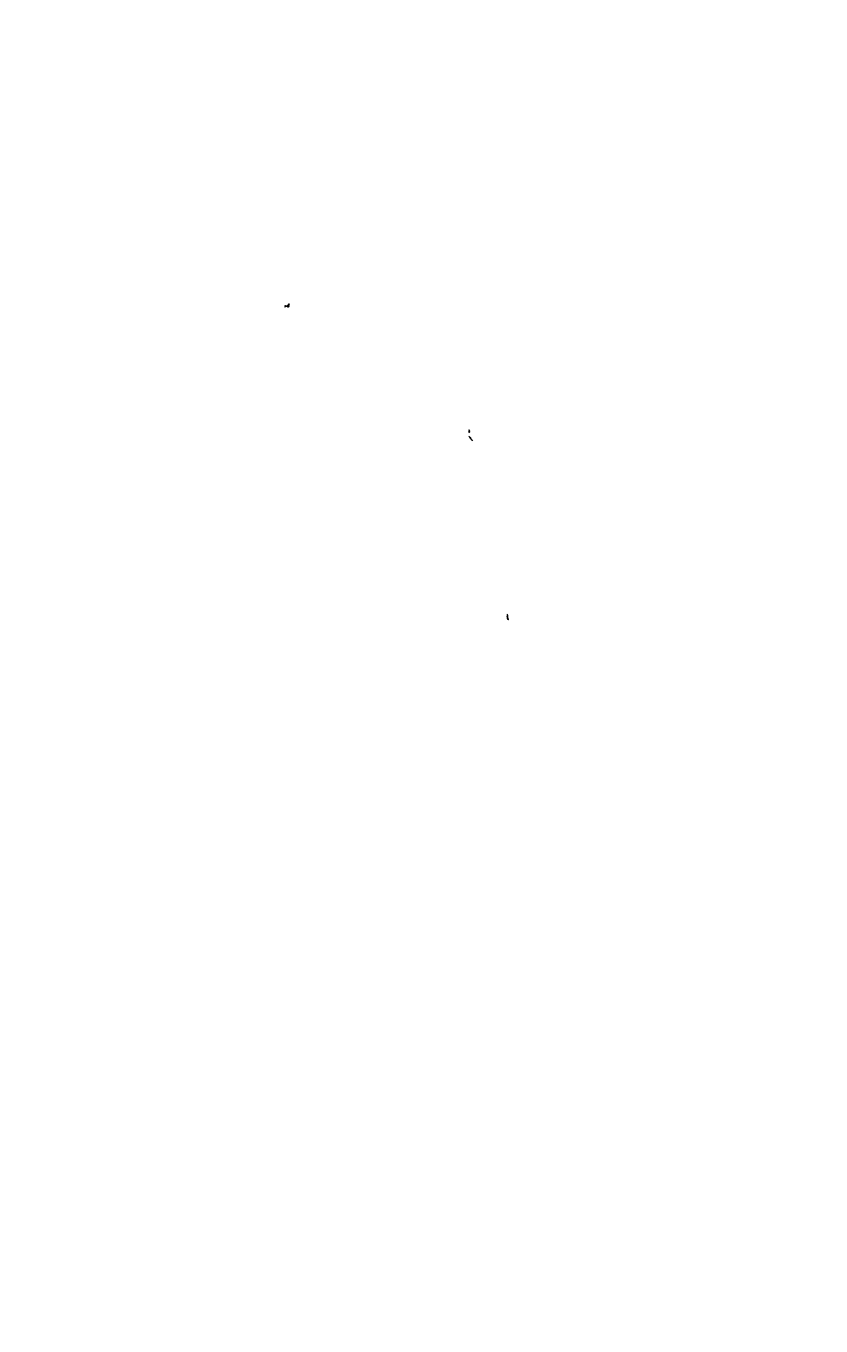
И ветер —
 посвистом.
И боль в боку...

А кто-то
попросту,
по холодку,
по краю-бережку
идет едва,
мурлычет песенку,
забыв слова.
Нагнувшись,
 медленно
из речки пьет...
И, —
тем не менее, —
не отстает.

Из сборника

"ЛИЖИЯ..

1971-1973

* * *

Что же такое
«мы»?

Мы —
из лесов безбрежных.
Мы —
из блокадной тьмы.
Мы —
из стихов сгоревших.
Из невысоких изб.
Песенного всесилья.
Мы —
из бессмертья.

Из
плоти твоей,
Россия!

Мы от свинцовых розг
падали в снег с разбега.
Но —

поднимались в рост,
звонкие, как победа!
Как продолженье дня,
шли
тяжело и мощно...
Можно
убить
меня.

Нас
убить невозможно!..

Что же такое

«Мы»?

Веруя в пробужденье,
взяв у земли займы
силу

в момент рожденья,
мы ей вернем сполна
все,
что она давала.

Только б

была

она!

Лишь бы

существовала!

Мы проросли из нее,
будто трава степная...
Гибнет в печи смолье,
солнце напоминая...

Глядя в лицо огня,
я говорю тревожно:
можно

убить

меня.

Нас

убить невозможно!

КСЕНИИ

Вырастешь, Ксения,
строки эти прочти...

Водосточные трубы
уже устали трубить!
Целый час ты живешь на земле.
Прими ее.

И прости,
что земля еще не такая,
какою ей надо
быть...

На земле умирают и плачут.
По земле ручьи бегут нараспев.
Задышаются пальмы.
Чавкает тундровый мох...
Я хотел ее сделать
самой праздничной!

И не успел.
Я хотел ее сделать
самой улыбчивой!

И не смог.
Я над нею трясся.
Я ее так просил!

Я земле открывался.
Понял ее язык...
Ты прости отца.

У него не хватило сил
накормить голодных,
оживить убитых,
обуть босых.

Мы —
всегда продолжение.
И я

не начал с нуля.
Мы —
всегда продолжение!
Распахнута настежь дверь.
Будет самой счастливой

твоя и моя земля.

В это верит отец!

И ты —
неприменно —
верь!

Ты пока что не знаешь,
как пронзителен шар земной.
Что такое «светло» —
не знаешь.

Что такое «темно».

Что такое «весна».
(Хотя родилась ты
весной.)

Что такое «снег».

(Хотя снега
полным-полно.)

Целый час

ты живешь на планете...

Привыкай дышать.

Продолжай сопеть.

Начинай басить

с номерком на руке...

Даже имя свое
еще не можешь ты удержать
в малюсеньком,
почти невзправдашном
кулачке.

ШУМ В СЕРДЦЕ

«У вас шум в сердце...» —
врач сказал...

Увы,
пора кончать базар...
Шум в сердце?
Надо же!..

Хотя,
наверно, это — шум дождя...
А может —
госпитальный стон...
Бинты —
светлее, чем престол.

Мы — шефы.
Нам по десять лет.
Нас ждет бескарточный обед!
Мы — шефы.
Мы даем концерт.
У главврача смешной акцент,
когда он нас благодарит...
Рыдает нянечка.
Навзрыд.
Постель

пустая, как бельмо.
На ней —
невскрытое письмо...
Шум в сердце?..

Странный шум тайги
пылающей.

И крик:

«Беги!..»

Шофер

в дымящемся рванье.

Таймень,

сварившийся в ручье...

И полз по веткам,

и дрожал

хрустящий, оголтелый жар.

Медведица —

седая вся —

визжала,

лапою тряся...

Шум в сердце?..

Шум

метели той.

Пурги,

как флотский борщ, густой.

Бортинженер пропал тогда...

Давила спины корка льда.

Мы —

как в негнущейся броне —

брели по снежной целине.

Брели.

Костры до неба жгли.

Стреляли.

Так и не нашли...

Шум в сердце?..

Отзвуки

твоих

шагов.

Я снова слышу их.

Ты шла по медленному дню.

В надежду.

В новую родню.

Шла в сплетни.

Шла в больные сны.

Шла в губы.

В звание жены.

В пленки.
В зарево плиты.
В любовь.
Так приходила
ты!..

Шум в сердце?..
Жаркий шум толпы.
Хмельной.
Встающей на дыбы.
За мертвых и живых пьяны, —
солдаты ехали с войны!
Солдаты
победили смерть!..
А где же им еще
шуметь?

ПРАЗДНИК

Это —
 музыка налетела!
Тишина ушла отдохнуть...
Ах, какое хорошее дело:
с тротуара
 в колонну шагнуть!
Быть не около —
а со всеми!
Не поблизости,
а — среди.
В неосознанном потрясенье
солнце чувствовать впереди.
Это детство меня настигло...
Оглядевшись едва-едва,
ах, как помню я
 все мотивы!
Ах, как путаю
 все слова!
Снова музыка налетает...

И —
частичкой иных миров —
в белом небе
 неслышно тают
леденцы
воздушных шаров.

СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ

Был инспектор из Госстраха
полон
неизбывных сил.
Он роскошно и пространно
мне болезнями грозил.
Убеждал:
«Наступит старость,
непроглядная, как ночь.
Вы устанете,
 пытаясь
самому себе
помочь!..
Мы тогда ваш быт наладим.
Обещание — закон.
Все устроим.
Все заплатим.
До копейки.
 Целиком!
Денег нам для вас не жалко, —
распишись и получи...»

А в квартире было жарко,
будто в доменной печи.
И хотелось только кваса.
Кваса!

Больше ничего...

Ладно!
Будем страховаться
от того и от сего.

Не гляди с таким укором!

Не хвали свои дары.

Я

друзьями

застрахован

с давней,

памятной поры.

До смертельного мгновенья,

до предсмертной хрипоты

застрахован

от неверья —

самой тягостной

беды!

И пока друзья со мною —

около и наяву —

буду жить!

Все остальное

как-нибудь переживу.

ОТПУСК

Над морем
 разлегся упруго
прозрачный
звонящий покой...
Мы вряд ли узнаем друг друга
потом, в толчее городской.
Особенно, если зимою.
(Где виделись?
Вспомни...
Пойми...)

Мы завтра покинем приморье.
Мы станем другими людьми.
Возьмем сапоги почвоведов,
замшелые тексты речей,
плащи-невидимки разведок,
стерильные маски врачей,
литые шахтерские каски,
зазывные платья певиц...

Мы ринемся в штили и качки!
И вспыхнет над каждым
девиз...
Озноб, озаренья, печали,
вокзалы,
пустая тоска,
восторженный крик и молчанье,—
все это потом...

А пока —
ракушки о музыке бредят.
Протяжные сосны прямы.
Песок нескончаемо греет.
Топорщится море...
И мы
пред этим размахом прохладным,
завидуя сами себе,
равны по уму,
по талантам,
по званиям
и по судьбе.

* * *

Тот самый луч,
 который
твоих коснется
рук,
покинув
 мыс Китовый,
опишет полукруг.
И в море не утонет.
Пушист и невесом,
он был в моих ладонях
застенчивым птенцом...

Он замелькает вскоре
над рябью свежих луж.
Сквозь облако тугое
пройдет тончайший луч.
И облако,
как сердце,
пронзенное стрелой,
забыто и рассеянно
повиснет над страной.
На запахи грибные
прольется луч из тьмы.
И за лучом
печные
потянутся дымь.
Он высветит,
с разбега

запутавшись в звонке,
скелет велосипеда
на пыльном чердаке.
Смахнет росу

с тычинки
ленивого цветка.
В больших глазах волчихи
застынет, как тоска.
Упав на лес полого,
пожухлый лист пронзит.
Перечеркнет болото.
По насту заскользит.
На половицы в доме
он хлынет, как обвал...

Я пил его с ладони.

Пил,
словно целовал...

Покинул

мыс Китовый,
как песня
для двоих,—
тот самый луч,
который
коснется

губ твоих.

ОТЛИВ

Я. Голованову

Как будто бы обидевшись на берег,
от берега
отходит
океан.
Отлив...

Песок прочнеет и грубеет.
И выплывают, словно на экран,
в остатках пены —
 банки из-под сока,
обрывок сети,
скользящая доска,
стеклянный шар,
раскосая красotka
на потемневшей крышке сундучка.
Монета,—
будто чье-то подаянье.
Пластмассовый индеец на арбе...

Постой!
И это
было
в океане?!

Все это
океан
носил в себе?!
И выкинул?
И вспоминать не хочет?
И задавать вопросы не велит?..

Ага-а-а!
Попался, старый барахольщик!
Великий?
Ты не так уж и велик!
Во мне ведь тоже — всякое.
Любое.
Про что у нас воспитанно молчат.
Теперь сравниться я могу с тобою!
Хоть в слабости.
Хоть в этих мелочах.
Хоть в чем-нибудь.
Хоть в самом окаянном!..

Я вдруг переиначил
жизнь
свою.
Уже судьей
 стою над океаном.
Красиво и рассерженно стою.
Мне хорошо.
Я — в гневе.
Я караю.
Я —
как всесильный бог —
 нетерпелив...
Что океану!
Океан —
 бескраен.
Он занят.
Начинается
 прилив.

ЗЕЯ

Ты пока что напрыгайся,
Зея.

Скалы вымой.
Кедрач остуди.
Через эту протяжную землю
горделиво и крупно
лети.
Птиц

уверенным плеском напутствуй.

Ширься.

Брызги метни в облака.

Ты пока что поцарствуй!

Побуйствуй!..

Только все это, Зея,

пока.

Потому что рассчитана доля
для тебя, шибутная вода.

Человечество здесь —
молодое.

Человечество здесь —
навсегда.

Человечество строит плотину.

Так,

что шелесты зейских глубин
превращаются —

необратимо! —

в ослепительный шорох
турбин.
Будет яростным он до озноба.
Будет выверен он и воспет...

Все подсолнухи
повернутся шара земного
на этот свет!

* * *

Горбуша
в сентябре

идет метать икру...
Трепещут плавники, как флаги на ветру.
Идет она, забыв о сне и о еде,
туда, где родилась.
К единственной
воде.

Угаром,
табуном,
лавиною с горы!
И тяжелеют в ней

дробиночки икры...

Горбуша прет, шурша,
как из мешка — горох.

Заторы сокруша.

И сети распоров.

Шатаясь и бурля,

как брага на пиру,

горбуша
в сентябре

идет метать икру!..

Белесый водопад вскипает, будто пунш,
когда в тугой струе —
торпедины горбуш.

И дальше —

по камням.

На брюхе —
 через мель!
Зарыть в песок икру.
И смерть принять взамен.
Пришла ее пора,
 настал ее черед...

Здесь —
 даже не река,
здесь малый ручеек.
В него трудней попасть,
 чем ниткою — в иглу...

Горбуша
в сентябре
 идет метать икру!
Потом она лежит —
дождейкой на стекле...
Я буду кочевать
 по голубой земле.
Валяться на траве,
пить бесноватый квас.
Но в свой последний день,
в непостижимый час,
ноздрями
 ощутив
 последнюю грозу,
к порогу твоему
приду я,
приползу,
приникну,
припаду.
Колени в кровь
 сотру...

Горбуша
в сентябре
 идет метать икру.

О НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Если наш Союз
называет «Россией»
кое-кто на Западе, —
напрягаю глотку,
объясняю истину,
не стою разиней.
Но —
и объясняя —
от гордости глохну!

Ибо повезло мне с землею такою!
Повезло с рождением,
с Москвою,
с тайгою.
Ибо —
по морозцу,
зимой залихватской,
до сих пор бравирую
сибирской закваской!..
Я —
безоговорочно и бесповоротно —
капля
в океане моего народа.
Истовом,
березовом,
бурлацком,
бунтарском!
В столах и частушках.
Счастье и мытарстве...

Ухожу распахнуто
 путем тысячеверстным
в песню,
как в дороженьку по росам, по звездам.
В Ярославском храме,
 в тишине великой,
холодея,
вглядываюсь в иконные лики.
Ахаю над пляской
 с узором да разводом.
Млею
 под рассыпчатым колокольным звоном...

Но, светло зажмурясь
 от небесной сини,
поклонившись маме-Россиюшке,
России,
захмелев от Новгорода
 и приникнув к Волге,
говорю —
отчетливо —
без скороговорки:
царями да боярами
 хвастать
 не стану!

Свой народ
превыше всех других
не поставлю!
Мне Земля для жизни
более пригодна
после Октября
 семнадцатого года!
Я в Державу верую —
 вечную!
 Эту.

Красную по смыслу.
 По флагу.
 По цвету.

Никогда не спрячусь
за кондовой завесой...

По национальности
я —
советский.

* * *

Человеку надо мало:
чтоб искал
и находил.
Чтоб имелись для начала
друг —

один
и враг —

один...
Человеку надо мало:
чтоб тропинка вдаль вела.
Чтоб жила на свете
мама.
Сколько нужно ей —
жила...

Человеку надо мало:
после грома —
тишину.
Голубой клочок тумана.
Жизнь —

одну.
И смерть —
одну.

Утром свежую газету —
с Человечеством родство.
И всего одну планету:
Землю!
Только и всего.

И — .

межзвездную дорогу
да мечту о скоростях.

Это, в сущности, —

немного.

Это, в общем-то, —

пустяк.

Невеликая награда.

Невысокий пьедестал...

Человеку

мало

надо.

Лишь бы кто-то дома

ждал.

МАМАЕВ КУРГАН

Сотни лет
 расходиться широким кругам
по огромной воде
молчаливой реки...
Выше всех Эверестов —
 Мамаев курган!

Зря об этом
в учебниках нет
ни строки.
Зря не сказано в них,
что теплеет Земля
и светлеет Земля,
 оттого что на ней,
о курганах мамаевых
помнить веля,
загораются
 тысячи Вечных огней...
Мне сюда возвращаться.
 К добру и к беде.
Мне сюда приходить.
 Приползать.
 Прилетать.
И, схватившись за сердце на той высоте,
задыхаясь,
разреженный воздух глотать.
Мне сюда возвращаться.
 Из мелких потерь.
Из ухоженных стран.

И горячечных снов.
Натыкаться на долгие стоны людей
и кольчуги
 позванивающих орденов...
Зря не сказано в книгах,
Мамаев курган,
что металла в твоём оглушенном нутре
больше,
 чем в знаменитой Магнитной горе!
Что хватило его и друзьям
и врагам.
Вместо капель росы,
 как слепое жнивье,
проступает железо,
кроваво сочась...
И поэтому
самая главная часть
в притяженье Земли —
 притяженье твоё!..
Ты цветами пророс.
Ты слезами пророс.
Ты стоишь,
поминальные муки терпя.
Синеватые молнии
 медленных гроз,
будто в колокол памяти,
бьются в тебя!
И тогда поднимаются птицы с земли,
и колыхается нервно
 степная трава.
Оживают
затертые напрочь
 слова.
И по плитам
устало
стучат
костыли.

злую зелень
 застоявшихся полей,
серый цвет
 прифронтовых госпиталей.

Оба сына,
 оба-двое,
 два крыла

воевали до Победы.

Мать ждала.

Не гневала,
 не кляла она судьбу.

Похоронка обошла ее избу.

Повезло ей,
 привалило счастье вдруг.

Повезло одной
 на три села вокруг.

Повезло ей,
 повезло ей,
 повезло! —

Оба сына
воротились в село:

Оба сына,
 оба-двое,
 плоть и стать...

Золотистых орденов не сосчитать.

Сыновья сидят рядом —
 к плечу плечо.

Ноги целы,
 руки целы —
 что еще?

Пьют зеленое вино,
как повелось...

У обоих изменился
 цвет волос.

Стали волосы —
 смертельной белизны...

Видно, много
белой краски
у войны.

* * *

Неправда, что время уходит!

Это уходим
мы.

По неподвижному времени.

По его протяжным долинам.

Мимо забытых санок

посреди сибирской зимы.

Мимо иртышских плесов

с ветром неповторимым.

Там, за нашими спинами —

мгла с четырех сторон

И одинокое дерево,

согнутое нелепо.

Под невесомыми бомбами —

заиндевевший перрон.

Руки,

не дотянувшиеся

до пайкового хлеба.

Там, за нашими спинами —

снежная глубина.

Там обожженные плечи

деревенеют от боли.

Над затемненным городом

песня:

«Вставай, страна-а!..»

«А-а-а-а...» — отдается гулко,

будто в пустом соборе...

Мы покидаем прошлое.

Хрустит песок на зубах.

Ржавый кустарник

призрачно топорщится у дороги.

И мы на нем оставляем
ключья отцовских рубаш
и надеваем синтетику,
вредную для здоровья.
Идем к черте, за которой —
недолгие слезы жен.

ключья отцовских рубах

и надеваем синтетику,
вредную для здоровья.

Идем к черте, за которой —

недолгие слезы жен.

Осатанелый полдень.

Грома неслышные гулы.

Больницы,

откуда нас вынесут.

Седенький дирижер.

И тромбонист,
облизывающий

облизывающий

пересохшие губы...

Дорога — в виде спирали.

Дорога — в виде кольца.

Ho —

отобедав картошкой

или гречневой кашей —

историю Человечества

до собственного конца

каждый проходит по времени!

Каждый проходит.

Каждый.

И каждому — поочередно —

ТО СОЛНЕЧНО,

ТО ТЕМНО,

Мы измеряем дорогу

мерой своих аршинов.

Ибо уже установлено

кем-то давным-давно:

весь человеческий опыт —

есть повторенье ошибок...

И мы идем к горизонту.

Кашлем.

Рано встаем.

Открываем школы и памятники.

Звезды и магазины...

Неправда, что мы с/ареем!

Просто —

мы устаем.

И тихо отходим в сторону,

когда кончаются силы,

Кандалы хватают цепко,
ощущая в пальцах зуд.
Вертят,

спрашивают цену,

цепи
пробуют на зуб...

Виллы,

домны,

парки,

пашни.

Долететь!

Дойти!

Доплыть!

Чтоб от Эйфелевой башни
сувенирчик

отпилить...

Едут далеко и долго.

Нервным пламенем горят.

И на все взирают

только

через фотоаппарат.

Разыгрались, будто дети:

через море —

на доске,

через Азию —

в карете,

на байдарке —

по Оке.

Сколько их?

Куда их гонят?

В чем причина этих смут?

Что теряют?

Что находят?

Что —

в конце концов — ,

поймут?

Я не знаю.

Я не знаю.

Вам ответа я не дам...

Сам сегодня

уезжаю.

Собираю чемодан. "

* * *

Провожаний
 немое кино.
Я устал от него —
 от такого.
Полуобморочно,
бестолково
и безжалостно длится оно.
Без конца продолжается мука.
Кто-то накрепко запер окно,
Вновь с перрона —
ни крика,
 ни звука —
лишь движенья.
Немое кино!..

Провожают кого-то студенты
разноцветной ватагой галчат.
В свитера по сезону одеты.
Что-то вечное, видно,
 кричат...

Плачет женщина.
Снова и снова
заполняет тоскою вокзал.
Вижу слезы.
Не слышу ни слова.
И поэтому
 верю слезам...

Я уже уезжаю с рожденья.
Даже, может, —
уехал давно!..

Наказанье мое,
наважденье —
проводаний
немое кино.

* * *

Над Саппоро
 кружится снег...
Я летом с постели привстану,
закрою глаза
и представляю:
над Саппоро
 кружится снег.
Спадает, как шуба с плеча.
Наивный,
ребячий,
потешный, —
витая над чьей-то надеждой,
над чьим-то волнением
 звуча.
Сугробы растут во дворе.
У снега —
 лицо молодое.
Снежинки горят на ладони
язычниками —
 на костре...
Идет середина зимы.
Для снега —
 ни поздно, ни рано.
И мы улыбаемся странно...

Чему улыбаемся
 мы?
Всему понемногу.

Всему.
Конечно, и этому снегу.
И полночи этой.
И небу.
А может,
 не только ему.
Дорогам,
 пронзающим век.
Домам над застывшей рекою.
Святому мгновенью покоя,
в котором рождается снег...
Пришел этот снег
и уйдет.
Пройдет он,
 как юность.
 Как поезд...

Не зря ж
одиноким японцем
всю ночь мостовую метет,

* * *

В. Овчинникову

Не доставая до поручня,
протопотала японочка.

Эхом,
намеком,
смирением.

Вздохом.
Иным измерением.
Самым началом движения.
Фразою
без продолжения.
Будто из отзвуков собрана.
Не рождена —
нарисована.
Даже —

едва обозначена.
Легкою кисточкой.
Начерно.
Скрылась,
пропала,
растаяла...

Тень ошущенья
оставила.

ИЕРОГЛИФЫ

С. В. Неверову

Я в японский быт вступаю.

Интересный крест несу.

В иероглифах

плутаю,

как в загадочном лесу.

Иероглифы приветствий,

поворотов головы.

Иероглифы созвездий.

И безмолвья.

И молвы.

И луна —

как иероглиф.

И вдали от городов

иероглифы вороньих

перепутанных следов...

Тучи с неба опустились.

Дождь со снегом пополам.

Иероглифы гостиниц.

Иероглифы реклам...

Я гляжу, вконец продрогнув, —
рано

вынырнув

из сна,

на квадратный иероглиф

запотевшего окна.

Одеяла не помогут —
натяни хоть до бровей.
За окном

покорно мокнут
иероглифы ветвей...

И, наверное, для драки
ждет у старого моста
иероглиф

злой собаки
иероглифа —
кота,

ХИРОСИМА

Город прославился так:
вышел военный чудака,
старец
с лицом молодым.
«Парни, —
сказал он, —
летим!
Мальчики,
 время пришло.
Дьявольски нам повезло!..»

В семь сорок девять утра
все было так, как вчера.
«Точка... —
вздыхнул офицер, —
чистенько
 вышли на цель...»

В восемь двенадцать утра
сказано было:
 «Пора!..»
В восемь пятнадцать,
 над миром взлетев,
взвыл торжествующе
дымный клубок!
Солнце зажмурилось,
похолодев.

Вздрогнули оба:

и «боинг»,

и бог!..

Штурман воскликнул:

«Ой, как красиво!..»

В эту секунду

в расплавленной мгле

рухнули

все представленья о зле.

Люди узнали,

что на Земле

есть Хиросима.

И нет Хиросимы.

**РАЗГОВОР О СНЕГЕ С СЕМИЛЕТНИМ
КА САНОМ — СЫНОМ СИНГАПУРСКОГО
ПОЭТА ГО БО СЕНА**

Ка Сана море утомило.

Но он —

серьезный человек.

И —

проникая в тайны мира —

он просит:

— Расскажи про снег!

Я рисовал,

да не выходит.

Никак его я не пойму...

Он —

как мороженое?..

— Вроде...

— Не может быть!..

— Ну, почему?

Представь,

поверь такому чуду:

зимой у нас,

в моей Москве,

лежит мороженое всюду —

на улицах,

и на траве,

и на деревьях,

и на крышах.

В любых дворах.
У всех дверей.
Для всех девчонок
и мальчишек,
А в зоопарке —
для зверей.
У нас оно зовется
«снегом».

Его
все государство ждет...
Идет
мороженое с неба.
Просторно,
сказочно идет.
Оно похрустывает слабо,
к прохожим
просится в друзья...

— А это сладко?..
— Очень сладко.
Так сладко,
что сказать нельзя...

Мой собеседник затихает.
Глядит
неведомо куда...
— А вы счастливые... —
вздыхает.

Я соглашаюсь:
— Иногда.

ТРЕЩИНКА

Речка Тахо,
 речка Тахо под Толедо...
Над зеленою водой
бормочет птаха.
Желтоватая долина —
 как тарелка.
Трещинкой на дне долины —
речка Тахо.
А Толедо —
 как нахмуренное чудо.
Как далекий отзвук
 рыцарского гимна.
Тусклым золотом
блестит его кольчуга...

Я не слушаю начитанного гида.
Голос гида для меня звучит нелепо.
Почему-то мне глядеть на город
 больно.

Слишком долго я шагал к тебе,
 Толедо!

Исполняются желанья
слишком поздно...
Память снова подымается из праха.
Вновь клянутся пацаны
 у школьной карты.

Крепок
долгий сон
бойцов интербригады...

Ты —
как трещинка на сердце —
речка Тахо.

ГИТАРА ГАРСИЯ ЛОРКИ

А одна струна — тетива,
зазвеневшая из темноты.
Вместо стрел в колчане — слова

А когда захочу —
цвЕты.

А вторая струна — река.
Я дотрагиваюсь до нее.
Я дотрагиваюсь слегка,
И смеется
детство мое.

Есть и третья струна —
змея.
Не отдергивайте руки:
это просто придумал я —
пусть
боятся мои враги.

**А четвертая в небе живет.
А четвертая схожа с зарей.
Это — радуга,
 что плывет
над моею бедной землей.**

Вместо пятой струны — лоза.

Поскорее друзей зови!
Начинать без вина нельзя
ни мелодии,
ни любви.

А была и еще одна
очень трепетная струна.
Но ее —
такие дела —
злая пуля
оборвала.

ПОВАРА

Земля еще и потому щедра,
что в мире
существуют
повара!..

Благословенны их простые судьбы.
А руки —
будто помыслы —
чисты.

Профессия у них
добра по сути.

Злой человек
не встанет у плиты.
Я знаю,
что древнее всяких библий
крутые глыбы кулинарных книг...

Зазывный запах —
терпкий и обильный —

на улице,
как музыка, возник...

Пыхтят в духовке
блюда-недотроги.

И флотский борщ
волнуется впотьмах,

И расцветает блин
на сковородке.

И смачно пузырится
бешбармак.
Зеленый перец
затекает с мясом
общение
в серебряном дыму.
Наука сочетается с шаманством
и торжествует
вопреки всему!..
Свершается!
Сейчас бы грянуть
маршем...
А повар —
белоснежная гора —
среди больших кастрюль
стоит, как маршал,
и говорит решительно:
«Пора!..»
Он все сказал вам.
Он не ждет награды.
Во взгляде —
вопрошающий озноб...
И странный отблеск
театральной рампы
вдруг заполняет кухню до основ...
Пусть твердят про вечность
летописцы,
пусть трагик воспекает
пыль эпох.
А я —
о прозе.
О еде.
О пище.
Ведь если где-то существует бог,
его я вижу
у плиты великой, —
распаренного,
с черпаком в руке.
С загадочною,
доброю улыбкой.
И — непременно —
в белом колпаке.

Распеваётся...
Вот сопрано из Читы
входит,
тискающая цветы.
А за нею —

плеск ладош.
Дождь на сцене.
Дождь.
Дождь...

А в буфете за стеной
от народа —
как в парной!
Чтоб не слишком горевать,
сели

около рыбца
три заслуженных певца
и один лауреат...
Хора фразная толпа —
разученейшая...

Вполноги
сверяют
па
два чечеточника.
Спит кудесник малых форм.
В платье
скользком, как змея,
чтица

дышит в телефон:
«Мама,
это снова я...
За Маришкой проследи,
чтоб легла

до десяти.
Или в десять.
Точь-в-точь...»

А на сцене
хлещет дожди!
Хлещет ливень вихревой.
Разодетой жертвы ждет...
Очень скоро он пойдет
над моею головой...

Танцевальный Аполлон
репетирует поклон.
Поклонился он стене,
стулу,
пепельнице,
мне...
Огорчается.
Не получается...
Пианист угрюм и тощ.
А на сцене
хлещет дожди!..

Балерина из угла
встрепенулась:
«Я пошла!..
Мне пора,
пора,
пора...
Все!..»

— Ни пуха, ни пера!..
— К черту!

СКАЗКА О МЕДНЫХ ТРУБАХ

И довелось испытать ему огонь,
воду и медные трубы...

Из старой книги

Жил богатырь на свете.
Претендовал на корону.
Не было у гражданина
ни слабостей,
ни гордынь.

Съедал на обед барана.
На ужин съедал корову.
Был богатырь
что надо! —
Сказочный был
богатырь...

Он — либо сражался,
либо
думал: с кем бы сразиться?!

И никакая сила
не могла его удержать...
Князю приходится княжить.
Прачке — с бельем возиться.
Богатырю
приходится
подвиги совершать...

Однажды он въехал в море.

На добром коне.

С разгона.

И там пропадал, —
рассказывают, —
почти до восьми утра.

А утром князю в подарок

привез он Царя Морского!

Люди кричали:

«Браво-о-о!..»

Люди кричали:

«Ура-а-а!..»

А богатырь отправился

в Царство Зловонной Гари, —

жажду геройства

новым подвигом утолил.

Огненного Страшил

голыми взял руками!

(Только усы да брови
чуть-чуть опалил...)

Княжеские глашатаи

на площадях

хрипели!

Был потрясающий праздник!

(Я знаю, что говорю.)

Звонкие трубы пели,
чистые трубы пели,
медные трубы пели
славу

богатырю!!

Слушал он эти трубы

в очень достойной позе.

Слушал он их,

внимая

каждой отдельной трубе.

Слушал их днем и ночью.

Вдумчиво слушал.

А после —

разволновался.

И помер.

От уваженья к себе...

Жил богатырь на свете.

Явно — не самый слабый.

· Был богатырь, и — нету.

Жалко богатыря...

Страшное испытанье:

медные трубы славы!

Соображали предки.

Слов не бросали зря...

СКАЗКА О ДОБРОМ ДЖИННЕ

Олегу Рудьеву

Джинн был добрым,
Из бутылки вылез,
а бутылку
 подарил мальцу...
Стражники цареvy подивились;
мимо них
 шагнула тень
 к дворцу.

Царь,
румяный, как шашлык по-карски,
глянул на волшебника хитро;
— Ты откуда взялся?..
— Я?
Из сказки...
— А сюда зачем?
— Творить
 добро...
— Значит, будешь требовать в награду
золотишко,
бархату аршин?
Может, дочку царскую?..
— Не надо.
Ничего не надо.
Я же —
 джинн...

Джинна избегали.
Джинна гнали.
(Дважды
 чудом спасся от толпы!)
Дружным хором
 джинна проклинали
пасторы,
раввины
и попы!
Хаяли в костелах и в мечетях,
тысячами
шли на одного!..
Джинн бы умер
 в тягостных мученьях,
если б
не бессмертие его.
И, устав от мыслей раздраженных,
плюнул джинн
на непонятный мир...

И решил он
разводить крыжовник:
ягоду,
 в которой — витамин.
Для себя!..
Над хутором заброшенным,
над последней страстью чудака
плыли —
 не плохие, не хорошие —
средние
века.

СКАЗКА С НЕСКАЗОЧНЫМ КОНЦОМ

Страна была до того малюсенькой,
что, когда проводился военный парад,
армия

маршировала на месте
от начала парада
и до конца.

Ибо, если подать другую команду, —
не «на месте шагом...»,

а «шагом вперед...», —
очень просто могла бы начаться война.
Первый шаг
был бы шагом через границу...

Страна была до того малюсенькой,
что, когда чихал знаменитый булочник, —
(знаменитый тем,
что он был единственным
булочником
в этой стране), —
так вот, когда он чихал троекратно,
булочники из соседних стран
говорили вежливо:

«Будьте здоровы!..»

И ладонью
стирали брызги со щек...

Страна была до того малюсенькой,
что весь ее общественный транспорт
состоял из автобуса без мотора.

Этот самый автобус —
денно и ночью,
сверкая никелем, лаком и хромом,
опершись на прочный гранитный фундамент
перегораживал
Главную улицу.
И тот,

кто хотел проехать в автобусе,
входил, как положено, с задней площадки,
брал билеты,
садился в удобное кресло
и, —

посидев в нем минут пятнадцать, —
вставал
и вместе с толпой пассажиров
выходил с передней площадки —

довольный —
уже на другом конце государства...

Страна была до того малюсенькой,
что, когда проводились соревнования
по легкой атлетике,

все спортсмены
соревновались —
(как сговорившись!) —
в одном лишь виде:

прыжках в высоту.
Другие виды не развивались.
Ибо даже дистанция стометровки
пересекалась почти посредине
чертой

Государственной границы.
На этой черте

с обеих сторон
стояли будочки полицейских.
И спортсмен,
добежав до знакомой черты,
останавливался,
предъявлял свой паспорт.
Брал визу на выезд.
Визу на въезд.

А потом он мучительно препирался
с полицейским соседнего государства,

который требовал прежде всего
список
участников соревнований, —
(вдруг ты — хиппи, а не спортсмен!...).
Потом этот список переводили
на звучный язык соседней страны,
снимали у всех отпечатки пальцев
и —
предлагали следовать дальше.
Так и заканчивалась стометровка.
Иногда —
представьте! —
с новым рекордом...

Страна была до того малюсенькой,
что жители этой скромной державы
разводили только домашнюю птицу
и не очень крупный рогатый скот, —
(так возвышенно
я называю
баранов).
Что касается более крупных зверей,
то единственная в государстве корова
перед тем, как подохнуть,
успела сожрать
всю траву
на единственной здешней лужайке,
всю листву
на обоих деревьях страны,
все цветы без остатка —
(подумать страшно!) —
на единственной клумбе
у дома Премьера.
Это было еще в позапрошлом году.
До сих пор весь народ говорит с содроганием
о мычании
этой голодной коровы...

Страна была до того малюсенькой,
что, когда семья садилась за стол,
и суп
оказывался недосоленным,

глава семьи звонил в Министерство
Иностранных Дел и Внешней Торговли.
Ибо угол стола,

где стояла солонка,
был уже совершенно чужой территорией
со своей конституцией и сводом законов, —
(достаточно строгих, кстати сказать).
И об этом все в государстве знали.
Потому что однажды хозяин семьи, —
(не этой,

а той, что живет по соседству), —
руку свою протянул за солонкой,
и рука была
арестована
тут же!
Ее посадили на хлеб и воду,
а после организовали процесс —
шумный,

торжественный,
принципиальный —
с продажей дешевых входных билетов,
с присутствием очень влиятельных лиц.
Правую руку главы семьи
приговорили,

во-первых — к штрафу,
во-вторых —
(условно) —
к году тюрьмы...
В результате

несчастный глава семейства
оказался в двусмысленном положении:
целый год он после —
одною левой —
отрабатывал штраф
и кормил семью...

Страна была до того малюсенькой,
что ее музыканты
с далеких пор
играли только на флейтах и скрипках,
лишь на самых маленьких скрипках и флейтах! —
Больше они ни на чем не играли,

А рояль они видели только в кино
да еще —

в иллюстрированных журналах.
Потому что загадочный айсберг рояля,
несмотря на значительные старания,
не влезал
в территорию
этой страны.

Нет, вернее, сам-то рояль помещался,
но тогда

исполнителю

не было места.

(А играть на рояле из-за границы —
согласитесь —
не очень-то патриотично!)

Страна была невероятно крохотной.

Соседи

эту страну уважали.

Никто не хотел на нее нападать.

И все же

один отставной генерал —

(уроженец страны

и большой патриот) —

несколько раз выступал в Сенате,

несколько раз давал интервью

корреспондентам центральных газет,

посылал посланья Главе государства,

в которых

решительно и однозначно

ругал

профсоюзы и коммунистов,

просил увеличить военный бюджет,

восхвалял свою армию.

И для армии

требовал

атомного

оружия!

МОНОЛОГ ЦАРЯ ЗВЕРЕЙ

В катакомбах музея
пылится пастушья свирель,
бивень мамонта,
зуб кашалота
и прочие цацки...

Человек!
Ты послушай Царя
терпеливых зверей.

И прости, что слова мои
будут звучать не по-царски.
Я —

последний из львов.
Но пускай за меня говорят —
лань

в объятьях капкана,
ползучего смога
громадность.

И дельфинья семья,
за которой неделю подряд
с вертолета охотился ты.

Чтоб развеяться малость.

Пусть тебе повстречается голубь,
хлебнувший отрав,

муравейник сожженный,
разрытые норы барсучьи,
оглушенная семга,

дрожащий от страха жираф,
и подстреленный лебедь,
и чайки —

по горло в мазуте.

Пусть они голосят,
вопрошая карающий век.
Пусть они стороною обходят

любую машину...

Ты —

бесспорно — вершина природы,

мой брат человек,

Только

где и когда ты встречал

без подножья

вершину?

Ты командуешь миром.

Пророчишь.

Стоишь у руля.

Ты — хозяин.

Мы спорить с тобой

не хотим и не можем.

Но без нас, —

ты представь! —

разве будет землею

земля?

Но без нас, —

ты пойми! —

разве море

останется морем?

Будут жить на бетонном безмолвье

одни слизняки.

Океан разольется

огромной протухшею лужей!

Я тебя не пугаю.

Но очень уж сети

крепки.

И растет скорострельность

твоих замечательных

ружей.

Все твое на планете!

А нашего —

нет ничего.

Так устроена жизнь.

Мы уже лишь на чучела

сгожи.

Зоопарки твои превосходны. —

Да жаль одного:

мы в твоих зоопарках

давно на себя

не похожи...

Так устроена жизнь.

Мы поладить с тобой не смогли.

Нашу поступь неслышную

Тихие сумерки спрячут.

Мы уходим в историю

этой печальной земли.

Человечьи детеныши

вспомнят о нас.

И заплачут...

Мы —

пушистые глыбы тепла.

Мы —

живое зверье.

Может, правда, что день ото дня

мир

становится злее!..

Вот глядит на тебя

поредевшее царство мое.

Не мигая, глядит.

И почти ни о чем не жалея.

И совсем ничего не прося.

Ни за что не коря.

Видно, в хоботы, лапы и когти

судьба не дается..

Я

с седеющей гривы

срываю корону Царя!

И реву от бессилья...

А что мне еще остается?

ДЕТСКОМУ ХИРУРГУ ВЯЧЕСЛАВУ ФРАНЦЕВУ

Прошу простить,
хирург,
коль я не так спросил:
но Вам
хватает рук?
Но Вам
хватает сил?
Наверно,
Вы должны, —
крутятся в эфирной мгле, —
поверить,
что больны
все дети на земле.
И этот странный круг
очерчивал не я...

Вы знаете, хирург,
законы бытия:
смертельная болезнь
у каждого из нас.
Нам тоже в землю
лечь
придется в некий час.
Не даст воды живой
знакомый чародей.
Предел у сердца —
свой...

Но Вам
 несут детей!
Звонящих, как стекло.
Изведавших пока
лишь доброе тепло
грудного молока.
Беспомощных несут.
Прозрачных, будто зной...
Вы —
их последний суд.
И божий.
И земной...
Спасите их,
 хирург!
Верните их,
 мастак!
Проверьте все:
 «а вдруг!..»
 «а вот!..»
 «а если так!..»

Закон беды жесток.
У спящего мальчика
и кожа —
 как пыльца.
И сердце —
 с ногтей.
Понятно Вам давно:
парнишка — не жилец.
Но в сотый раз
 дано
себя
не пожалеть!..
Легко сказать:
«Начнем...»
И медлить.
 И тянуть.
Так глупо,
словно днем
у берега тонуть.
Под гул колоколов.
Под ветром ледяным...

А Вам

 хватает слов —
все объяснять
родным?
Глядеть на них в тоске.
Симптомы называть.
Предсердье рисовать
на маленьком листке.
Распутывать клубок.
Бессмысленно курить.
И глухо говорить:
«Пока что...

 я не бог...»

И вновь —
себе во вред —
себя
 переступить!..

...Вам
 хватит сигарет,
чтоб до утра
не спать?

БОКС

Табло чемпионата
над залом взметено...
А нам-то что?

А нам-то,
сидящим, как в кино?
А нам чего —
нежилистым,
курящим,
нережѣмящим,
ухоженным,
балованным,
не битым
и не ломаным?
Орущим в этом зале,
как посреди двора?..

Но вот уже
мы сами
решаем, что —
пора!..
И в трансе невесомом —
(следи,
чемпионат!) —
мы
следом за боксером
ныряем под канат.
Как из реки —
на берег.

И оседает мгла.
И движется
соперник
из красного угла.
Нахрапистый по сути.
Задирист и рукаст...
Что ж,
дорогие судьи,
тогда
начнем рассказ.
Начнем его не резво,
дотерпим до конца.
(А левая —
как рельса,
у этого юнца!..)
Танцует,
как пушинка,
и не устанет, черт...
(А в ближнем он —
не шибко...
Не любит...
Не сечет...)
Пусть хлещет по предплечьям,
расходует запал...
Шаг в сторону.
И — встречным,
По корпусу...
Попал!!

Кумир соревнований
ладонью лоб утер...
А мы
идем к трамваям.
К автобусам идем.
Расправив плечи жестко.
Себя
переборов...

И чувствуем,
как жжется
рассеченная бровь.

* * *

Новости из Лимы и Полтавы,
мешанина из проблем и стран...
Как оголодавшие удавы,
мы
гипнотизируем экран.
Опера
и свойства полимера,
КВН
и баскетбольный матч.
Лучше, чем Шекспира и Гомера,
знаем мы
программу передач.
Старые и новые товары,
пища для ума и для души...
Плачут
стадионы и театры,
жалкие
считая
барыши...
Телефильм
заразен, как холера.
Тащит он в загадочную мглу.
И уже не кресло,
а — галера!
Накрепко прикован
ты
к веслу!
Нет уже другого интереса!

Мы молчим —

и его достойные рабы.

Ночь в разгаре.

Комната в тумане...

И стоят —

неведомо просты —

над землей,

над жизнью,

над домами

телевизионные кресты,

ХРОНИКА ОДНОГО ВЕЧЕРА

Будто кто-то ослабил
невидимый винтик, —
И огромный завод —
как проколотый! —
вытек.
Из ворот,
нависающих словно плотина,
прет поток,
выливаясь на площадь картинно.
Говорит о футболе,
пивко попивая.
Заполняет автобусы.
Лезет в трамваи...
— Даме тесно?
Берите такси,
если тесно...
18 часов
Потекли управленья.
Текут министерства.
И метро
распахнуло прохладные трюмы...
Возникает задачка про вечные трубы:
«Из одной выливается...
В другую вливается...»
18 часов 30 минут
А Москва перезванивается.
Договаривается.
В это время левкои
нужней, чем дыхание...

Надеваются мини.

Запахло духами.

Бледный свет телевизоров спорит с закатом..

Шебуршат воробьи в переулке покатом...

18 часов 50 минут

Открывая дежурным

планетные тайны,

в ТАССе

невозмутимо стучат телетайпы...

«Ураган над Карачи...»

«События в Чили...»

Десять строк из Норильска:

«Как нам сообщили,

раньше срока

здесь выдана первая тонна...»

19 часов 05 минут

— Одевайся!

Нас ждут...

— Я почти что готова...

19 часов 30 минут

На афише смеется эстрадная панночка.

У афиши застыла влюбленная парочка...

— Вася?

— Да.

— Рискнем?

— Айда!..

20 часов 15 минут

В ресторане —

день рожденья!..

Стол,

поставленный отдельно.

Стол роскошный.

Стол такой:

самого стола не видно! —

Яблоки,

салаты,

вина...

Машет тоненькой рукой

сын известного артиста —

несравненный тамада!..

(Непонятно —

кто родился,

где родился
и когда...)

Танцевальный и песенный тонус народа
повышается!..

20 часов 35 минут

В клинике — настежь ворота!..

Привезли старика...

(Прободение язвы.)

Что с ним будет —

еще абсолютно не ясно...

Плеск воды.

Моет руки хирург монотонно...

20 часов 50 минут

— Одевайся!

Нас ждут...

— Я почти что готова...

21 час 10 минут

Уезжает человек

в экспедицию.

Провожанья он отверг.

(По традиции.)

Лучше

собственной тоски

не касаться бы...

Он сейчас возьмет такси

до Казанского.

А потом —

тайга,

мошка,

стылый ветер...

Будет странно,

что Москва

есть на свете.

А в тайге ему плутать

долго ль, коротко...

Жаль:

никто не будет ждать.

Кроме города.

21 час 25 минут

Повинуясь велению пса,

а не долга, —

отставник

318

- Угу...
- Вистанешь?
- Могу...

...Постовой у театра

похож на шамана...

— Ты заметил,
что Клава одета кошмарно?..

Не заметил.

(Час ночи.)

Не заметил.

Напомнишь...

Простонала и сгинула «скорая помощь».

Темнота.

Затихающий отзвук судьбы...

Не забыть бы на завтра...

Не забыть бы на завтра...

Не забыть бы на завтра...

Не забы...

СТОЛ НАХОДОК

Обращайтесь в Стол находок!..
На краю Москвы
ждет хозяина,
 нахохлясь,
чучело совы.
Чемоданы ждут владельцев, —
(будто вор —
 порук).
Есть коляски — без младенцев.
Пиджаки — без брюк.
Много-мало,
 худо-бедно:
в масле и в пыли
сорок три велосипеда
выгнули рули...
А на полках —
 что угодно! —
целый магазин.
Вот —
на что уж не иголка —
холодильник ЗИЛ.
Глобус,
 панцирная сетка,
пачка конфетти...
А еще —
четыре сердца.
(Новые почти)...
Нартежи в чехле картонном.

Кованый сундук.
И мужчина,
 под которым
надпись:
«Верный друг»...
Замысел стихотворенья.
Дым от папирос.
И —
 потерянное время —
ремешки вразброс.
Ждет оно,
 остановившись,
часа своего...
Чья-то найдена невинность
в ЦПКиО.
Найден радужный осколок
чьих-то пылких
 чувств...

Обращусь я в Стол находок!
Срочно обращаюсь!..
— Люди!
У меня потеря
вышла на пути.
Молодость свою
 нигде я
не могу найти.

ОТЕЦ И СЫН

М. Магомаеву

Бывает, песни не поются
ни наяву и ни во сне.
Отец хотел с войны вернуться,
да задержался
на войне.
Прошло и двадцать лет, и больше...

Устав над памятью грустить,
однажды сын приехал в Польшу —
отца родного

навестить.

Он отыскал его.

А дальше —

склонил он голову свою.

Уже он был

чуть-чуть постарше

отца,

убитого в бою...

А на могиле,

на могиле

лежали белые цветы.

Они сейчас похожи были

на госпитальные бинты.

И тяжело плескались флаги.

Был дождь

крутым и навесным...

И к сыну подошли поляки.
И помолчали вместе с ним.
Потом один сказал:
«Простите...
Солдата
 помнит шар земной.
Но вы, должно быть, захотите,
чтоб он лежал
 в земле родной?..»
Шуршал листвою мокрый ветер.
Дрожали капли на стекле...
И сын вполголоса ответил:
«Отец и так в родной земле...»

ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ

Бёрзини,
 Спрóгисы,
 Кля́вини...
Годы людей переплавили.
Перемололи.
 Прославили.
Перетряхнули.
 Расслабили.
И разделили их надвое
не по богам,
не по нациям,
не по семейным симпатиям,
а по фронтам.
И по партиям.
Кровью и вьюгою кашляя,
время
спросило у каждого:
«Ты
за кого?..»

Лёнцманы,
 Лéпини,
 Кра́стыни
шли, будто в молодость, —
в красные!
И застывали —
 помолвленно —

то
в караулах у Смольного,
то —
на простреленном бруствере...
Сжав кулаки заскорузлые,
шли батраки и окопники
в краснознаменные конники.
Не за церковными гимнами,
не потому, что прикинули:
где посытней...

Пётрсы,
Калныни,
Зярины...

В душном,
взлохмаченном зареве
под почерневшими листьями
снились им улочки рижские,
звали их дюны прохладные...
Только
дорога до Латвии
долгой была,
как отчаянье.

Шла
сквозь шрапнель Волочаевки.
Лезла,
темнея от голода,
сквозь Перекопы,
сквозь Вологды
и Ангару.
Янсоны,
Ляцисы,
Кришьяны...

Над островерхими крышами,
над Даугавой неслышною,
над мостовою булыжною,
над голосащими рынками,
над просветленною Ригею
сквозь переплеты оконные,
на сочинения школьные,
на палисадники бурые,
на электричку до Булдури
падает снег...

И из него,
 как из марева,
люди выходят
громадные, —
вовсе не тени,
 не призраки.

Смотрят
спокойно и пристально.
Смотрят сквозь ветер напористый...
Ждут не восторгов,
 не почестей,
не славословий за подвиги...
Просят о малости:
помните!
Дóзиты,
 Лúтеры,
 Лúцисы
отдали все
Революции.
Все, что могли.

ГЛАГОЛ

Это в памяти остается.

Повторяется,

как молва:

сердце бьется,

армия бьется —

одинаковые

слова!

Одинаковые глаголы —

неслучайные наверняка.

Одинаковые законы

и у сердца,

и у полка...

Говорится,

словно поется

с интонацией вихревой:

бьется армия,

сердце бьется,

бьется знамя

над головой!

(Два человека —
он и она —

глядели
друг другу в глаза...)
Реки набухли.
Народ бежал
и жмурился от тепла.
Кто-то кричал:

«Пожар!..
Пожар!..»

А это
любовь была.

РАДАР СЕРДЦА

У сердца
 есть радар.
Когда-то,
в ту весну
тебя я угадал.
Из тысячи.
Одну.
У сердца
 есть радар.
Поверил я в него...
Тебя я увидел
задолго до того,
как повстречались мы.
Задолго до теперь.
До длинной
 кутерьмы
находок и потерь...
Прожгло остаток сна,
почудилось:
«Гляди!
Ты видишь? —
 Вот она...»
И екнуло в груди.
Радар обозначал
твой смех.
Движенья рук.
И странную печаль.
И вкрадчивых подруг.

Я знал твоих гостей.
Застолья до утра.
Твой дом.
Твою постель.
Дрожь
твоего бедра.
Я знал,
 чем ты живешь.
Что ешь.
Куда идешь.
Я знал,
 чьи письма рвешь.
И от кого их ждешь.
Я знал,
 в чем ты права.
О чем мечтаешь ты.
Знал все твои слова.
И платья.
И цветы.
И абажур в окне.
И скверик на пути,
где предстояло мне
«люблю» —
произнести...
Все знал я до того,
как встретился с тобой...
Но до сих пор —
слепой!
Не знаю
 ничего.

* * *

Трем-четырем аккордам научусь.
И в некий знаменательный момент —
для выражения сердечных чувств —
куплю себе

щипковый инструмент...

Подарит мне басовая струна
неясную надежду на успех.
Чтоб я к ней прикасался,
а она,
она чтоб —

отвечала нараспев...

Я буду к самому себе жесток
в разгаре ночи
и в разгуле дня.
Пока не станет

струнный холодок

звнящею частицею меня..
Нависну над гитарой, как беда.
Подумаю,

что жизнь уразумел...

Но, может,
все же выскажу тогда
то,
что сказать словами
не сумел.

* * *

У разоренного стола
сидишь —
 немая, как скала.
Ты — около.
И ты ушла...
О чем
 ты думаешь?

Судьбою соединены
мы —
две планеты.
Две страны.
Два грохота.
Две тишины...
О чем
ты думаешь?

Так близко,
что в глазах рябит.
Так цепко,
что нельзя забыть.
Так долго,
что не может быть..
О чем
ты думаешь?

Крадется сумрак по стене.
А я ворочаюсь во сне.

Хочу,
чтобы приснилось мне,
о чем
ты думаешь.

Но —
опрокинутся года.
Подернутся хрустинкой льда.
Я не узнаю никогда,
о чем ты думаешь.

* * *

Как детство,
ночь обнажена.
Земля становится просторнее...
Моя щека обожжена
пронзительным:
«Скажи мне что-нибудь!..»

«Скажи мне что-нибудь!
Скажи!

Скорей!
Пусть будут звезды —
дó неба.

Заполони.
Опустоши.
И все-таки
скажи мне что-нибудь!..
Плати за то, что целовал,
словами —
вечными, как прошлое...

Зачем
учился ты словам?
Скажи мне что-нибудь хорошее...
За то, что ты не опроверг
все мужество мое нарочное.
За бабий век.
Недлинный век. —
Скажи мне что-нибудь хорошее...»

Святая и неосторожная,
чего ты просишь?

Правды?

Лжи?..

Но шепчет женщина:

«Скажи!

Скажи мне

что-нибудь хорошее...»

* * *

Сяду за воспоминания.
Будто речка,
 потеку.
Биографию банальную
разукрашу, как смогу.
В многословье умильном
все припомню.
А затем
намекну, что был мыслителем.
И коснусь глобальных тем.
Про эпоху,
 про бессмертие,
про огни иных морей
(чтоб читатели
 заметили
широту
души моей)...
Выйдет книга многотомная,
будет радость в ней и злость.
Расскажу про тех,
с которыми
мне встречаться довелось.
С кем обедать,
 с кем беседовать,
с кем хлебнуть вина глоток...
И никто не будет сетовать,
если и привру чуток.
Распахну свои познания.
Призову на суд
 года...

Сяду
за воспоминания
только в грустный час,
когда
время грянет
беззаботное.
И у сонного огня
станет
лирика любовная
мемуарной для меня.

Из сборника
"ЗОЛОТО ЗОРОДА..
1973-1976

МОТИВ

Утро проползло по крышам,
все дома позолотив...

Первое,

что я услышал
при рождение,
был мотив.

То ли древний,

то ли новый,
он в ушах моих крепчал
и какой-то долгой нотой
суть мою
обозначал.

Он меня за сердце тронул,
он неповторимым был.

Я его услышал.

Вздрыгнул.

Засмеялся

и —

забыл!..

И теперь никак не вспомню.

И от этого грущу...

С той поры,

как ветра в поле,
я всю жизнь
мотив ищу.

На зимовье
стыну
лютом,
бхаю на вираже.
И прислушиваюсь к людям,
к птицам,
к собственной душе.
К голосам зари багряным,
к гулу с четырех сторон.
Чувствую,
что где-то рядом,
где-то очень близко
он!..
Зябкий, будто небо в звездах,
неприступный, как редут.
Ускользящий,
как воздух.
Убегающий,
как ртуть.
Плеск оркестров.
Шорох санный.
Звон бокалов.
Звон реторт...
Вот он!
Вроде бы тот самый!
Вроде бы.
А все ж —
не тот!
Тот я сразу же узнаю.
За собою позову...

Вот живу и вспоминаю...
Может,
этим и живу.

БАЛЛАДА О ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНКАХ

Центропункт — диспетчерская
городской медицинской службы.

Наверное, похожи номера.
А может, техники недосмотрели.

Но только
незадолго до утра
я был разбужен
телефонной трелью...
— Скажите, это центрпункт?

Алло?..

Алло!!
(Я трубку вешаю в молчанье.
Я даже не могу ответить зло.
Я сплю.
Я ничего не замечаю...)
Звонок, и все сначала:

— Центропункт?

Опять ошибка?
Это невозможно!!

Сна не было уже.
А был испуг
пред всем, что непонятно
и тревожно...

Звонки ломались,
будто в дверь — плечом.

Как настоящий ветер —
в сновиденья...

— Аппендицит!..
— Да я-то тут при чем?!..
— Потеря крови!..
— У кого потеря?!

По комнате шаталась темнота,
она была пугающе громадна..
— Ранение в районе живота!..
— Алло!
Необходим реаниматор!..
(Валилась трубка
из дрожащих рук.)
— Открытый перелом!..
Нужна машина...

...Да погоди, не горячись.
А вдруг
все правильно.
И это не ошибка.
Тебе поверили.
Тебя нашли.
Узнали номер.
Выяснили имя...
Ты ж сам кричал,
что боли всей Земли
отныне станут
навсегда твоими!..
Что ж, если так,
то слово за тобой.
Барахтайся в нестихотворных темах.
Она тебя зовет —
чужая боль.
Реальная.
Людская.
Без подделок...
Скажи, что повзрослел.
Что нездоров.
Давнишнюю строку
возьми обратно...

Но я бужу
 знакомых докторов.
Я что-то объясняю им
невнятно.
И остаюсь
 в гудящей тишине.
И чувствую натянутые нити...

Все правильно.
Все так.
Звоните мне!
Ошибки нет.
Звоните мне!
 Звоните!

АЛЬЕНДЕ

Молчит убийца в генеральском чине.
Блестят штыки военного парада.

На карте

узкая полоска Чили
кровоточит,
как сабельная рана.

Уходит человек

в века и в песню...

О как они убить его спешили!

О как хотели —

«при попытке к бегству»!..

Его убили

при попытке к жизни.

* * *

**Все хочу я увидеть.
Хочу испытать.**

Все, кроме смерти.

И услышать все шепоты мира
и все его грохоты.

Но даже и то, что небесный Госплан

отпустил мне по счёте,

я честно приму.

И вместе с друзьями

потрачу до крохотки...

Все желания могут исполниться,

кроме самого яркого —

колеса машины времени

ржавеют — несмазаны...

А мне б

ОТКУСИТЬ

от того матросского яблочка!

А мне бы

почуять

рукопожатие товарища маузера!..

Это вовсе не кровь.

это время в жилах играет.

Пусть потом разберутся,

кто гений,

кто трус,

КТО ВОИН.

Ведь не тогда человек умирает,

когда умирает.

А тогда, когда говорит:

«Я собой доволен...»

Я собой доволен...

И можно готовить деньги,
заказывать место на кладбище
и траурный выезд...

А в соседнем сквере

кудахчут хорошо одетые дети.

И не знают еще,

что им досталась эпоха —

на вырост!

Мы об этом тоже не знали.

Мы не верили, что состаримся.

И что однажды

на сердце у каждого

истина выжжется:

никогда не бывает Счастье
конечной станцией!..

...Потому-то и кружится этот мир.

Потому он

и движется.

* * *

Больничный коридор,
пустынный,
 будто поле.

Осипший баритон
товарища по боли...

Больничная стена.

Бессонные:

 «а если...»

Сухие письма
истории болезни...

Предчувствие расплаты
и холодок вины.

Всегда,

 когда больны,

мы

в чем-то виноваты...

Больничный потолок,
квадрат,

 глядящий немо, —

мое второе небо

на неизвестный срок...

Злой и веселый сразу,
держа судьбу в руке,
профессор

 цедит фразу

на мертвом языке.

И все ж,
смирив гордыню,
вполне доволен я:
прекрасно по-латыни
звучит
 болезнь моя!..

Больничное окно
опасно, как бойница.
Как будто бы больница
осаждена давно.
Закатные пожары
стекают,
словно воск...
Больничные пижамы,
как форма
 неких
 войск.

* * *

Неожиданный и благодатный
дождь
беснуется в нашем дворе...
Между датой рожденья
и датой
смерти
кто-то поставит
тире.
Тонкий прочерк.
Осколок пунктира...
За пределом положенных дней
руки мастера
неотвратимо
выбьют минус
на жизни твоей...
Ты живешь,
негодуешь,
пророчишь.
Ты кричишь
и впадаешь в восторг...
Так неужто
малюсенький прочерк —
не простое тире,
а итог?!

* * *

Все начинается с любви...
Твердят:
«Вначале
было
слово...»

А я провозглашаю снова:
Все начинается
с любви!..

Все начинается с любви:
и озаренье,
и работа,
глаза цветов,
глаза ребенка —
все начинается с любви.

Все начинается с любви.
С любви!
Я это точно знаю.
Все,
даже ненависть —
родная
и вечная
сестра любви.

Все начинается с любви:
мечта и страх,
вино и порох.

Трагедия,
тоска и подвиг —
все начинается с любви...

Весна шепнет тебе:
 «Живи...»
И ты от шепота качнешься.
И выпрямишься.
И начнешься.
Все начинается с любви!

* * *

**А природа опять
то предельно проста,
то одета
в цветастые перья...
Удивляет меня
не ее красота.
Удивляет
ее терпение.
И когда сквозь асфальт
лепестков пятерня
продирается после полночи,
я
не радуюсь силе земли.
Для меня
это прежде всего —
крик о помощи!**

* * *

В. Пескову

Кромсаем лед,
меняем рек течение,
твердим о том, что дел невпроворот...
Но мы еще придем

просить прощенья

у этих рек,
барханов
и болот,
у самого гигантского
восхода,
у самого мельчайшего
малька...

Пока об этом
думать неохота.
Сейчас нам не до этого
пока.

Аэродромы,
пирсы
и перроны,

леса без птиц
и земли без воды...

Все меньше —
окружающей природы.
Все больше —
окружающей среды.

ПРОГРАММИСТАМ, ОБУЧАЮЩИМ ЭВМ

Проводов натруженные жилы.
Алгоритмов сомкнутая мощь.
Учится

писать стихи

машина.

Я не против.
Я могу помочь.
Я ее программы

не нарушу,

одобряя стихотворный зуд...

Только
мало — в рифму.
Надо — в душу.
Рифмы рифмами.

Не в этом суть...

Пусть же, как положено,

вначале

втиснутся
в машинные зрачки
уравнения

счастья и печали,

формулы

удачи и тоски.

Но однажды пусть
она, машина,
осадив

свой электронный бег,

зная все конструкции снежинок,
тихо спросит:

«Что ж такое снег?..»

«Как это возможно —

запах детства?..»

«Почему вам снится скрип саней?..»

И пускай

непостижимо тесно

в ящике железном

станет ей!

Пусть она,

как мы,

почует ветер.

Испытает пусть,

к земле склонясь,

зависть к тем,

кто жил до нас на свете.

Ревность к тем,

кто будет после нас.

(Это сделать непременно стоит,

если уж всерьез

учить ее...)

Пусть она —

хотя бы раз —

застонет,

ощутив бессилие свое.

Пусть почует жар нетерпеливый

и запомнит

как приказ: «Живи!»

Если б вся любовь

была счастливой,

не было бы

песен о любви...

Поднимаясь на дыбы ершисто,

собственный

обозначая путь,

пусть она

единожды

решится

(не подумав!)

сделать что-нибудь.

Пусть потом опомнится.

Остудит
мозг несметный.
Но — ему назло —
проклянув себя,
опять поступит
слупо,
нелогично
и светло!
Спутает, что важно,
что не важно.
Вымолвит:
«Какие пустяки!..»
». Может быть, тогда
машина ваша
и напишет
настоящие
стихи.

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

До крайнего порога
вели его,
 спеша,—
алтайская порода
и добрая душа...

Пожалуйста, ответьте,
прервав
 хвалебный вой;
вы что,—
узнав о смерти,—
прочли его
 впервой?!

Пожалуйста, скажите,
уняв
 взыгравший пыл:
неужто он
при жизни
хоть в чем-то хуже
 был?!

Поминные застолья,
заупокойный звон...
Талантливее —
 что ли —
стал
 в черной рамке
 он?!

Убийственно жестоки,
намеренно горьки
посмертные
восторги,
надгробные
дружки.
Столбы словесной пыли
и фимиамный дым...

А где ж вы раньше
были,—
когда он был
живым?

* * *

Война откатилась за годы и гуды,
и горечь, и славу
до дна перебрав...

А пули
еще прилетают оттуда —
из тех февралей.
Из-за тех переправ.
А пули летят
из немыслимой дали...

Уже потускневшие
капли
свинца
пронзают броню
легендарных медалей,
кромсая на части
живые сердца.
Они из войны прилетают не даром.
Ведь это оттуда,
из позавчера,
из бывших окопов
по старым солдатам
чужие
истлевшие
бьют
снайперы!

Я знаю, что схватка идет не на равных
и
нечем ответить

такому

врагу.

Но я не могу

уберечь ветеранов.

Я даже собой заслонить

не могу.

И я проклиная

пустую бравладу,

мне спать не дает

ощущенье вины...

Все меньше и меньше

к Большому театру

приходит

участников

прошлой войны.

* * *

Та зима была,
 будто война,—
 лютой.

Пробуравлена,
прокалена ветром.
Снег лежал
 навалясь на январь
 грудой.

И кряхтели дома
 под его весом.
По щербатому полу
 мороз крался.

Кашлял новый учитель
 Сергей Саныч.

Застывали чернила
 у нас в классе,
и контрольный диктант
отменял завуч...
Я считал,
 что не зря
 голосит ветер,

не случайно
болит по утрам
 горло,
потому что остались
 на всем свете
лишь зима и война —
из времен года!..

И хлестала пурга
по земле крупно,
и дрожала река
в ледяном гуле.
И продушины в окнах
цвели кругло,
будто в каждое
кто-то посадил
пулю!..
И надела соседка
платок вдовий.
И стонала она допоздна-поздно...
Та зима была,
будто война,—
долгой.

Вспоминаю
и даже сейчас
мерзну.

ТЫЛОВОЙ ГОСПИТАЛЬ

За окошком
дышит холод.
Ветер
воет
на луну...
Помещение
нашей школы
занял госпиталь
в войну.
Здесь легко обосновались
предвоенные слова.
И палаты назывались:
Третья — «Б»,
Восьмая — «А».
И хотя для неученых
медицина —
темный лес,
в школе выяснялось четко,
кто — «жилец»,
кто — «не жилец»...

Многодетные гвардейцы —
вечные ученики —
здесь учились,
будто в детстве,
делать первые шаги.

И метался по палате
стон полуночный:

«Сестра!..»

И не только службы ради
бодрствовали доктора
с покрасневшими глазами...
Здесь —

безжалостен и строг —

шел

невиданный экзамен,
нескончаемый урок,
где на всех —

одна задача:

даже если тяжело,
выжить —

так или иначе.

Выжить —

Гитлеру назло!..

Шло учение рисковом,
но одно известно мне:
кончившие

эту школу

больше знали
о войне!..

К остановке шли трамвайной,
уходили,

излечась.

Краше грамоты похвальной
было

направление в часть.

А еще —

слова приветя.

И колеса —

сердцу в такт...

Знаю я,
что школу эту
покидали и не так.
Инвалидная команда
трубы медные брала.

Долго,
страшно
и громадно
эта музыка ползла.
Ежедневная дорога,
будто —
личная вина...

...А война была
далеко.
Далеко была
война.

БАЛЛАДА О ЗЕНИТЧИЦАХ

**Как разглядеть за днями
 след нечёткий?**

**Хочу приблизить к сердцу
этот след...
На батарее**

**были сплошь —
 девчонки.**

А старшей было
восемнадцать лет.
Лихая челка
над прищуром хитрым,
бравурное презрение к войне...
В то утро
танки вышли
прямо к Химкам.
Те самые.
С крестами на броне...

И старшая действительно старея, как от кошмара, заслонясь рукой, скомандовала тонко:
— Батарея-а-а!
(Ой, мамочка!..
Ой, рбдная!..
Огоны!..
И — залп!..

...И тут они
заголосили,
девчоночки.
Запричитали всласть.
Как будто бы
вся бабья боль
России
в девчонках этих
вдруг отозвалась!..
Кружилось небо —
снежное,
рябое.
Был ветер
обжигаяще горяч.
Былинный плач
висел над полем боя,
он был слышней разрывов —
этот плач!..
Ему —
протяжному —
земля внимала,
остановясь на смертном рубеже.
— Ой, мамочка!..
— Ой, страшно мне!..
— Ой, мама!..—
И снова:
— Батарея-а-а!..—
...И уже
пред ними,
посреди земного шара,
левее безымянного бугра
горели
неправдоподобно жарко
четыре черных
танковых костра.
Раскатывалось эхо над полями,
бой
медленною кровью истекал...
Зенитчицы кричали
и стреляли,
размазывая слезы по щекам!
И падали.
И подымались снова.

Впервые защищая наяву
и честь свою
(в буквальном смысле слова!).
И Родину.
И маму.
И Москву.
Весенние пружинящие ветки.
Торжественность
венчального стола.

Неслышанное:
«Ты моя — навеки!..»
Несказанное:
«Я тебя ждала...»
И губы мужа.
И его ладони.
Смешное бормотание
во сне.

И то, чтоб закричать
в родильном
доме:
— Ой, мамочка!
Ой, мама, страшно мне! —
И ласточку.
И дождик над Арбатом.
И ощущение
полной тишины...

...Пришло к ним это после.
В сорок пятом.
Конечно, к тем,
кто сам пришел
с войны.

ХУДОЖНИК

А он —
 неуемный, как мастер,
не ведает
вновь ничего.
И более всякой напасти
страшится
 себя самого.
И снова —
 сплошные препоны.
И в мире не создано книг,
И вновь —
 пред началом работы —
он сам у себя
ученик.

ДОМИК ПЕТРА ПЕРВОГО В СААРДЕМЕ

В этом домике укачивает,
как на корабле.

Даже сильных здесь подташниковат,
слабых —

долу клонит.

Переплет пудовой книги

на малюсеньком столе.

В этом доме жил когда-то Петр Алексеев.

Плотник...

Так случается с царями.

Свой у каждого каприз:

Юный герцог Вюртенбургский

вышивал по шелку чисто.

Обучался танцам кесарь.

Логике — испанский принц.

Плотник Петр Алексеев

строить корабли

учился.

Эта местность

по масштабу

для него была мелка.

Все казалось здесь игрушечным —

и удаль,

и раздолье.

Не хватало глазу

неба.

И земли для сапога.

Было детским топориче
для его большой ладони...
На старинных верфях пахло
морем, тесом, и смолой.

А вокруг стояла публика,
на плотника глаза.
Это было так потешно:
царь
орудует пилой!

Так забавно:
царь — и нате! —

с матроснею курит зелье.
Одобрительно кивали головами лоцмана...
А под вечер,

а под вечер, захмелев от третьей чарки,
подтверждала
забудыжная портовая шпана:
плотник Петр Алексеев
любит угощать
по-царски!

Над кабацкими столами
ходуном ходил туман.
С русским бешеным детиной
было ссориться опасно.

Хохоча,
во время танцев
так девиц он обнимал,
словно выдавить хотел их из корсетов,
будто пасту!..

И опять наутро вкалывал
на солнце молодом!

Злился,
ежели от мастера за дело попадало...

Это будет позже, после.
Это будет все

потом —
и конфузия под Нарвой,
и победная Полтава.

Это после встанет город,
задевая облака,
над Невоею,
на останках слепенькой чухонской мызы.

Это будет позже.

Будет

Непременно!

А пока
на спине державной,
царской

каменно бугрятся мышцы.

По плечам царя струится и блестит

мужицкий пот.

И глядят на это диво

саардемские разини...

Ах, как распахнется после

непотешный русский флот!

Поплывет по океанам

непотешная Россия!

Наплевав на все наветы,

утвердится на земле.

С тысячью смертями

знаясь,

с тысячью штормами

споря...

В этом домике

укачивает, как на корабле.

И войти в него сегодня —

все равно, что

выйти в море.

ПРИХОДЯТ КИТОБОИ

По правилам устава,
без никаких замен,
их

двести дней мотало
за тридцать земель.
Штормящие широты
без них теперь
пусты.

Живите,
кашалоты!
Возрадуйтесь,
киты!..

Волну
плавбаза режет,
вступая на порог...

А здесь,
на побережье,—
большой переполох!
Все сделано для встречи.
Готово.

Учтено.

И лозунги,
и речи,
и пресса,
и кино.
Еще вчера на рынке
исчезли

все цветы.

Содом стоит великий
в салоне красоты.
Парад
причесок странных.
Обилие невест...
В кафе и ресторанах
не будет
нынче
мест!

И с тем
никто не спорит...

Войдя
в свои права,
сегодня жены
вспомнят
нежнейшие слова!
Сегодня —
время женщин.
Сегодня —
их заря...

Да будет
всем пришедшим
опорою
земля!
Знакомая до боли.
Большая от забот...
Приходят
китобои
в калининградский порт.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ

«Так сколько ж ей?..»

«И в самом деле, —
сколько?..»

А женщина махнет рукою

и

промолвит нараспев —

светло и горько:

— Зачем считать напрасно?

Все —

мои... —

А после выпьет

за друзей пришедших.

И будет излучать

высокий свет...

Есть только дни рождения

у женщин.

• Годов рождения

у женщин

нет!

НАДПИСЬ

С пересудами не знаясь,
их заранее терпя,
на стене

сияла надпись:

«Элка,
я люблю тебя!..»
В ней была и боль, и жадность.
В ней

торжественность была.
И сама стена, казалось,
от волнения
росла...

Уважаемая Элка,
в центре города Москвы
во дворе

грохочет эхо.

Виноваты в этом
Вы.

Не видал я Вас ни разу,
только с Вами наравне
автора

великой фразы
одобряю я вполне.
Славлю
буковки живые,
принимаю целиком...

* * *

Струя ручья
 пронзит глухие чащи.
В траве прошелестит
 струя змеи.
Из проволоки —
твердой и блестящей —
нарезаны
 лесные муравьи.
Есть капельки росы.
Предметы леса.
Подробности
 кленового листка, —
отставшие от гулко-го прогресса,
глядящие на нас изда-лека...
А я все рвусь
 за горизонт упругий,
за горы,
 океаны
 и года.
Совсем забыв о том, что близоруким
обязан быть.
Хотя бы иногда.

МОНОЛОГ ФУТБОЛЬНОГО ВЕТЕРАНА

Мы —
 старые «землемеры».
Мы —
 давние мастера...
Замены прошу,
 замены!
Честное слово,
пора!
Бежим за мячом футбольным
по круглой, как мяч,
 земле.
В Днепропетровске,
в Стокгольме,
в Париже,
в Махачкале...
Наелся!
 Довольно!
 Хватит!..
В легких —
комок огня...
«Профессором»
 называют
в команде нашей меня.
Я прозвищам
знаю цену
и чувствую — будь здоров —
как нынешние
 «доценты»

ломают
«профессоров»!
Пашу травяное поле,
пасусь
на квадратном лугу...
Я знаю все
о футболе.
Я все в футболе
могу!
Сейчас я
откроюсь снова,
сейчас я
рванусь на край
и, падая,
с навесного
выложу мяч:
— Играй!!

И грянут аплодисменты!
И вздыбится ураган!..
Замены прошу.
Замены.

Замены
избитым ногам.
Замены
полночным крикам
и мужеству до поры...

Умру я
без этой великой,
без этой проклятой
игры.

СКАЗКА О КУЗНЕЦЕ, УКРАВШЕМ ЛОШАДЬ

Был кузнец непьющим.
Ел,
 что бог предложит.
То ли — от безумия,
 то ли — от забот,
он украл однажды у соседа лошадь.
Кузнеца поймали.
И собрали
 сход...
Дали слово
старцу.
Распростер он руки.
Покатились слезы
 из-под дряблых век:
«Люди!
Я заплакал
 от стыда и муки!..
Вор
у нас в деревне!
Мерзкий человек!..
Мне стоять с ним
 больно.
Мне дышать —
противно!
Пусть не станет вора
 на святой Земле!..»
Нашептались люди...

В общем,
 выходило:
кузнецу придется
 кончить жизнь
 в петле...

И тогда поднялся старец
 (очень древний).

От волненья
вздрагивал седины венец.
Он сказал:
«Подумаем, жители деревни!..
Что украли?
Лошадь.
Кто украл?
Кузнец!
Он у нас —

 единственный!
Нужный в нашей жизни.
Без него —

 погибель!
(Бог ему судья...)
Мы,
 повесив вора,
 кузнеца лишимся!

Выйдет,
что накажем
 мы
 самих себя!

Вдумайтесь!..»
И люди снова зашептались.
Спорам и сомненьям
 не было конца...

И тогда поднялся
самый главный
старец:
«Правильно!
Не надо
 вешать кузнеца!..
Пусть за свой проступок
 он заплатит деньги!..

А поскольку
этот разговор возник, —

есть у нас
два бондаря.

Двое!

И —

бездельники!..

Лучше мы повесим
одного из них...»

Умные селяне

по домам расходятся.

Курят.

Возвращаются

к мирному труду...

Кузнецом единственным

быть мне

очень хочется!

(Если —

ненароком —

лошадь

украду.)

ДОЛГИ

Пришла ко мне пора

платить долги.

А я-то думал,
что еще успею...

Не скажешь,

что подстроили враги.

Не спрячешься за юношеской спесью...

И вот я мельтешу

то здесь, то там,

Размахиваю

разными словами...

«Я расплачусь с долгами!..

Я отдам...

Поверьте мне!..»

Кивают головами

леса и травы,

снегопад и зной,

село Косиха,

Сахалин

и Волга.

Живет во мне,

смеется надо мной

немыслимая необъятность

долга!

Ждет каждая секунда.

Ждут года.

Озера,

полные целебной влаги.

Мелькнувшие, как вспышка,
города.

Победные
и траурные флаги.
Медовый цвет
 клокочущей ухи,
моей Москвы
всесильные зарницы
и те стихи,
 те — главные —
стихи,

которые лишь начинают
сниться.

И снова полночь
 душу холодит.

И карандаш с бессонницею спорит.

И женщина
в глаза мои глядит.

(Я столько должен ей,
 что страшно вспомнить!..)

— Плати долги!..

Плати долги, чудак!..

Давай

начистоту судьбу продолжим...

Плачу.

Но каждый раз

 выходит так:

чем больше отдаешь,

 тем больше

должен.

ОГЛЯНУВШИСЬ...

И все ж,
 пройдя сквозь тайгу и пустыни,
поверив в детей,
 как в себя самих,
мы знаем:
не кончится,
не остынет
и не ослабнет,
 хотя бы на миг,
напористость плуга,
дыханье завода,
движение
 скальпеля и пера...

Мы помним о том,
что любое Сегодня —
всего лишь
 завтрашнее
 Вчера.

* * *

Льдины, растаяв,
становятся синью в реке.
Птицы, взлетая,
становятся стаей упругой.
Дети,
рождаясь,
кричат на одном
языке,
заклиная взрослых людей
понимать
друг друга!

..НЕСЧУ РАЗНІЦ
ЛЕМ..

24

ЗА ТОГО ПАРНЯ

Я сегодня до зари
 встану.
По широкому пройду
 полю.
Что-то с памятью моей
 стало:
все, что было не со мной,
 помню.
Бьют дождинки по щекам
 впалым.
Для вселенной двадцать лет —
 мало.
Даже не был я знаком
 с парнем,
обещавшим:
«Я вернусь, мама!..»

А степная трава
 пахнет горечью.
Молодые ветра
 зелены.
Просыпаемся мы.
И грохочет над полночью
то ли гроза,
 то ли эхо
 прошедшей войны.

ТОВАРИЩ ПЕСНЯ

Остался дом за дымкою степною,
не скоро я к нему вернусь обратно.
Ты только будь, пожалуйста, со мною,
товарищ Правда,
товарищ Правда!

Я все смогу, я клятвы не нарушу,
своим дыханьем землю обогрею.
Ты только прикажи —
и я не струшу,
товарищ Время,
товарищ Время!

Я снова поднимаюсь по тревоге.
И снова бой, такой, что пулям тесно!
Ты только не взорвись
на полдороге,
товарищ Сердце,
товарищ Сердце!

В большом дыму и полночи, и полдни.
А я хочу от дыма их избавить.
Ты только все, пожалуйста, запомни,
товарищ Память,
товарищ Память!

ОГРОМНОЕ НЕБО

Об этом,
 товарищ,
не вспомнить нельзя.
В одной эскадрилье
служили друзья.
И было на службе
и в сердце у них
огромное небо —
одно на двоих.

Летали,
 дружили
в небесной дали.
Рукою до звезд
дотянуться могли.
Беда подступила,
как слезы
 к глазам, —
однажды в полете
мотор отказал.

И надо бы прыгать —
не вышел
 полет.
Но рухнет на город
пустой самолет!
Пройдет,
не оставив живого следа.

И тысячи жизней
прервутся тогда.

Мелькают кварталы,
и прыгать
нельзя!
«Дотянем до леса, —
решили друзья, —
подальше от города
смерть унесем.
Пускай мы погибнем,
но город спасем...»

Стрела
самолета
рванулась
с небес!

И вздрогнул от взрыва
березовый лес!..
Не скоро поляны
травой
зарастут...
А город подумал:
«Ученья идут...»

В могиле лежат
посреди тишины
отличные парни
отличной страны.
Светло и торжественно
смотрит на них
огромное небо —
одно
на двоих.

ДАЛЬ ВЕЛИКАЯ

Даль великая,
даль бескрайняя
за околицей и в судьбе.
Я тебе, земля,
низко кланяюсь,
в пояс кланяюсь тебе.
Мой родимый край,
место отчее,
ты — и праздник мой,
и броня.
Память общая
и песня общая
у моей земли
и у меня.

Я качал тебя
на своих руках,
то кляня судьбу, то моля.
Друг без друга нам
 не прожить никак.
Будем дальше жить, земля.
Мой родимый край,
 место отчее,
ты — и праздник мой,
и броня.
Горе общее
 и счастье общее
у моей земли
и у меня.

В свой последний час
я вздохну, скорбя,
и на жизнь свою оглянусь.
Малым зернышком
 упаду в тебя,
спелым колосом вернусь.
Мой родимый край,
 место отчее,
ты — и праздник мой,
и броня.
Сердце общее
 и солнце общее
у моей земли
и у меня.

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

В мире
 таком старом,
добрых надежд
 полном,
жаль мне людей,
ставших
перекати-полем.
Есть до небес —
 горы.
Есть без границ —
 чащи.
И до краев —
горе.
И через край —
счастье...
Может,
 за той кручей,
может,
 за той речкой
даже вода —
 лучше,
даже вино —
 крепче,
может,
жирней пища,
может,
щедрей доля...

ПЕСНИ ИЗ СПЕКТАКЛЯ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

1. ПТИЦА

Ты куда течешь, речка малая,
доброту свою сохраня?
Там, за далями, за туманами
море синее ждет меня.

Ты чего не спишь, кроха-зернышко,
в глубине земли, в тишине?
Оттого не сплю —
чую солнышко.
Значит, вскорости
быть весне.

Ты куда летишь, птица быстрая?
Может, я с тобой полечу.
Там, за тучею небо чистое.
Повидать его я хочу.

Я хочу понять небо синее,
высоту его,
глубину.
Я взлечу — и там крылья сильные,
крылья добрые
распахну!

2. ВЕРА В ЛЮДЕЙ

На трудных и пугающих дорогах,
вдали от исполнения мечты,
поверь в людей
и близких, и далеких,
и сразу же в себя
поверишь ты!

Снова зовет яростный день!
Нервы гудят натруженно.
Вера в людей,
вера в людей —
главное наше оружие.

Поштучно подлецов считать не будем,
хотя они встречаются в судьбе.
Но если ты
не доверяешь людям,
не станут люди
доверять тебе.

В лицо нам ураганный ветер веет,
куражится метель, а ты держись!
Ты верь в людей,
как люди в солнце верят!
Ты верь в людей,
как люди верят в жизнь!

Снова зовет яростный день!
Нервы гудят натруженно.
Вера в людей,
вера в людей —
главное наше оружие.

3. ЗАВТРА

Снова над полем
закат распростерт.
Но обязательно
солнце взойдет
завтра!

Ветер свистит,
и метели метут,
но непременно
сады зацветут
завтра!

Люди его сквозь года пронесли —
слово,
в котором надежда земли:
Завтра!

Брезжит оно
и в тебе, и во мне,
в прожитом дне
и в сегодняшнем дне —
завтра!

Может быть, я не смогу,
не дойду,
может, споткнувшись,
на снег упаду
завтра.

Только я знаю:
наверно, не раз
люди живущие
вспомнят о нас
завтра.

4. ДВОЕ

Катится солнце по склонам.
И, выполняя свой долг,
даже на камне холодном
вдруг расцветает
цветок.

Но откуда,
откуда,
откуда
появилось оно —
это чудо?

Непонятное,
 очень красивое,
беззащитное
и всесильное.

В вихре летящего века
вдруг обозначился день.
Встретились
 два человека
в мире,
где столько людей!

В грохоте, свисте и гари,
в долгом полете Земли
люди
 друг друга искали.
Может быть, даже
нашли.

Но откуда,
 откуда,
 откуда
возникает оно —
это чудо?
Непонятное,
 очень красивое,
беззащитное
и всесильное.

5. МЫ УХОДИМ

Мы уходим, товарищ.
Ты не жди нас обратно.
Мы уходим,
 растаяв
словно звезды во мгле.
Но останется правда,
большевистская правда,
настоящая правда
после нас
на Земле!

Не зря
мы над смертью смеялись!
Не зря
наши слезы и ярость!
Не зря
наши песни!
И клятвы не зря!

А вы оставайтесь живыми.
Прекрасно и долго живыми.
Мы знаем:
дорога у вас не проста.
Но вы —
продолжение наше.
Но вы —
утешение наше.
Но вы —
наша слава.
И наша мечта.

МГНОВЕНИЯ

Не думай о секундах свысока.
Наступит время,
сам поймешь, наверное —
свистят они,
как пули у виска,
мгновения,
мгновения,
мгновения.
У каждого мгновенья свой резон,
свои колокола,
своя отметина.
Мгновенья раздают —
кому позор,
кому бесславье,
а кому бессмертие.
Мгновения спрессованы в года,
мгновения спрессованы в столетия.
И я не понимаю иногда,
где первое мгновенье,
где последнее.
Из крохотных мгновений соткан дождь.
Течет с небес вода обыкновенная.
И ты, порой,
почти полжизни ждешь,
когда оно придет,
твое мгновение.
Придет оно, большое, как глоток,
глоток воды
во время зноя летнего.

А в общем,
надо просто помнить долг
от первого мгновенья
до последнего.

Не думай о секундах свысока.

Наступит время,
сам поймешь, наверное, —

свистят они,
как пули у виска,
мгновения,

мгновения,

мгновения.

ПЕСНЯ О ДАЛЕКОЙ РОДИНЕ

Я прошу,
хоть ненадолго,
грусть моя,
ты покинь меня!
Облаком,
сизым облаком
ты полети к родному дому.
Отсюда к родному дому.

Берег мой,
покажись вдали
краешком,
тонкой линией.
Берег мой,
берег ласковый,
ах, до тебя, родной, доплыть бы!
Доплыть бы, хотя б когда-нибудь.

Где-то далеко, очень далеко
идут грибные дожди.
Прямо у реки,
в маленьком саду
созрели вишни,
наклонясь до земли.
Где-то далеко,
в памяти моей
сейчас, как в детстве, тепло.

Хоть память
укрыта
такими большими снегами!

Ты, гроза,
напои меня
до́пьяна,
да не до́ смерти!
Вот опять,
как в последний раз,
я все гляжу куда-то в небо,
как будто ищу ответа...

Я прошу,
хоть нена́долго,
грусть моя,
ты покинь меня!
Облаком,
сизым облаком
ты полети к родному дому.
Отсюда к родному дому.

ЗДРАВСТВУЙ, МАМА!

Здравствуй, мама!

Опять мне снится

песня твоя.

Здравствуй, мама!

Светла, как память,

нежность твоя.

Этот мир не от солнца такой золотой, —

он заполнен до края

твоей добротой.

Ты слабеешь —

в меня уходят

силы твои.

Ты стареешь —

в меня уходят

годы твои.

Все равно, несмотря на любые года,

будешь ты для меня

молодой навсегда.

Натрудились

на десять жизней

руки твои.

Народились

под этим небом

внуки твои.

Ты опять колыбельную песню поешь,
и во внучке своей
вдруг себя узнаешь.

На земле

хороших людей немало,
сердечных людей немало.
И все-таки, лучше всех на земле —
мама.
Моя мама.

ТАМ, ЗА ОБЛАКАМИ

В небе колышется дождь молодой,
Ветры летят по равнинам бессонным.
Знать бы, что меня ждет
за далекой чертой,
там,
за горизонтом.

Шел я к высокому небу не зря.
Спал, укрываясь большими снегами
Но зато я узнал,
что такое заря
там,
за облаками.

Верю, что, все неудачи стерпя,
жизнь отдавая друзьям и дорогам,
я узнаю любовь,
повстречаю тебя
там,
за поворотом.

Если со мною случится беда,
грустную землю не меряй шагами.
Знай, что сердце мое
ты отыщешь всегда
там,
за облаками.

АХ, КАК МАЛО

Чай возник из блюдца.

Мир из хаоса возник.

Дождь — из тучи.

А из утра — полдень...

Ах, как много в жизни мы читаем разных книг!

Ах, как мало,

в результате, помним!..

Вот она — река,

да нечем горло промочить.

Что-нибудь от этого случится...

Ах, как нам приятно

окружающих учить!

Ах, как стыдно

нам самим учиться!..

Глупые раздумья можно шляпою прикрыть,
отразиться

в зеркалах и в лужах...

Ах, как хорошо мы

научились говорить!

Ах, как плохо

научились слушать!..

Истину доказываем, плача и хрипя.

Общими болезнями болеем...

Ах, как замечательно

жалеем мы себя!

Ах, как плохо

мы других жалеем!

О СЕРДЦЕ

**Снова сердце бьется шибче молодого
на пределе современных скоростей.
Только жалко,
 что для этого мотора
не нашли пока что
запасных частей.
Может быть, достичь мы все-таки сумеем,
знаменитый доктор**

скажет, как поет:

«А давайте —
для начала —
сердце сменим!
Ваше, старое,

ОТ ЖИЗНИ

отстаёт...»

Может, так оно когда-нибудь и станет.
Может, так оно и будет.

А пока

люди ходят по планете.

И мечтают.

И стареют.

И глядят на облака.

Задыхаются от горя и от счастья.

О бессмертье

меж собой не говорят...

А хорошие сердца болеют

чаще.

**За себя и за других.
они болят.**

ПОДРАЖАНИЕ БАРДАМ

Жизнь летит, как шоссе,
от любви до любви...

Полпланеты —

в росе.

Полпланеты —

в крови.

Тают угли в золе,
как огарок свечи.

Полпланеты —

в заре

Полпланеты

в ночи.

Я кидаюсь к мечте,
а догнать не могу.

Полпланеты —

в дожде.

Полпланеты —

в снегу.

Я за отблеск в окне
благодарен судьбе...

Полпланеты —

во мне.

Остальное —

в тебе.

БИЛЕТ В ДЕТСТВО

Где-то есть город,
 тихий, как сон.
Пылью тягучей
по грудь занесен.
В медленной речке вода как стекло.
Где-то есть город,
 в котором тепло.
Наше далекое детство
там прошло...
Ночью из дома я поспешу,
в кассе вокзала билет попрошу:
«Может,
 впервые за тысячу лет
дайте до детства
плацкартный билет!..»
Тихо ответит кассирша:
«Билетов нет...»

Так что ж, дружисше!
Как ей возразить?
Дорогу в детство
 где еще спросить?
А может, просто
 только иногда
лишь в памяти своей
приходим мы
сюда?..

В городе этом
 сказки живут.

Шалые ветры
в дорогу зовут.
Там нас порою сводили с ума
сосны —

 до неба,
до солнца —
 дома.

Там по сугробам
неслышно шла зима...
Дальняя песня в нашей судьбе,
ласковый город,
 спасибо тебе!

Мы не вернемся,
напрасно не жди.
Есть на планете
 другие пути.

Мы повзрослели.
Поверь нам.
И прости.

НЕ НАДО ПЕЧАЛИТЬСЯ

Колышется дождь густой пеленой,
стучатся дождевики в окошко твоё.
Сегодня любовь

прошла стороной,
а завтра,
а завтра ты встретишь ее!

Не надо печалиться —
вся жизнь впереди.
Вся жизнь впереди, —
надейся и жди!

➤ Тропинка в лесу запахла весной,
земля разомлела от солнечных дней.
Сегодня мечта

прошла стороной,
а завтра,
а завтра ты встретишься с ней!

Как в поле роса,
 как в небе звезда,
как в море бескрайнем веселый прибой,
пусть будет с тобой,
 с тобой навсегда

**большая мечта
и большая любовь!**

Не надо печалиться —
вся жизнь впереди.
Вся жизнь впереди, —
надейся и жди!

ПЕСНЯ О ДРУГЕ

Без напыщенных фраз и братаний навеки,
без объятий и шума вокруг,
но один человек

о другом человеке
неспроста говорит:
«Он — друг...»
Да, — говорит, —
есть, — говорит, —
друг, — говорит, —
друг.

И когда ты в беде, как в сраженье неравном,
так, что, вроде бы, рушится жизнь,
он приходит — твой друг —
и становится рядом.

И тебе говорит:
«Держись!..»
Верь, — говорит, —
Я, — говорит, —
здесь, — говорит, —
здесь!

Прямо в сердце врывается ветер упругий,
налетел, просвистел, зазнобил.
Только самое страшное,
если о друге —

о живом — говорят:
«Он был...»
Вот, — говорят, —
друг, — говорят, —
был, — говорят,
был.

СТАРЫЕ СЛОВА

Три слова, будто три огня,
придут к тебе средь бела дня.
Придут к тебе порой ночной,
огромные,
как шар земной.
Как будто парус кораблю —
три слова:

«Я тебя люблю».
Какие старые слова!
А как кружится голова,
а как кружится голова!

» Три слова, вечных, как весна.
Такая сила им дана!
Три слова —
и одна судьба,
одна мечта,
одна тропа.
И вот однажды, все стерпя,
ты скажешь:

«Я люблю тебя».
Какие старые слова!
А как кружится голова,
а как кружится голова!

Три слова, будто три зари.
Ты их погромче повтори.

Они тебе не зря сейчас
понятны стали
- в первый раз.
Они летят издалека,
сердца пронзая
и века.
Какие старые слова!
А как кружится голова,
а как кружится голова!

..

ЗИМНЯЯ ЛЮБОВЬ

Слишком холодно на дворе.
Зря любовь пришла в декабре.
У любви зимой
короткий век.

Тихо падает
на землю
снег.

Снег на улицах,
снег в лесах,
и в словах твоих,
и в глазах.
У любви зимой
короткий век.

Тихо падает
на землю
снег.

Вот прощаешься ты со мной.
Слышу голос я ледяной.
У любви зимой
короткий век.

Тихо падает
на землю
снег.

Клятвы зимние холодны.
Долго буду я ждать весны.

У любви зимой
короткий век.
Тихо падает
на землю
снег.

А где-то свадьба, свадьба, свадьба
пела и плясала!

И крылья эту свадьбу вдаль несли.

Широкой этой свадьбе

было места мало!

И неба было мало

и земли!

СТАНЬ ТАКИМ

В этом мире,
 в этом городе,
там, где улицы грустят о лете,
ходит где-то самый сильный,
 самый гордый,
самый лучший человек на свете!

Вновь зима в лицо мне вьюгой дунула,
и навстречу вьюге я кричу:
«Если я тебя придумала,
стань таким,
 как я хочу!»

Ходит мимо
 в этом городе
и слова пока не слышит эти
самый умный,
 самый славный,
 самый гордый,
самый лучший человек на свете!

Знаю, скоро
 в этом городе
непременно встречусь в день желанный
с самым сильным,
 самым честным,
 самым гордым,

самым ласковым
и самым славным!

Вновь зима в лицо мне вьюгой дунула,
и навстречу вьюге я кричу:
«Если я тебя придумала,
стань таким,
как я хочу!»

ПОЗОВИ МЕНЯ

Я давно снам не верю.
Ты сейчас идешь сквозь огни...
Оглянись на мгновение,
просто так рукой взмахни.

Если вдруг трудно станет,
если вспомнишь ты
о любви,
позови меня,
позови меня,
хоть когда-нибудь,
позови!

Высоко в поднебесье
самый первый гром протрубил.
Ты звучишь,
будто песня.
Жаль, что я слова забыл!

Если вдруг трудно станет,
если вспомнишь ты
о любви,
позови меня,
позови меня,
хоть когда-нибудь,
позови!

ПЕСНЯ О ПОЛЫНИ

Зачем на склоне дня
холодный дождь полил?
Ты целовал меня,
а на губах —

полынь.

Опять приходишь ты,
но сердце зря стучит:
завяли все цветы,
и лишь полынь горчит.

Горчит полынь-трава.

Теперь-то знаю я:

полынь —

твои слова!

Полянь —

любовь твоя!

Полянь степной растет.

Стоит в полях теплынь.

Твой голос —

будто мед,

а все равно —

полынь...

Полыни я нарву,

себе гнездо совою.

И на полынь-траву

полынь-слезу пролью.

ПОКА Я ПОМНЮ

Луна над городом взошла опять.
Уже троллейбусы уходят спать.
И, словно ветры счастья,
в окно мое стучатся
лишь воспоминания.
Воспоминания о давнем дне,
когда однажды ты пришла ко мне,
в дожде таком веселом,
цветном и невесомом
ты пришла ко мне.

Плывут в дома воспоминания,
слова любви,
слова признания.
Живут во мне воспоминания,
живут во сне и наяву.
Они — тепло мое весеннее,
моя мечта,
мое везение,
моя надежда и спасение.
Пока я помню, —
я живу!

Воспоминания глядят в глаза.
Воспоминаний обмануть нельзя.
Они, по самой сути, —
мои друзья и судьи,
и мои наставники.

Давно расстались мы с тобой, и все ж
в воспоминаньях ты моих живешь,
в дожде таком веселом,
цветном и невесомом
вновь идешь ко мне.

Плывут в дома воспоминания,
слова любви,
слова признания.
Живут во мне воспоминания,
живут во сне и наяву.
Они — тепло мое весеннее,
моя мечта,
мое везение,
моя надежда и спасение.
Пока я помню, —
я живу!

ПОЙ, ГИТАРА!

К долгожданной гитаре
осторожно и бережно
И она отзовется,
доброю наполнив тебя и меня.

От зари до зари,
от темна до темна
о любви говори,
пой,
гитарная струна

Я гитару настрою
на лирический лад
и знакомой тропинкой
уйду в звездопад.
«Будь счастливой, как песня», —
попрошу я ее,
и гитара взорвется, как сердце мое.

К долгожданной гитаре
осторожно и бережно
я тихо прильну,
трону струну.

Ведь бывают гитары, —
они зазвучат,
и большие оркестры покорно молчат!

От зари до зари,
от темна до темна
о любви говори,
пой,
гитарная струна!

БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ

Благодарю тебя
 за песенность города
и откровенного, и тайного. •
Благодарю за то,
 что всем было холодно,
а ты оттаяла,
оттаяла.

За шепот и за крик,
за вечность и за миг,
за отгоревшую зарю,
за смех и за печаль,
за тихое «прощай», —
за все
 тебя
 благодарю!

Благодарю за то,
 что ты по судьбе прошла,
за то, что для другого сбудешься.
Благодарю тебя
 за то, что со мной была,
еще за то,
что не забудешься.

За шепот и за крик,
за вечность и за миг,

за отгоревшую зарю,
за смех и за печаль,
за тихое «прощай», —
за все
тебя
благодарю!

ТВОЯ СВАДЬБА

А свадьба твоя продолжается.
И ты не волнуйся, пожалуйста.
Смотри, с женихом я беседую,
танцую

с твоею соседкою,
тебя поздравляю я вежливо,
мне весело!

Ах, как мне весело!..

А в общем, спасибо, что вспомнила
в такой серьезный день.

А помнишь, как зябкою полночью
снежинки кружились беспомощно.
Мы шли по огромному городу.
А помнишь пустынную комнату?
И крик твой, похожий на таинство:
«С тобою мы

не расстанемся!..»

Во мне,
будто вечная музыка,
твои слова звучат...

А свадьба твоя продолжается.
И ты не волнуйся, пожалуйста.
Смотри, с женихом я беседую,
танцую

с твоею соседкою,

тебя поздравляю я вежливо,
мне весело!
Ах, как мне весело!..
Наверное,
только поэтому
горчит
мое вино.

СЛАДКА ЯГОДА

Сладка ягода в лес поманит,
щедрой спелостью удивит.
Сладка ягода .
одурманит.
Горька ягода
отрезвит.

Ой, крута судьба,
 словно горка,
доняла она, извела.
Сладкой ягоды
только горстка.
Горькой ягоды
два ведра.

Я не ведаю,
 что со мною.
Отчего она так растет —
сладка ягода
лишь весною.
Горька ягода —
круглый год.

Над бедой моей ты посмейся,
погляди мне вслед из окна.
Сладку ягоду
рвали вместе.
Горьку ягоду —
я одна.

ЖЕЛАЮ ВАМ

Дождинка малая
на землю капнула.
А мы не встретимся.
Что было — кануло.
Что было — не было.
Что было — сгнуло.
Прошу за все простить меня.
Как тихо в комнате,
как пусто в комнате...
И Вы лицо мое
не сразу вспомните.
Потом — забудете.
Совсем забудете.
Прошу за все простить меня.

Желаю Вам
всегдашней радости в судьбе,
желаю Вам
всего того, что Вы желаете себе.
Желаю Вам
одних счастливых дней в году.
Прошу меня не узнавать,
когда во сне я к Вам приду.

Над зоровой землей
дожди проносятся.
На зоровой земле
тропинок множество.

И мы не встретимся.
А если встретимся,
прошу за все простить меня.
Дождинка малая
на землю капнула.
А мы не встретимся.
Что было — кануло.
Что было — не было.
Что было — сгинуло.
Прошу за все простить меня.

Желаю Вам
всегдашней радости в судьбе,
желаю Вам
всего того, что Вы желаете себе.
Желаю Вам
одних счастливых дней в году.
Прошу меня не узнавать,
когда во сне я к Вам приду.

А ТЫ ПОЛЮБИШЬ

А ты полюбишь,
ты полюбишь.
А ты прольешься,
как заря.
И сердце — надвое — разрубишь...
А он тебе не скажет:
зря!..

А ты согласишься,
ты согласишься.
Начнешь
выклянчивать слова.
Ты никогда не овдолеешь...
И все же будешь —
как вдова.

А ты устанешь,
ты устанешь
смотреть в густеющую тьму.
В квартире мебель переставишь...
А он не спросит:
почему?..

А ты привыкнешь,
ты привыкнешь.
И будет ночь белым-бела.
И ты одна из дома выйдешь...
А он не спросит:
где была?..

А ты обманешь,
ты обманешь.
На пальце перстень заблестит,
Глаза обманом затуманишь...
А он в глаза
не поглядит.

А ты заплачешь,
ты заплачешь.
В окне застынешь, как во льду.
А ты беду свою
запрячешь.

Свою беду.
Его беду.

•

ПЕСНЯ РОДИТЕЛЕЙ

Подрастают за день только в сказках,
в жизни

редко происходит это.

И не просто дети спят в колясках, —
дремлет
завтрашний народ планеты!

Хотите ли вы,
не хотите ли,
но дело, товарищи, в том,
что, прежде всего, мы —

родители,

а все остальное —
потом!

Потом — астрономы,
потом — агрономы,
пилоты,
актеры,
врачи и шахтеры.

Да, прежде всего, мы —

родители,

а все остальное —
потом!

Человечек зашагал отважно.
Вот он книжку первую листает.
Кем он станет, —

это очень важно.

Но еще важней —
каким он станет!
Разберемся в этом главном деле,
солнце доброе найдем за тучей.
От того, какими будут дети,
целиком зависит
мир грядущий.

Разберемся в этом главном деле,
солнце доброе найдем за тучей.
От того, какими будут дети,
целиком зависит
мир грядущий.

Хотите ли вы,
не хотите ли,
но дело, товарищи, в том,
что, прежде всего, мы — родители,

Потом — астрономы,
потом — агрономы,
пилоты,
актеры,
врачи и шахтеры.

Да, прежде всего, мы — родители,

**а все остальное —
потом!**

ПЕСНЯ О ГОДАХ

Пусть голова моя седа, —
зимы мне нечего пугаться.
Не только груз —
мои года.

Мои года —
мое богатство.

**Я часто время торопил,
привык во все дела впрягаться.
Пускай я денег не скопил.
Мои года —
 мое богатство.**

**Шепчу «спасибо!» я годам
и пью их горькое лекарство.
И никому их не отдам!
Мои года —
 мое богатство.**

А если скажут мне века:
«Твоя звезда, — увы, — погасла...» —
подымет
детская рука
мои года —
мое богатство.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Р. РОЖДЕСТВЕНСКОГО, ВОШЕДШИХ В НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ

	Том
«А бык играл с людьми...» (Коррида в Риме)	2
«А все-таки ошибся старикан!..» (Стихи о хане Батые)	1
«А здесь вовсю воюют надписи...» (Воюют надписи)	1
«А одна струна — тетива...» (Гитара Гарсиа Лорки)	2
«А он — неумный, как мастер...» (Художник)	2
«А природа опять...»	2
«А свадьба твоя продолжается...» (Твоя свадьба)	2
А ты полюбишь («А ты полюбишь, ты полюбишь...»)	2
«А эта речка так течет!..» (Речка)	2
Аврал («Мы ящиков не выбираем полегче...»)	1
Ай бо! («Нас встречали, будто свадьбу...»)	2
Аксельраты, аксельратки... («Силой мышечной богаты...»)	2
Али-Бала («Была не была — крути...»)	1
Альенде («Молчит убийца в генеральском чине...»)	2
Американский футбол («Мы все поражены...»)	1
«Аппараты летательные...» (Первые)	2
Аркадию Райкину («Ваш выход, артист...»)	1
Арктическая болезнь («Не трудись над хитрой вакциною...»)	1
Ах, как мало («Чай возник из блюда...»)	2
Базар того года («Базар? Базар!..»)	1
Баллада о бессмертии («Хотя гудят: «Пора!»...»)	2
Баллада о зенитчицах («Как разглядеть за днями след нечеткий?...»)	2

Баллада о красках («Был он рыжим...»)	2	268
Баллада о спасенном знамени («Утром, ярким, как лубок...»)	2	139
Баллада о телефонных звонках («Наверное, похожи номера...»)	2	343
Баный день («Прямо над Онегою — десять бань...»)	2	212
«Бар, табаком растерзанный...» (Стихи о себе)	1	223
«Бастует Лувр...» (Кое-что о всеобщей забастовке)	2	158
Бег («Бежала, как по воздуху...»)	2	234
«Без напыщенных фраз и братаний навеки...» (Песня о друге)	2	421
Без тебя («Хотя б во сне давай увидимся с тобой...»)	1	30
«Безобманный гул кулис...» (За кулисами)	2	291
«Берега зеленые-зеленые...» (В пути)	1	24
«Бёрзини, Спрóгисы, Кля́вини...» (Латышские стрелки)	2	324
Билет в детство («Где-то есть город...»)	2	418
Благодарю тебя («Благодарю тебя за песенность города...»)	2	436
Богини («Давай покинем этот дом...»)	1	103
Бокс («Табло чемпионата над залом взметено...»)	2	311
«Больничный коридор пустынный, будто поле...»	2	349
«Будто кто-то ослабил невидимый винтик...» (Хроника одного вечера)	2	315
«Будь, пожалуйста, послабее...»	1	105
«Будь распят на кресте распахнувшихся рук...» (Полночь)	2	124
«Бум! Это не костюмированный бал...» (Танцуют индейцы)	1	215
«Бывает, песни не поются...» (Отец и сын)	2	322
«Был инспектор из Госстраха...» (Страхование жизни)	2	249
«Был кузнец непьющим...» (Сказка о кузнеце, укравшем лошадь)	2	383
«Был он рыжим...» (Баллада о красках)	2	268
«Была не была, — крути...» (Али-Бала)	1	282
«Было весело...» (Именины)	2	43
В буддийском монастыре («Ламы, а вы ничего себе внешне...»)	1	266
«В гневе — небо...» (Нервы)	1	372
В гостинице («Мы простились, простились...»)	1	133
«В гостинице швейцары — жуть!..» (Вольф Мессинг)	1	294
В День поэзии («Нишкни, эстрада!..»)	2	39
«В катакомбах музея...» (Монолог царя зверей)	2	305
В клубе миллионеров («Или обманули, или адрес не-точен...»)	1	233

«В криках: «Осанна!»...» (Несовместимость)	2
«В мире таком старом...» (Перекасти-поле)	2
«В музее тепло и пустынно...» (Никто никому не грубит)	2
«В небе колышется дождь молодой...» (Там, за облаками)	2
В пути («Берега зеленые-зеленые...»)	1
В сорок третьем («Везет на фронт мальчика...»)	1
«В траве — тишина...» (Тишина)	2
«В этом домике укачивает...» (Домик Петра Первого в Саардеме)	2
«В этом мире, в этом городе...» (Стань таким)	2
«Вам каждый второй расскажет...» (Ушел самолет)	1
«Ваш выход, артист...» (Аркадию Райкину)	1
Вверх-вниз («Пусть продолжается наше кочевье...»)	1
«Вдали попыхивал закат...» (Частушка)	2
«Везет на фронт мальчика...» (В сорок третьем)	1
Вера в людей («На трудных и пугающих дорогах...». Песни из спектакля «Молодая гвардия»)	2
Весенний монолог («За порогом потрясающие бездны...»)	1
«Вечная слава героям!..» (Реквием)	1
Вещи («Я снова дома, дома...»)	2
«Взял билет до станции Первая любовь...»	1
Возвращение («Четырнадцать часов полета...»)	1
«Возле озера сгнила оградка тесова...» (На Юсовой горе)	2
«Война откатилась за годы и гуды...»	2
Вольф Мессинг («В гостинице швейцары — жуть!..»)	1
«Восемьдесят восемь» («Понимаешь, трудно говорить мне с тобой...»)	1
«Вот на доме потемневшая охра...» (Окна, которые нарисованы)	1
Воюют надписи («А здесь вовсю воюют надписи...»)	1
«Все в памяти жестоко и чеканно...» (22 ноября 1963 года)	1
«Все дело в скорости!..» (Скорость)	2
«Все начинается с любви...»	2
«Все казалось обычным...» (Крик родившихся завтра)	1
«Все хочу я увидеть...»	2
«Вслушайтесь! Вглядитесь!..»	1
«Встанет море, звеня...»	2
Встреча Нового года («Снег блестел, будто ртутью сыпали с крыш...»)	2
Встречающая солнце (Молитвы инка. «Пыль звездную рассвет клюет по зернышку...»)	2
«Вырастешь, Ксения, строки эти прочти...» (Ксения)	2

Гагра («Живу на белом свете...»)	2	228
«Где-то есть город...» (Билет в детство)	2	418
«Где-то оторопь зноя...»	1	378
«Гитара ахала, подрагивала, тенькала...»	1	392
Гитара Гарсиа Лорки («А одна струна — тетива...»)	2	287
Глагол («Это в памяти остается...»)	2	327
«Говорила мама...»	1	362
«Говорите по-советски...»	2	15
Голод («Метелью ошарашен город...»)	2	13
Голос африканского поэта («Испуг читаю в ваших синих взорах...»)	2	220
«Голос начищенной меди...»	1	167
«Горбуша в сентябре идет метать икру...»	2	260
«Город прославился так...» (Хиросима)	2	281
Города («Города, начинающиеся с вокзалов...»)	1	169
«Да, сначала было слово!..» (Кижин)	2	203
«Давай покинем этот дом...» (Богини)	1	103
Давнее («Я, как блиндаж партизанский...»)	2	29
«Давно перейдя рубеж...» (Цирк)	2	34
Даль великая («Даль великая, даль бескрайняя...»)	2	398
22 ноября 1963 года («Все в памяти жестоко и чеканно...»)	1	213
Двое («Девчонки опаздывают на свидания...»)	1	25
Двое («Катится солнце по склонам». Песни из спектакля «Молодая гвардия»)	2	404
«Дворовых собак по-особому холят...» (Стихи о собаках)	2	224
«Девчонки опаздывают на свидания...» (Двое)	1	25
«Дежурный закричал...» (Мираж)	1	64
День благодарения («Слишком солнечный четверг...»)	1	218
День рождения женщины («Так сколько ж ей?...»)	2	377
Детская игра («Облака плывут, за сосны задевая...»)	1	230
Детскому хирургу Вячеславу Францеву («Прошу простить, хирург...»)	2	308
«Детство, как прочитанная книга...» (Ягоды)	1	158
«Джинн был добрым...» (Сказка о добром джинне)	2	297
Джоконда («Как много эта женщина...»)	2	167
Дипломатам нашим («Дипломаты, дипломаты...»)	1	291
Дни рождений («Луна, сквозь тучи прорастая...»)	2	7
«До крайнего порога вели его спеша...» (Памяти Василия Шукшина)	2	359
До твоего прихода («Теперь я знаю...»)	2	90
«Дождинка малая на землю капнула...» (Желаю вам)	2	441
«Дождь не шел...»	2	216

Долги («Пришла ко мне пора платить долги...»)	2	386
Домик Петра Первого в Саардеме («В этом домике укачивает...»)	2	372
Дочке («Катя, Катюшок, Катюха...»)	1	261
Друг («Мы цапаемся жестко...»)	1	189
Другу, которому я не успел написать стихов... («Есть на свете такие парни...»)	1	348
«Друзья, мой выбор невзлюбив...» (Матрешка)	1	357
«Ежедневное чудо — не чудо...»	2	111
«Если наш Союз называет Россией...» (О национальности)	2	262
«Если разозлишься на меня...»	2	125
«Есть кладбище дорог...» (О дорогах)	1	131
«Есть на свете такие парни...» (Другу, которому я не успел написать стихов)	1	348
«Еще опасаться рано...» (Зорге)	1	364
Жара («Я такой жары еще не помню...»)	1	386
Желаю вам («Дождинка малая на землю капнула...»)	2	441
«Живу, как хочу...» (Жизнь)	1	92
«Живу на белом свете...» (Гагра)	2	228
Жизнь («Живу, как хочу...»)	1	92
«Жизнь летит, как шоссе...» (Подражание бардам)	2	417
«Жил богатырь на свете...» (Сказка о медных трубах)	2	294
За кулисами («Безобманный гул кулис...»)	2	291
«За окошком дышит холод...» (Тыловой госпиталь)	2	365
«За порогом потрясающие бездны...» (Весенний монолог)	1	339
«За стенкой дальней играют гаммы...» (Играют гаммы)	1	350
«За тобой через года...»	1	259
За того парня («Я сегодня до зари встану...»)	2	393
Завтра («Снова над полем закат распростерт...». Песни из спектакля «Молодая гвардия»)	2	403
«Загремели свадьбы...» (Музыка)	2	132
Зал ожидания («Мы в зале ожидания живем...»)	1	277
«Заполнены дворы собачьим лаем...» (Пегас)	2	148
Засуха («Развесели, хоть чем-нибудь развесели...»)	1	165
«Зачем на склоне дня...» (Песня о полыни)	2	431
«Звезды высыпали вдруг...» (Разница во времени)	2	32
«Звуки делятся на...» (Упражнение по фонетике)	2	24
Здравствуй, мама! («Здравствуй, мама!...»)	2	412
«Земля еще и потому щедра...» (Повара)	2	289

«Земля с пустынной жаждой городов...» (Слушая радио)	2	169
Зея («Ты пока что напрыгайся, Зея...»)	2	258
Зимняя любовь («Слишком холодно на дворе...»)	2	424
«Знаешь, друг...» (Ровесникам)	1	81
Зорге («Еще опасаться рано...»)	1	364
«Зря браслетами не бряцáй...»	2	30
«И была там королева пляжа...» (Королева пляжа)	1	383
«И все ж, пройдя сквозь тайгу и пустыни...» (Оглянувшись...)	2	388
Игра в «Замри!» («Игра в «Замри!» — веселая игра...»)	1	99
Играют гаммы («За стенкой дальней играют гаммы...»)	1	350
«Игру нашли смешную...» (Ревность)	1	101
«Идут обыденные дожди...» (Письмо про дождь)	1	303
«Идут часы...» (Часы)	1	125
Иероглифы («Я в японский быт врастаю...»)	2	279
«Или обманули, или адрес неточен...» (В клубе миллионеров)	1	233
Именины («Было весело...»)	2	43
«Интересуешься искусством?...»	1	286
«Испуг читаю в ваших синих взорах...» (Голос африканского поэта)	2	220
«К долгожданной гитаре я тихо прильну...» (Пой, гитарал)	2	434
«Как будто бы обидевшись на берег...» (Отлив)	2	256
«Как детство ночь обнажена...»	2	335
«Как много эта женщина...» (Джоконда)	2	167
«Как оживает камень?...» (Творчество)	1	111
«Как разглядеть за днями след нечеткий?...» (Баллада о зенитчицах)	2	368
«Как тихо в мире!..» (Ночью)	1	284
«Какие памятники ставятся волшебникам?...» (Памяти Михаила Светлова)	1	388
Кактус («Шла тропинка, спотыкаясь...»)	2	222
«Ка Сана море утомило...» (Разговор о снеге с семилетним Ка Саном — сыном сингапурского поэта Го Бо Сена)	2	283
«Катится солнце по склонам...» (Двое. Песни из спектакля «Молодая гвардия»)	2	404
«Катька, Катышок, Катюха...» (Дочке)	1	261
Кафе «Фламенго» («Кафе называлось, как странная птица...»)	1	239
«Кем они были в жизни?...»	1	256
Кижи («Да, сначала было слово...»)	2	203

«Клубок дала волшебница...»
 Кое-что о всеобщей забастовке («Бастует Лувр...»)
 Колыбельная («Спят девочки Галина и Елена...»)
 «Колышется дождь густой пеленой...» (Не надо печалиться)
 «Кому — кофе, кому — каши...» (Хаши)
 «Кому принадлежу?...»
 Концерт («Сорок трудный год...»)
 Королева пляжа («И была там королева пляжа...»)
 Коррида в Лиме («А бык играл с людьми...»)
 Костер («Умирал костер, как человек...»)
 Кочевники («У юрты ждут оседланные кони...»)
 Крик родившихся завтра («Все казалось обычным...»)
 «Кромсаем лед, меняем рек течение...»
 Ксении («Вырастешь, Ксения, строки эти прочти...»)
 Кстати об обычаях («С чужими обычаями не стоит пререкаться...»)
 «Кумачи вихрастые утром запыхают...» (Перед праздником)

 «Ламы, а вы ничего себе внешне...» (В буддийском монастыре)
 Латышские стрелки («Бёрзини, Спрóгисы, Клявини...»)
 Ливень («Погоди!...»)
 «Л,на над городом возшла опять...» (Пока я помню)
 «Луна, сквозь тучи прорастая...» (Дни рождений)
 «Льдины, растаяв, становятся синью в реке...»
 Людям, чьих фамилий я не знаю («По утрам, на планете мирной...»)

 Мамаев курган («Сотни лет расходиться широким кругам...»)
 Матрешка («Друзья, мой выбор невзлюбив...»)
 Мгновения («Не думай о секундах свысока...»)
 «Метелью ошарашен город...» (Голод)
 Мини («Мы на шарики, на шаре...»)
 Мираж («Дежурный закричал...»)
 «Мне все труднее пишется...» (Радиус действия)
 «Мне говорят: «Послушайте...» (Стихи о моем имени)
 «Мне нравится, как он сказал: «Поехали!...» (Посвящение)
 «Мне сегодня показалось...» (Хребет имени Ломоносова)
 «Мне уже в который раз...»
 Могут! («Небоскребики выстроить проще, чем плюнуть...»)
 «Молчит убийца в генеральском чине...» (Альфонде)

Монолог футбольного ветерана («Мы — старые «землемеры»...»)	2	381
Монолог царя зверей («В катакомбах музея...»)	2	305
Мотив («Утро проползло по крышам...»)	2	341
«Мотор перегретый натужно гудел...» (Че)	2	164
Моя любовь («Поэма началась в груди...»)	1	33
Музыка («Загремели свадьбы...»)	2	132
«Мы были большими, как время...» (Песня павших в бою. Песни из спектакля «Молодая гвардия»)	2	406
«Мы в зале ожидания живем...» (Зал ожидания)	1	277
«Мы все поражены...» (Американский футбол)	1	236
«Мы на шарике, на шаре...» (Мини)	2	232
«Мы простились, простились...» (В гостинице)	1	133
«Мы — старые «землемеры»...» (Монолог футбольного ветерана)	2	381
«Мы стоим перед Кижским собором одни...»	2	214
«Мы судьбою не заласканы...»	1	193
Мы уходим («Мы уходим, товарищ...». Песни из спектакля «Молодая гвардия»)	2	405
«Мы — хиппи...» (Хиппи)	2	162
«Мы цапаемся жестко...» (Друг)	1	189
«Мы ящиков не выбираем полегче...» (Аврал)	1	79
«На боках особняков...» (Патруль)	2	20
«На Земле безжалостно маленькой...»	2	105
На родине Маяковского («Нас было семеро...»)	2	45
«На том материке твоя звезда горит...» (Оттуда)	1	228
«На трудных и пугающих дорогах...» (Вера в людей. Песни из спектакля «Молодая гвардия»)	2	403
«На улице, как и вчера, — холодина...» (Немного экзотики)	1	61
На Юсовой горе («Возле озера сгнила оградка тесова...»)	2	208
«Наверное, похожи номера...» (Баллада о телефонных звонках)	2	343
«Над головой созвездия мигают...»	2	145
«Над камином стучат ходики...»	2	22
«Над морем разлежся упруго...» (Отпуск)	2	252
«Над Саппоро кружится снег...»	2	276
«Над ущельями, над сутолокой круч...» (Речка Иня)	1	19
Надпись («С пересудами не знаясь...»)	2	378
«Написал: «живу себе...»	2	150
«Нас было семеро...» (На родине Маяковского)	2	45
«Нас встречали, будто свадьбы...» (Ай бол)	2	218

«Нахожусь ли в дальних краях...»	1	205
«Нахохлятся тяжелые колосья...»	1	171
«Начинается любовь с буквы «я»!..» (Я и мы)	1	365
«Не верю в принцесс на горошинах...»	1	390
«Не доставая до поручня...»	2	278
«Не думай о секундах свысока...» (Мгновения)	2	408
«Не зная о добре...» (Швейцарские коровы)	2	160
Не надо печалиться («Колышется дождь густой пеленой...»)	2	420
«Не поможет здесь ни песня и ни ласка...» (Так и надо!)	1	203
«Не привез я таежных цветов...» (Таежные цветы)	1	173
«Не трудись над хитрой вакциною...» (Арктическая болезнь)	1	83
«Небоскребики выстроить проще, чем плюнуть...» (Могу!)	1	226
«Невероятное спасибо, дюны!..»	1	178
Нелетная погода («Нет погоды над Диксоном...»)	1	72
Немного экзотики («На улице, как и вчера, — холодина...»)	1	61
Необитаемые острова («Снятся усталым спортсменам рекорды...»)	1	96
«Неожиданный и благодатный дождь...»	2	351
«Неправда, что время уходит...»	2	270
Нервы («В гневе — небо...»)	1	372
Несовместимость («В криках: «Осанна!»...»)	2	17
«Нет погоды над Диксоном...» (Нелетная погода)	1	72
«Неужели ты такая же, как эта?..» (Телеграммы)	1	182
Никто никому не грубит («В музее тепло и пустынно...»)	2	137
«Нишкни, эстрада!..» (В День поэзии)	2	39
«Новости из Лимы и Полтавы...»	2	313
Ностальгия («Ностальгия бывает по дому...»)	2	156
Ночью («Как тихо в мире!..»)	1	284
Нью-Йорк сверху («Он пока еще не улей...»)	1	211
О дорогах («Есть кладбище дорог...»)	1	131
О личном («Щуря глазки-щелочки...»)	1	200
О национальности («Если наш Союз называет Россией...»)	2	262
«О, поэтические дела!..»	1	408
О разлуке («Ты ждешь его теперь...»)	1	27
О сердце («Снова сердце бьется шибче молодого...»)	2	416
«Об испытаньях прежних не вспоминай пока что...» (Сауна)	1	272
«Об этом, товарищ, не вспомнить нельзя...» (Огромное небо)	2	396
«Облака плывут, за сосны задевая...» (Детская игра)	1	230
«Обращайтесь в стол находок...» (Стол находок)	2	320
Облака («Хочешь, оторву кусок от облака...»)	1	59

Оглянувшись... («И все ж, пройдя сквозь тайгу и пустыни...»)	2	388
Огромное небо («Об этом, товарищ, не вспомнить нельзя...»)	2	396
Ожидание («Так любимых не ждут у порога...»)	1	21
«Ожидаю ночи, как расстрела...»	2	119
Окна, которые нарисованы («Вот на доме потемневшая охра...»)	1	121
«Он пока еще не улей...» (Нью-Йорк сверху)	1	211
«Остался дом за дымящей степною...» (Товарищ Песня)	2	395
«От тебя я не близко...» (Письмо московскому снегу)	2	50
Ответ на записку из зала («У записки начало деловитое...»)	1	305
«Отдать тебе любовь?...»	2	128
Отец и сын («Бывает, песни не поются...»)	2	322
Отлив («Как будто бы обидевшись на берег...»)	2	256
Отпуск («Над морем разлегся упруго...»)	2	252
«Отсюда видно далеко-далеко...» (Памятник солдату Алеше в Пловдиве)	1	274
Оттуда («На том материке твоя звезда горит...»)	1	228
Паланга («Палаук — значит подожди...»)	1	94
Памяти Василия Шукшина («До крайнего порога вели его спеша...»)	2	359
Памяти Михаила Светлова («Какие памятники ставятся волшебникам?...»)	1	388
Памяти Хемингуэя («Уходят, уходят могикане...»)	1	221
Памятник солдату Алеше в Пловдиве («Отсюда видно далеко-далеко...»)	1	274
Память («Память, ты как никогда легко ранима...»)	1	161
«Парень волнуется...» (У букиниста)	2	21
Париж, Франсуазе Саган («Пишу вам по праву ровесника...»)	1	127
Парни с поднятыми воротниками («Парни с поднятыми воротниками...»)	1	288
Патруль («На боках особняков...»)	2	20
Пегас («Заполнены дворы собачьим лаем...»)	2	148
Пельмени («Солнце в черной туче тонет...»)	1	175
Первые («Аппараты летательные...»)	2	146
Перед праздником («Кумачи вихрастые утром запыхают...»)	1	346
Переезжает роща («С ума сошла роща...»)	1	280
Перекасти-поле («В мире таком старом...»)	2	400
Песня («Свет погаснет...»)	1	197
Песня о годах («Пусть голова моя седа...»)	2	447

Песня о далекой Родине («Я прошу, хоть ненадолго...»)	2
Песня о друге («Без напыщенных фраз и братаний навеки...»)	2
Песня павших в бою («Мы были большими, как время!...»)	
Песни из спектакля «Молодая гвардия»	2
Песня о полыни («Зачем на склоне дня...»)	2
Песня родителей («Подрастают за день только в сказках...»)	2
Письмо в тридцатый век («Эй, родившиеся в 3000-м...»)	1
Письмо из бухты Н. («Пишет тебе капитан-лейтенант...»)	1
Письмо московскому снегу («От тебя я не близко...»)	2
Письмо про дождь («Идут обыденные дожди...»)	1
«Пишет тебе капитан-лейтенант...» (Письмо из бухты Н.)	1
«Пишу вам по праву ровесника...» (Париж, Франсуазе Саган)	1
«Плюньте на изящный ореол...»	2
«По правилам устава...» (Приходят китобои)	2
«По проселочной дороге шел я молча...» (Свадьба)	2
«По утрам на планете мирной...» (Людям, чьих фамилий я не знаю)	1
Повара («Земля еще и потому щедра...»)	2
«Погоди!..» (Ливень)	1
Под водой («С головой накрыла, понесла...»)	1
Подкуплен... («Я действительно подкуплен...»)	2
Подражание бардам («Жизнь летит, как шоссе...»)	2
«Подрастают за день только в сказках...» (Песня родителей)	2
«Подъезды встречают мерцаньем нечетким...» (Стихи о сложности)	1
Поезд («Этот поезд, огромный и странный...»)	2
Позови меня («Я давно снам не верю...»)	2
Пой, гитара! («К долгожданной гитаре я тихо прильну...»)	2
Пока я помню («Луна над городом взошла опять...»)	2
Полночь («Будь распят на кресте распахнувшихся рук...»)	2
«Понимаешь, трудно говорить мне с тобой...» (Восемьдесят восемь)	1
Посвящение («Мне нравится, как он сказал: «Поехали!»...»)	2
«Поэма началась в груди...» (Моя любовь)	1
Поэма о разных точках зрения («Я по улице иду, удручен...»)	2
Праздник («Это — музыка налетела...»)	2
«Привет, Семен!..» (Чисто деловое письмо из Нью-Йорка Сэму Звягину, отечественному пижону)	1
Признание кинодублера («Я — кинодублер...»)	2
«Притворись большим и щедрым...»	2

«Приходит врач, на воробья похожий...»	1	354
«Приходить к тебе, чтоб снова...»	1	29
Приходят китобои («По правилам устава...»)	2	375
«Пришла ко мне пора платить долги...» (Долги)	2	386
Программистам, обучающим ЭВМ («Проводов натруженные жилы...»)	2	356
«Провожаний немое кино...»	2	274
Провожающая солнце (Молитвы инка. «Я понимаю прекрасно...»)	2	56
«Прошу простить, хирург...» (Детскому хирургу Вячеславу Францеву)	2	308
«Прямо над Онегою — десять бань...» (Банный день)	2	212
Птица («Ты куда течешь, речка малая...». Песни из спектакля «Молодая гвардия»)	2	402
«Пугали богами...» (Человек)	1	279
«Пусть голова моя седа...» (Песня о годах)	2	447
«Пусть продолжается наше кочевье...» (Вверх-вниз)	1	396
«Пыль звездную рассвет клюет по зернышку...» (Встречающая солнце. Молитвы инка)	2	54
Радар сердца («У сердца есть радар...»)	2	330
Радиус действия («Мне все труднее пишется...»)	1	254
«Развесели, хоть чем-нибудь развесели...» (Засуха)	1	165
Разговор о снеге с семилетним Ка Саном — сыном сингапурского поэта Го Бо Сена («Ка Сана море утомило...»)	2	283
Разница во времени («Звезды высыпали вдруг...»)	2	32
Ревность («Игру нашли смешную...»)	1	101
Реквием («Вечная Слава Героям...»)	1	138
Реки идут к океану («Реки Сибири, как всякие реки...»)	1	180
Ремонт часов («Сколько времени?...»)	1	269
Речка («А эта речка так течет!...»)	2	116
Речка Иня («Над ущельями, над сутолокой круч...»)	1	19
«Речка Тахо, речка Тахо под Толедо...» (Трещинка)	2	285
Ровесникам («Знаешь, друг...»)	1	81
Росстани («Северное название для перекрестков росстани...»)	2	210
Рулетка («Рулетка! Вот вы не знаете о ней...»)	1	375
Рыбаки («Что вы ловите, рыбаки?...»)	1	135
«С вашей кожей — как ни старается...» (Стыдливые)	1	123
«С головой накрыла, понесла...» (Под водой)	1	94
«С пересудами не знаясь...» (Надпись)	2	378

«С ума сошла роща...» (Переезжает роща)	280
«С чужими обычаями не стоит пререкаться...» (Кстати об обычаях)	1 242
Сарьян («Сарьян рисует, бормоча...»)	2 109
Сауна («Об испытаньях прежних не вспоминай пока что!...»)	1 272
Свадьба («По проселочной дороге шел я молча...»)	2 426
«Свет погаснет...» (Песня)	1 197
Северное («Ты уйди!...»)	1 77
«Северное название для перекрестков росстани...» (Рос- стани)	2 210
«Сейчас весна в походе...»	1 380
Сердце («Я засыпал усердно в преддверии зари...»)	2 107
Сердце в руках («Я видел, как по Праге...»)	1 109
«Силой мышечной богаты...» (Аксельраты, аксельратки...)	2 235
Сказка о добром джинне («Джинн был добрым...»)	2 297
Сказка о кузнеце, укравшем лошадь («Был кузнец непьющим...»)	2 383
Сказка о медных трубах («Жил богатырь на свете...»)	2 294
Сказка с несказочным концом («Страна была до того малюсенькой...»)	2 300
«Сколько времени?...» (Ремонт часов)	2 269
Скорость («Все дело в скорости!...»)	2 237
Сладка ягода («Сладка ягода в лес поманит...»)	2 440
Следы («Я люблю, когда над городом...»)	1 199
«Слишком солнечный четверг...» (День благодарения)	1 218
«Слишком холодно на дворе...» (Зимняя любовь)	2 424
«Слова бывают грустными...»	1 32
Слушая радио («Земля с пустынной жаждой городов...»)	2 169
Слышишь?! («Чайку был...»)	1 185
«Смеркается. Пахнет песком перегретым...»	2 226
«Снег блестел, будто ртутью сыпанули с крыш...» (Встреча Нового года)	2 230
«Снова над полем закат распростерт...» (Завтра. Песни из спектакля «Молодая гвардия»)	2 403
«Снова сердце бьется шибче молодого...» (О сердце)	2 416
«Сняты усталым спортсменам рекорды...» (Необитаемые острова)	1 96
Солнце («Это навсегда запомни ты...»)	1 194
«Солнце в черной туче тонет...» (Пельмени)	1 175
«Сорок трудный год...» (Концерт)	1 163
«Сотни лет расходиться широким кругам...» (Мамаев курган)	2 266

«Спят девочки Галина и Елена...» (Колыбельная)	2	153
Стань таким («В этом мире, в этом городе...»)	2	428
Старьевщик («Я помню, как по Омску...»)	2	134
Старые слова («Три слова, будто три огня...»)	2	422
Стихи о моем имени («Мне говорят: «Послушайте...»)	1	155
Стихи о себе («Бар, табаком растерзанный...»)	1	223
Стихи о сложности («Подъезды встречают мерцанием нечетким...»)	1	404
Стихи о собаках («Дворовых собак по-особому холят...»)	2	224
Стихи о хане Батые («А все-таки ошибся старикан!...»)	1	341
Стол находок («Обращайтесь в стол находок!...»)	2	320
«Страна была до того малюсенькой...» (Сказка ё нескончимым концом)	2	300
Страхование жизни («Был инспектор из Госстраха...»)	2	249
«Струя ручья пронзит глухие чащи...»	2	380
Стыдливые («С вашей кожей, как ни старается...»)	1	123
Сувениры («Сувениры вырезают из обычных чурбачков...»)	2	59
Сын Веры («Я — сын Веры...»)	1	360
«Сяду за воспоминания...»	2	337
«Та зима была, будто война — лютой...»	2	363
«Табло чемпионата над залом взметено...» (Бокс)	2	311
Таетые цветы («Не привез я таетых цветоз...»)	1	173
Так и надо! («Не поможет здесь ни песня и ни ласка...»)	1	203
«Так любимых не ждут у порога...» (Ожидание)	1	21
«Так полыхнуло — сплеча, сполна...» (Чудо)	2	328
«Так сколько ж ей?...» (День рождения женщины)	2	377
Там, за облаками («В небе колышется дождь молодой...»)	2	414
Танцуют индейцы («Бу! Это не костюмированный бал...»)	1	215
Творчество («Как оживает камень?...»)	1	111
Твоя свадьба («А свадьба твоя продолжается...»)	2	438
Телеграммы («Неужели ты такая же, как эта?...»)	1	182
«Теперь я знаю...» (До твоего прихода)	2	90
Тишина («В траве — тишина...»)	2	206
Товарищ Песня («Остался дом за дымкою степною...»)	2	395
«Тот самый луч, который...»	2	254
«Трем-четырем аккордам научусь...»	2	332
Третье музыкальное («Третье музыкальное — помнишь ты?...»)	1	251

Трещинка («Речка Тахо, речка Тахо под Толедо...»)	2	285
«Три слова, будто три огня...» (Старые слова)	2	422
«Ты ждешь его теперь...» (О разлуке)	1	27
«Ты куда течешь, речка малая...» (Птица. Песни из спектакля «Молодая гвардия»)	2	402
«Ты мне сказала: ночью...»	1	406
«Ты пока что напрыгайся, Зейя...» (Зейя)	2	258
«Ты уйди!..» (Северное)	1	77
Тыловой госпиталь («За окошком дышит холод...»)	2	365
У букиниста («Парень волнуется...»)	2	21
«У вас шум в сердце...» (Шум в сердце)	2	245
«У записки начало деловитое...» (Ответ на записку из зала)	1	305
«У киоска поет Отелло...»	1	344
«У разоренного стола...»	2	333
«У сердца есть радар...» (Радар сердца)	2	330
«У юрты ждут оседланные кони...» (Кочевники)	1	264
Убили парня («Убили парня за здорово живешь...»)	2	41
«Уже проснулся дом...» (Утренние стихи)	2	10
«Умирал костер, как человек...» (Костер)	1	196
Упражнение по фонетике («Звуки делятся на...»)	2	24
Утренние стихи («Уже проснулся дом...»)	2	10
«Утро проползло по крышам...» (Мотив)	2	341
«Утром, ярким, как лубок...» (Баллада о спасенном знамени)	2	139
«Уходят, уходят могикане...» (Памяти Хемингуэя)	1	221
Ушел самолет («Вам каждый второй расскажет...»)	1	75
Хаши («Кому — кофе, кому — каши...»)	1	398
Хиппи («Мы — хиппи...»)	2	162
Хиросима («Город прославился так...»)	2	281
«Ходит пол ходуном...» (Чардаш)	1	116
«Хочешь — милуй, хочешь — казни...»	1	370
«Хочешь, оторву кусок от облака...» (Облака)	1	59
«Хотя б во сне давай увидимся с тобой...» (Без тебя)	1	30
«Хотя гудят: «Пора!»...» (Баллада о бессмертии)	2	113
Хребет имени Ломоносова («Мне сегодня показалось...»)	1	69
Хроника одного вечера («Будто кто-то ослабил невидимый винтик...»)	2	315
Художник («А он — неуемный, как мастер...»)	2	371
Цирк («Давно перейдя рубеж...»)	2	34

Чай возник из блюда...» (Ах, как мало)	2	415
Чайку был...» (Слышишь?!)	1	185
ардаш («Ходит пол ходуном...»)	1	116
астушка («Вдали попыхивал закат...»)	2	117
асы («Идут часы...»)	1	125
е («Мотор перегретый натужно гудел...»)	2	164
еловек («Пугали богами...»)	1	85
Человеку надо мало...»	2	264
Человечество в дороге...»	2	272
Четырнадцать часов полета...» (Возвращение)	1	85
исто деловое письмо из Нью-Йорка Сэму Звягину, отечественному пижону («Привет, Семен!...»)	1	245
Что вы ловите, рыбаки?...» (Рыбаки)	1	135
Что же такое «мы»?...»	2	241
удо («Так полыхнуло — сплеча, сполна...»)	2	328
Швейцарские коровы («Не зная о добре...»)	2	160
Шла тропинка, спотыкаясь...» (Кактус)	2	222
Жум в сердце («У вас шум в сердце...»)	2	245
Щуря глазки-щелочки...» (О личном)	1	200
Эй, родившиеся в 3000-м...» (Письмо в тридцатый век)	1	308
Это в памяти остается...» (Глагол)	2	327
Это — музыка налетела...» (Праздник)	2	248
Это навсегда запомни ты...» (Солнце)	1	194
Этот поезд, огромный и странный...» (Поезд)	2	48
Я богат...»	2	151
Я в японский быт вступаю...» (Иероглифы)	2	279
Я видел, как по Праге...» (Сердце в руках)	1	109
Я давно снам не верю...» (Позови меня)	2	430
Я действительно подкуплен...» (Подкуплен...)	2	142
Я жизнь люблю безбожно...»	1	172
Я засыпал усердно в преддверии зари...» (Сердце)	2	107
И мы («Начинается любовь с буквы «я»...»)	1	365
Я, как блиндаж партизанский...» (Давнее)	2	29
Я — кинодублер...» (Признание кинодублера)	2	121
Я люблю, когда над городом...» (Следы)	1	199
Я не был еще...»	1	207
Я по улице иду, удручен...» (Поэма о разных точках зрения)	2	63
Я помню, как по Омску...» (Старьевщик)	2	134

«Я понимаю прекрасно...» (Провожаящая солнце. Молитвы инка)	2	56
«Я прошу, хоть ненадолго...» (Песня о далекой Родине)	2	410
«Я родился — нескладным и длинным...»	1	187
«Я сегодня до зари встану...» (За того парня)	2	393
«Я снова дома, дома...» (Вещи)	2	61
«Я — сын Веры...» (Сын Веры)	1	360
«Я такой жары еще не помню...» (Жара)	1	386
«Я уехал от весны...»	1	57
Ягоды («Детство, как прочитанная книга...»)	1	158

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ СБОРНИКА «ВСЕРЬЕЗ» (1965—1968)

дни рождений	7
'тренние стихи	10
Встанет море, звеня...»	12
олод	13
Говорите по-советски...»	15
лесовместимость	17
латруль	20
'букиниста	21
Над камином стучат ходики...»	22
/пращнение по фонетике	24
давнее	29
Зря браслетами не бряцáй...»	30
'азница во времени	32
ирк	34
Плюньте на изящный ореол...»	37
День поэзии	39
'били парня	41
менины	43
а родине Маяковского	45
.Притворись большим и щедрым...»	47
юезд	48
исьмо московскому снегу	50
оррида в Лиме	52
Аолитвы инка	
1. Встречающая солнце	54
2. Провожающая солнце	56
увениры	59
ющи	61

Поэма о разных точках зрения	63
До твоего прихода (Поэма)	90

ИЗ СБОРНИКА «ПОСВЯЩЕНИЕ» (1967—1970)

«На Земле безжалостно маленькой...»	105
Сердце	107
Сарьян	109
«Ежедневное чудо — не чудо...»	111
Баллада о бессмертии	113
Речка	116
Частушка	117
«Ожидая ночи, как расстрела...»	119
Признание кинодублера	121
Полночь	124
«Если разозлишься на меня...»	125
«Отдать тебе любовь?...»	128
«Кому принадлежу?...»	130
Музыка	132
Старьевщик	134
Никто никому не грубит	137
Баллада о спасенном знамени	139
Подкупленный	142
«Над головой созвездия мигают...»	145
Первые	146
Пегас	148
«Написал: «живу себе...»	150
«Я богат...»	151
Колыбельная	153
Ностальгия	156
Кое-что о всеобщей забастовке	158
Швейцарские коровы	160
Хиппи	162
Че	164
Джоконда	167
Слушая радио	169
Посвящение (Поэма)	170

ИЗ СБОРНИКА «ВОЗВРАЩЕНИЕ» (1970—1972)

«Клубок дала волшебница...»	201
Кизи	203

Тишина	206
На Юсовой горе	208
Росстани	210
Банный день	212
«Мы стоим перед Кижским собором одни...»	214
«Дождь не шел...»	215
Ай бо!	218
Голос африканского поэта	220
Кактус	222
Стихи о собаках	224
«Смеркается. Пахнет песком перегретым...»	226
Гагра	228
Встреча Нового года	230
Мини.	232
Бег	234
Аксельраты, аксельратки...	235
Скорость	237

ИЗ СБОРНИКА «ЛИНИЯ» (1971—1973)

«Что же такое «мы»?...»	241
Ксении	243
Шум в сердце	245
Праздник	248
Страхование жизни	249
Отпуск	252
«Тот самый луч, который...»	254
Отлив	255
Зая	258
«Горбуша в сентябре идет метать икру...»	260
О национальности	262
«Человеку надо мало...»	264
Мамаев курган	265
Баллада о красках	268
«Неправда, что время уходит!...»	270
«Человечество — в дороге...»	272
«Провожаний немое кино...»	274
«Над Саппоро кружится снег...»	276
«Не доставая до поручня...»	278
Иероглифы	279
Хиросима	281

Разговор о снеге с семилетним Ка Саном — сыном сингапурского поэта Го Бо Сена	283
Трещинка	285
Гитара Гарсиа Лорки	287
Повара	289
За кулисами	291
Сказка о медных трубах	294
Сказка о добром джинне	297
Сказка с несказочным концом	300
Монолог Царя Зверей	305
Детскому хирургу Вячеславу Францеву	308
Бокс	311
«Новости из Лимы и Полтавы...»	313
Хроника одного вечера	315
Стол находок	320
Отец и сын	322
Латышские стрелки	324
Глагол	327
Чудо	328
Радар сердца	330
«Трем-четырем аккордам научусь...»	332
«У разоренного стола...»	333
«Как детство, ночь обнажена...»	335
«Сяду за воспоминания...»	337

ИЗ СБОРНИКА «ГОЛОС ГОРОДА» (1973—1977)

Мотив	341
Баллада о телефонных звонках	343
Альенде	346
«Все хочу я увидеть...»	347
«Больничный коридор...»	349
«Неожиданный и благодатный дождь...»	351
«Все начинается с любви...»	352
«А природа опять...»	354
«Кромсаем лед, меняем рек течение...»	355
Программистам, обучающим ЭВМ	356
Памяти Василия Шукшина	359
«Война откатилась за годы и гуды...»	361
«Та зима была, будто война, — лютой...»	363
Тыловой госпиталь	365
Баллада о зенитчицах	368

Художник	371
Домик Петра Первого в Саардеме	372
Приходят китобои	375
День рождения женщины	377
Надпись	378
«Струя ручья пронзит глухие чащи...»	380
Монолог футбольного ветерана	381
Сказка о кузнеце, укравшем лошадь	383
Долги	386
Оглянувшись...	388
«Льдины, растаяв, становятся синью в реке...»	389

ПЕСНИ РАЗНЫХ ЛЕТ

За того парня	393
Товарищ Песня	395
Огромное небо	396
Даль великая	398
Переكاتи-поле	400
Песни из спектакля «Молодая гвардия»	
1. Птица	402
2. Вера в людей	403
3. Завтра	403
4. Двое	404
5. Мы уходим	405
6. Песня павших в бою	406
Мгновения	408
Песня о далекой Родине	410
Здравствуй, мам!	412
Там, за облаками	414
Ах, как мало	415
О сердце	416
Подражание бардам	417
Билет в детство	418
Не надо печалиться	420
Песня о друге	421
Старые слова	422
Зимняя любовь	424
Свадьба	426
Стань таким	428
Позови меня	430
Песня о полыни	431
Пока я помню	432

Пой, гитара!	434
Благодарю тебя	436
Твоя свадьба	438
Сладка ягода	440
Желаю Вам	441
А ты полюбишь	443
Песня родителей	445
Песня о годах	447

Рождественский Р. И.

- 2 Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. Стихотворения; Поэмы (1965—1977); Песни.— М.: Худож. лит., 1979, 472 с.

В том второй вошли стихотворения из сборников поэта: «Всерьез», «Посвящение», «Возвращение», «Линия», «Голос города», поэмы «До твоего прихода», «Поэма о разных точках зрения», «Посвящение», а также песни разных лет,

Роберт Иванович РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Избранные произведения

Том 2

Редактор

З. Кондратьева

Художественный редактор

Ю. Боярский

Технический редактор

О. Ярославцева

Корректоры

Т. Кузина и

Л. Овчинникова

ИБ № 1261

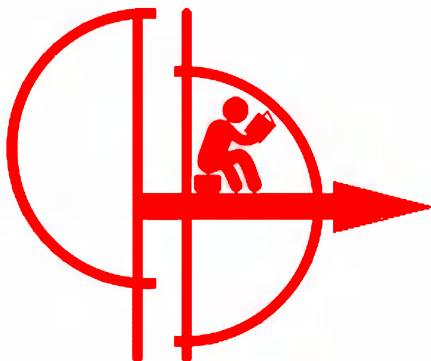
Сдано в набор 23.10.78. Подписано
в печать 16.08.79. А-11689, Формат
84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 1.
Гарнитура «Журнальная рубленая».
Печать высокая, 24,78 усл. печ. л.,
48,788 уч.-изд. л. Тираж 75 000 экз.,
Заказ № 1352, Цена 2 р. 10 к.

Издательство

«Художественная литература»

Москва, 107882, Ново-Басманная, 19,

Ордена Трудового Красного Зна-
мени Ленинградская типография
№ 2 имени Евгении Соколовой
«Союзполиграфпрома» при Госу-
дарственном комитете СССР по де-
лам издательства, полиграфии и
книжной торговли. 198052, Ленин-
град, Л-52, Измайловский про-
спект, 29

2 р. 10 к.

2

Роберт Рождественский

Рождественский

Роберт

РР